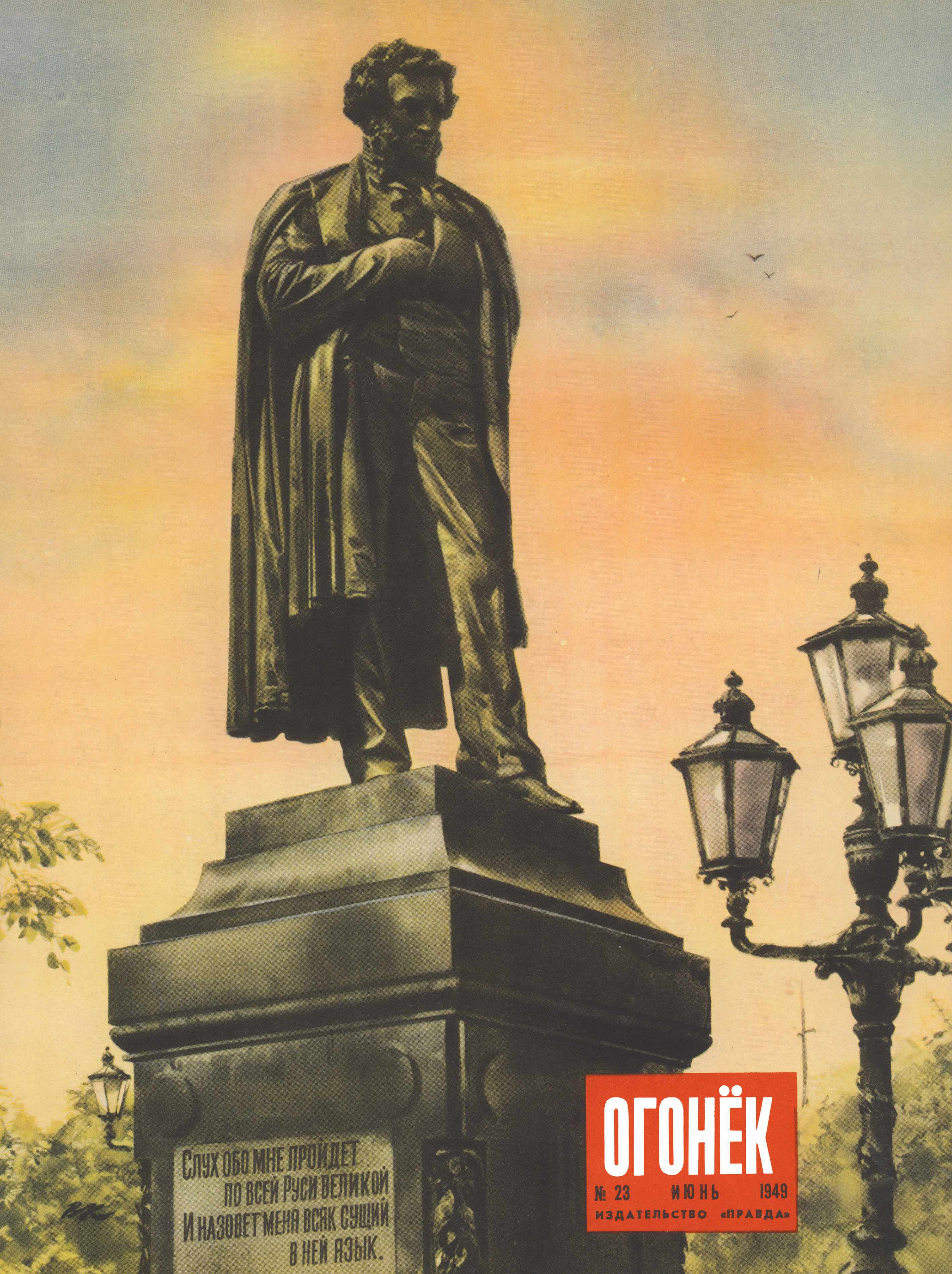
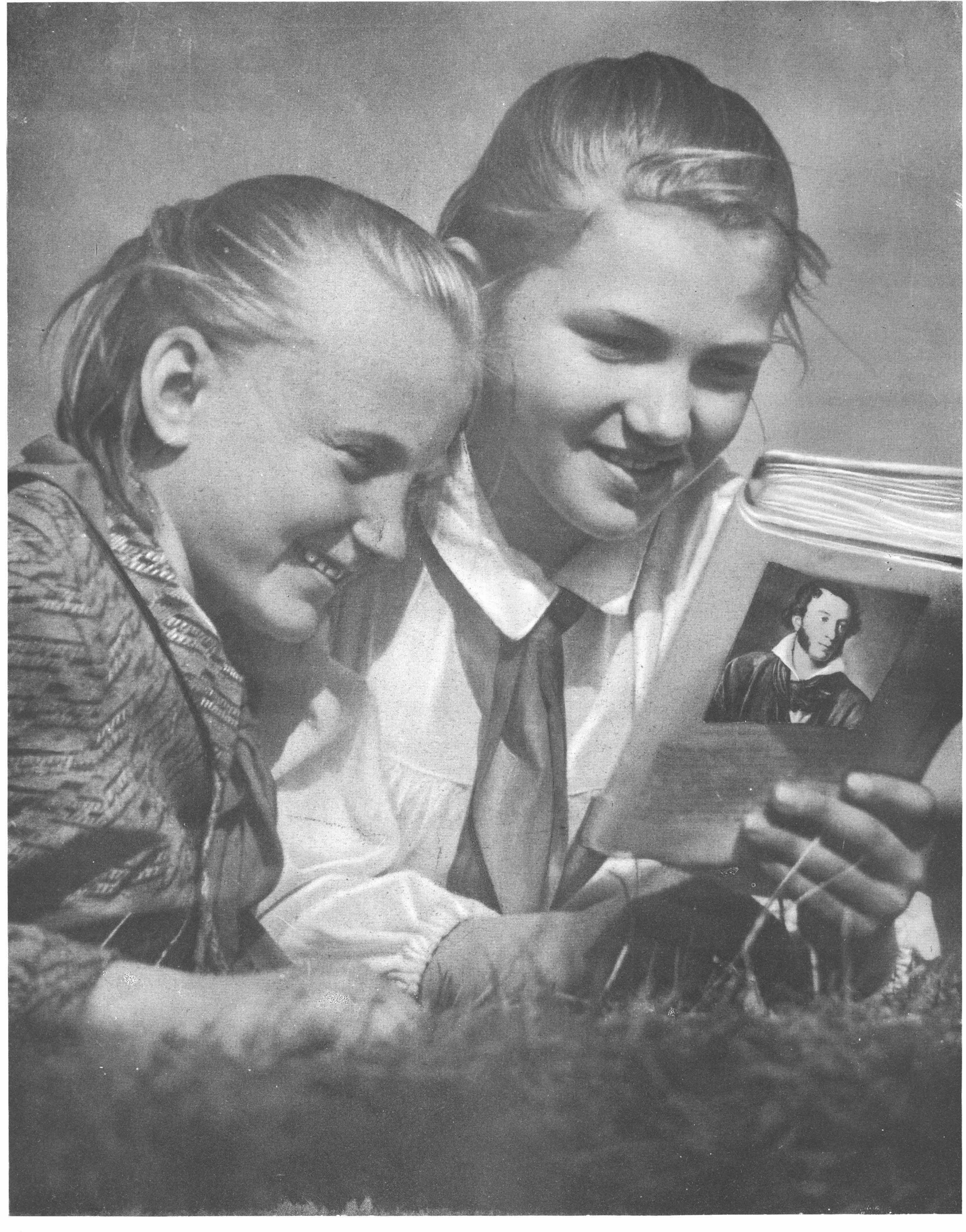

Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий
в ней язык.
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пионерки Аня Ухина и Валя Кочергина из колхоза «Новый путь», Орловской области, читают Пушкина.

Фото А. Григорьева

На первой странице обложки: памятник А. С. Пушкину в Москве.
Рисунок В. Климашина

На последней странице обложки: памятник Пушкину-лицеисту в гор. Пушкине.
Фото И. Шагина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1148)

5 ИЮНЯ 1949

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27-й год издания

1799 — 1949
6 июня
150-летие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818 год. *А.С. Пушкин*

«А. С. Пушкин» — плакат работы художника Б. Зеленского.

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ал. СУРКОВ

1

Начальные годы века. Зимний вечер. Желтый язычок пламени десятилинейной лампы освещает тесную, низкую деревенскую избу. Воет метель в печной трубе. Однообразно жужжат веретена. С десяток женщин — пожилых и молодух,— рассевшись по лавкам, прядут. За столом под образами, поближе к лампе, сидит молодой мужик, «питерец» — пекарь, из-за болезни застрявший на зиму в деревне. Перед ним развернута книга. Негромким голосом, едва заглушающим жужжанье веретен, он читает внимательным, ловящим каждое слово слушательницам представленную в лицах историю давно минувших дней о царе Борисе, мучимом угрызениями больной совести, о незадачливом авантюристе Гришке Отрепьеве, властолюбивой полячке Марине, хитроумных боярах, странствующих пьяницах-монахах, смиренном летописце Пимене, безмолвствующем народе...

Больше сорока лет хранит моя память эту картину. Уже давно умер тот, кто читал, и многие из тех, которые слушали эти «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», а впечатления этой первой, неугаданной встречи с Пушкиным хранятся в сердце во всей своей первоначальной свежести. И слышу я заполнявшие все зимние вечера детства шорохи метели за окнами и жужжанье веретен и вижу задумчивые лица матери и ее товарок, и, как сквозь сон, доносится до меня размеренная, неторопливо спокойная речь Пимена:

«Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя...»

Потом, через три или четыре года, я встретился с Пушкиным в звенящем детскими голосами классе нашей старенькой деревенской школы, и, когда я по вызову учительницы читал срывающимся от волнения голосом:

«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда»,—

веселые глаза Пушкина смотрели на меня с портрета, висевшего в простенке, и ободряли и говорили: смелей, смелей!

Так на протяжении более столетия входил Пушкин в жизнь многих поколений русских людей, приобщавшихся к грамоте, к книге.

Звучные, кристально ясные стихи Пушкина помогали русским людям с детских лет почувствовать всю силу и покоряющее полнозвучие родного языка. Начертанные рукой гения картины природы и народной жизни вызывали и укрепляли в детских сердцах чувство любви к родной земле, родному народу. Вольнолюбивая муза Пушкина пробуждала в сердцах высокие и благородные гражданские чувства, рождала мысли и желание подвига во имя отчизны.

Подрастая и мужая, мы входили в мир пушкинской прозы, в большой мир чувств и страстей, открывающихся в его неповторимо прекрасной и чистой лирике, в его как бы отлитых из бронзы поэмах, его гениальных драматических произведениях.

Для большого ряда поколений русских людей гениальные творения Пушкина стали высшей школой художественного вкуса, как для всех поколений русских писателей послепушкинской поры творчество Пушкина стало школой художественного реализма.

Народ наш по праву и по великим историческим заслугам назвал своего первого поэта солнцем русской поэзии, создателем русского литературного языка, зачинателем новой русской литературы.

Творчество Пушкина возвышается над творчеством предшественников — писателей XVIII и начала XIX века,— как сверкающая вершина Эльбруса возвышается над семьей гор Кавказа.

Наследник Ломоносова и Державина, ревностный хранитель неисчерпаемых богатств устного народного поэтического творчества, Пушкин первый из русских поэтов раскрепостил поэзию от оков книжности и подражательности, вывел ее из тесного мира аристократических и дворцовых салонов и гостиных на широкий простор народной жизни, дал развитию русского стиха и русской прозы новые законы, согласные с законами и природой народного русского языка.

Великий революционер и преобразователь в литературе, Пушкин со смелостью гениального новатора сломал и отбросил сложившиеся за столетие до него и успевшие омертветь литературные каноны, дал поэтическому слову силу «народного просторечия», неизмеримо расширил круг «предметов поэзии», сделав прекрасным и поэтическим то, что до его прихода почиталось недостойным для выражения на «языке богов».

Законный наследник Радищева, Пушкин утвердил и закрепил в русской поэзии и пламенную политическую лирику и политическую сатиру, как основополагающую историческую традицию, предопределив развитие гражданского начала в лирике Лермонтова и гражданско-демократической лирики Некрасова.

В творчестве Пушкина берет начало могучая критически-реалистическая традиция великих русских поэтов и писателей XIX века, составляющая силу и гордость русской литературы.

2

Творчество Пушкина поражает читателя изумительным разнообразием и многообразием. Нет ни одного вида и жанра в современной ему литературе, в котором бы Пушкин с присущим его гению блеском не испытал свои силы. Как поэт-лирик Пушкин обновил и дал новую жизнь всем лирическим жанрам, принятым в русской поэзии допушкинской поры. Автор «Цыган», «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилы», «Полтавы», Пушкин утвердил в русской поэзии жанр романтической поэмы. «Графом Нулиным», «Домиком в Коломне» он положил начало русской лирико-юмористической поэмы. Своим «Евгением Онегиным», который Белинский по праву назвал «энциклопедией русской жизни», Пушкин создал новый для русской поэзии жанр реалистического лирико-бытового романа. Непревзойденным до наших дней образцом остается поэма «Медный всадник».

Своим «Борисом Годуновым», своими неповторимыми «маленькими трагедиями» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Сцены из рыцарских времен») Пушкин вывел русскую драматургию в пору зрелости.

«Повестями Белкина» и «Капитанской дочкой» Пушкин открыл первые страницы русской реалистической прозы, нашедшей себе такое великолепное продолжение в творчестве Гоголя, прозе Лермонтова, романах Толстого, Тургенева и других великих писателей XIX века.

Автор бесчисленных острых, разящих эпиграмм и сатирических стихов, Пушкин, опираясь на наследие своих предшественников, поэтов-сатириков, прочно утвердил в русской поэзии жанр поэтической сатиры, как оружия политической борьбы, столь блестяще развитый в творчестве Некрасова и поэтов «Искры» и в наши дни представленный в творчестве Владимира Маяковского и Демьяна Бедного.

Подарив родному народу свои поэтические «Сказки», Пушкин сделал стихию сказочного народного творчества прочной традицией русской литературы.

Титанический труд Пушкина по обогащению литературного языка неисчерпаемыми сокровищами «народного просторечия», по сближению языка поэзии с языком народа, на столетия останется для писателей непревзойденным примером подлинного новаторства в литературе.

Положив своим творчеством начало главным видам и жанрам новой русской литературы, Пушкин, вслед за своим другом Жуковским, великолепными, достойными его гения переводами стихов ряда западноевропейских поэтов и своими «Песнями западных славян» дал для поэтов последующих поколений высокие образцы поэтического перевода, предопределив идущую до наших дней замечательную переводческую традицию русской поэзии.

Писатель-гражданин, Пушкин не замкнул свой гений в рамки чисто поэтических жанров. Его перу принадлежат лучшие критические статьи в русской литературе до появления на исторической сцене величайшего русского критика В. Г. Белинского.

Своей «Историей Пугачева», незавершенным трудом по «Истории Петра Первого», своими историческими набросками и критическими замечаниями Пушкин сделал значительный и своеобразный вклад в русскую историографию.

От Пушкина берет свое начало славная традиция писателя — организатора литературы,— так блестяще представленная в последующие десятилетия деятельностью Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Максима Горького.

От пушкинской «Литературной газеты» и «Современника» до «Современника» и «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина и до огромных издательско-организаторских начинаний Горького лучшие писатели России утверждают высокую ответственность писателя перед народом не только за свое личное творчество, но и за всю современную им и будущую литературу.

Горячая заинтересованность в развитии отечественной литературы — одна из самых светлых черт облика Пушкина, делающая его таким близким нам, людям социалистического общества.

Эта черта раскрывается в Пушкине в годы ранней молодости поэта. Общение с «арзамасцами» и участниками кружка «Зеленой лампы», первые схватки «романтиков» с литературными староверами уже в самой юности вводят Пушкина в круг больших судеб русской литературы, пробуждают в нем горячий темперамент литературного бойца. Общение с передовыми людьми своего времени, будущими декабристами, участие в борьбе с тираническим самодержавием укрепляют и обостряют в Пушкине чувство ответственности за судьбу отечественной литературы.

Травимый самодержавием, вынужденный проводить лучшие годы своей жизни в глуши кишиневской, одесской и михайловской ссылки, оторванный от живого общения с писателями, Пушкин с трепетным вниманием следит издалека за всеми событиями, происходящими в литературе.

Он с жадностью набрасывается на каждый новый альманах, каждую новую книгу журнала или новую книгу стихов, доходящих до него из Петербурга или Москвы. В переписке с Вяземским, Дельвигом, Бестужевым, Рылеевым он дает им оценки новых явлений литературы, издалека направляет их удары по литературным врагам, спорит, соглашается, обращеет внимание на новые многообещающие имена.

Он пристально следит издалека за работой Гнедича над переводом «Илиады», укрепляя переводчика в сознании огромного значения его труда.

Он радуется публицистическим успехам Вяземского и вступает с ним в спор по разным вопросам, имеющим большое значение для развития литературы, раскрывает перед ним свои воззрения на русскую литературу XVIII века, обсуждает достоинства и недостатки современных западноевропейских литератур, настойчиво зовет к борьбе за самобытность русской литературы.

Искренним волнением и беспокойством продиктованы строки о молчании Жуковского. Во многих письмах видна радость за Баратынского, Дельвига и других талантливых поэтов. Насильственно удаленный от литературы, Пушкин живет в ней, борется, ищет и находит новое, организует лагерь соратников и единомышленников.

И уже в те времена возникает не оставляющая поэта все годы его жизни в литературе мечта об издании газеты или журнала, вокруг которого думал он собрать все живые силы русской литературы для борьбы со всеми, кто тормозит развитие страны.

Лишь через несколько лет далеко не полно осуществилась мечта поэта о своем печатном органе в виде издававшейся поэтом Дельвигом при самом близком участии Пушкина «Литературной газеты». Просуществовав недолго, зажатая в невыносимых тисках николаевской цензуры, «Литературная газета» все же оставила неизгладимый след в истории русской литературы.

П. Соколов.— А. С. Пушкин.

Незадолго до своей гибели Пушкин получил возможность основать журнал «Современник», объединивший вокруг себя все живые силы русской литературы.

Влияние Пушкина-поэта на современную ему литературу, на поэтов и писателей последующих десятилетий огромно. Не менее огромно и значение деятельности Пушкина как полноправного хозяина русской литературы, ее критика, ее организатора, воспитателя молодых литературных талантов, редактора и издателя.

Таким во всей многогранности предстает перед нами образ самого большого русского поэта, бесстрашного борца с самодержавием, писателя-гражданина, для которого личная судьба поэта, судьба родной литературы и судьба родного народа были слиты в неразрывном, гармоническом единстве.

3

Самодержавие долгие десятилетия воевало с убитым им поэтом, и многие «заветные» пушкинские стихи увидели свет только после Октября. Но и в старые времена слово Пушкина начинало звучать на многих братских языках народов, населявших Российскую империю. Великий поэт украинского народа Тарас Шевченко видел излучение пушкинского гения. Зачинатели белорусской поэзии Янка Купала и Якуб Колас сделали стихи Пушкина достоянием родного языка. Первый поэт казахского народа Абай Кунанбаев, испытавший могучее влияние Пушкина, был первым переводчиком его стихов на казахский язык, и чудесное «письмо Татьяны» в переводе Абая стало народной песней в казахских аулах. Габдулла Тукай сделал Пушкина любимым поэтом Татарии. Мирза-Фатали Ахундов подарил Пушкина народу Азербайджана. Гений Пушкина во многом предопределил судьбу ряда классических поэтов Грузии, сделавших стихи Пушкина достоянием грузинского народа.

Но подлинное завоевание Пушкиным многонациональной семьи советских народов свершилось в послеоктябрьские годы.

Кто присутствовал на юбилейных торжествах, посвященных столетию со дня гибели Пушкина, тот не может вспоминать без волнения незабываемый вечер в Колонном зале Дома союзов, где десятки лучших поэтов братских народов Союза, сменяя один другого на трибуне, читали каждый на своем языке бессмертные строфы пушкинского «Памятника».

И ныне, к стопятидесятилетию со дня рождения поэта, его стихи звучат более чем на семидесяти языках народов Советского Союза. Они звучат не только на языках народов, имеющих многостолетнюю культурную традицию и письменность, но и на десятках языков народов, только после Октября обревших свою письменность и литературу. Характерно, что в Ереване выходят в свет переводы Пушкина на курдский язык — язык народа, большинство которого влачит жалкое существование в Иране и Турции, не имея в этих странах своей письменности.

Пушкинский юбилей в Советском Союзе отмечается не только как светлый, культурный праздник русского народа, по праву гордящегося своим величайшим поэтом, но и как праздник всех национальностей, населяющих нашу великую Родину.

Победивший социализм открыл сокровища пушкинской поэзии миллионам людей, приобщенных к величайшим ценностям культуры, раздвинул границы влияния пушкинской поэзии далеко за пределы нашей Родины. И в странах народной демократии вместе с нами отмечают пушкинскую дату как народный праздник.

Пройдя сквозь сокрушительный поток времени, поэзия и проза Пушкина предстают перед нынешним читателем во всей своей первоначальной свежести и непосредственности, вызывая отзвуки живого волнения в сердцах наших современников — участников великого исторического дела — строительства коммунизма.

Наш Пушкин

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Молодой крестьянин Петруха, в рассказе Льва Толстого «Хозяин и работник», осилив грамоту, любил читать наизусть подходящие к случаю басни и стихи из хрестоматии Паульсона. Готовясь отправиться провожатым в трудный путь ночью, в метель, Петруха наизусть читает стихи Пушкина в собственной интерпретации. Стоя во дворе около своей лошади, он с улыбкой упоенно твердит: «Буря с мглою небо скроить, вихры снежные крутять, аж как зверь она завоить, аж заплачить, как дите». Лев Толстой дальше пишет: «Петруха же и не думал об опасности: он так знал дорогу и всю местность, а кроме того стишок о том, как «вихры снежные крутять», бодрил его тем, что совершенно выражал то, что происходило на дворе».

Это свойство поэзии Пушкина — совершенно выражать то, что происходит во дворе, в доме, вообще в человеческой жизни,— давало возможность и малограмотным и совсем неграмотным русским людям утолять жажду искусства из чудесных родников его поэзии. Моя неграмотная бабушка часто певала за работой «Под вечер, осенью ненастной». Не могу теперь вспомнить, изменяла ли она, как Петруха, на свой лад пушкинский «Романс», но помню ясно, что совершенно точно и с большим чувством выпевала старуха следующие строки:

«Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной!»

Старая неграмотная крестьянка, не зная имени поэта, всем сердцем отзывалась на поэтическое выражение его жалости к несчастной матери внебрачного ребенка и бедственному будущему самого дитяти. Пушкинский «Романс» пленял старуху правдивостью изображения хорошо известной ей участи «незаконных» детей в царской России. Поэт Пушкин не выдумывал людей, ни их чувств, ни их страстей, ни их судеб. Он их знал.

Каждый русский читатель — при всем разнообразии общественного положения, степени своего культурного развития и возрастном различии — находит в сокровищнице пушкинского творчества свое, особенно любимое. То, что Пушкин пророчил Жуковскому, в неизмеримо большей мере осуществлено им самим. «Его стихов пленительная сладость» прошла «веков завистливую даль». Русские люди из поколения в поколение воспринимают художественные образы, созданные Пушкиным, во всей их изначальной свежести, неувядаемыми.

Осуществилось и то, что Пушкин сказал о самом себе, защищая свою музу от хвалы и клеветы «глупцов» современной поэту эпохи: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык...»

В романе нашего современника, лауреата Сталинской премии Мухтара Ауэзова «Абай», рассказывается, как великий казахский поэт переводил письмо Татьяны из «Евгения Онегина» на свой родной язык:

В. Яковлев.— А. С. Пушкин. 1944 г.

«Покоренный волнением Татьяны, он снова вчитывался в пушкинские строки. «Такие дни прошли для меня, — думал он, — да и в те дни — слышал ли я подобный голос?» И тотчас, прорезав мрак его памяти, как падающие звезды прорезают темный небосвод, перед его глазами промчались два светлых облика. Один — лик сияющей юности, Тогжан; второй, полный душевной тоски — Салтанат. Еще вчера, переводя письмо Татьяны, он вспоминал их обеих. Обе они, подобно самой Татьяне, подавили разумом голос сердца, обе не смогли поднять голов, опутанных уздою неволи. И все время, пока Абай переводил грустные излияния Татьяны, в его сердце приглушенно звучали и их прощальные слова».

Это душевная перекличка двух поэтов разных национальностей и разных эпох. Через пятьдесят лет после смерти Пушкина запели казахи в своих степях письмо Татьяны, переведенное Абаем на их родной язык. Теперь его поет советская казахская молодежь, для которой не только эпохи Пушкина и Абая, но и конец российского самодержавия — уже старина. А образ Татьяны все молод, и женское его очарование все так же сливается с образом реальной любимой девушки и у нашей молодежи. Абай — поэт, и Пушкин не только оживляет его личные печальные и прекрасные воспоминания о женщинах своего народа. Великий русский поэт обогащает казахского. После перевода письма Татьяны Абай приобретает в своей лирике подлинно высокое и проникновенное звучание.

Каждый поэт может найти в наследстве Пушкина то настроение, которое ищет для полного звучания своей собственной лиры. Когда-то я читала в воспоминаниях нашего современника Николая Тихонова, что в детстве любимым его стихотворением было «Делибаш» Пушкина. Не помогло ли это воинственно-лихое стихотворение оформиться индивидуальному тихоновскому тону в нашей поэзии, необыденному, героическому складу даже в самых мирных стихах Николая Тихонова? Мне со стороны кажется, что помогло. И всякому читателю, совсем далекому от писательской профессии, Пушкин помогает жить, работать и любить.

От его солнечной поэзии всегда исходят лучи необыкновенного жизнелюбия, которое мирит нас с жизнью в самые горькие минуты личного существования. Живут его любовь, его гнев, его свободолюбие, как *наши* любовь и гнев и свободолюбие, а свое ограниченное, личное, уже не пригнетает душу. Ярким светом озаряется красота русской природы. И русские поляны, и леса в осеннем уборе, и гордые горы Кавказа, и Крым с его теплым морем горячо волнуют воображение читателя. Наша Родина встает перед нами во всем разнообразии природной мощной красоты.

В эпоху гражданской войны в Челябинске стояли на охране боевые части красноармейцев 5-й армии. Во время их пребывания мы, челябинские работники просвещения, занимались ликвидацией неграмотности среди этих красноармейцев. Знания малограмотных мы старались освежить и, по мере возможности, пополнить. На уроках арифметики и общеобразовательных предметов они присутствовали довольно охотно, почти в полном составе. Но поскольку читать кое-как они могли уже самостоятельно, уроки чтения и грамматики многие из них находили несущественными. С этих уроков они разбегались по разнообразным личным своим делам. Тогда политкомиссар дал распоряжение поставить часового у классных дверей, чтобы наши ученики не уходили ни с одного урока до его окончания.

Чтобы приохотить их к чтению, я вдруг, неожиданно для самой себя, решила почитать им вслух Пушкина. И так как я спешила отвлечь внимание моих учеников от часового у дверей и привлечь к себе, то начала читать стихотворение, которое твердо помнила наизусть. Сказала название «Кавказ» — и внутренне испугалась: стихотворение трудное для понимания неразвитого читателя. Но в классе с первой же строфы воцарилась чуткая тишина:

«Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье».

Класс был зачарован самим ритмом стиха и могучим пушкинским изображением величавой природы Кавказа.

Первые отклики моих слушателей были следующие.

Один сказал:

— Эх, какая силища находится в этом самом Кавказе!

А другой задумчиво прибавил:

— А все-таки народу там вроде тесно...

В этот день мои ученики потребовали, чтобы на каждом уроке я им читала «такие же хорошие песни».

— Тогда и без часового не станем убегать до конца занятий,— от лица всех пообещал один из самых старших по возрасту моих учеников, особенно недолюбливавших уроки чтения и грамматики.

После Октябрьской революции изымалась из городских и сельских библиотек вредная макулатура. Вдруг в Челябинск в библиотечную секцию поступила жалоба заведующей библиотекой-читальней Курганского района. Член коллегии Губнаробраза изъял из этой библиотеки большой однотомник Пушкина. Мы, библиотечная секция, пошли к этому товарищу объясняться. Бывший рабочий, участник московского вооруженного восстания в 1905 году, он сильно не взлюбил российскую интеллигенцию по встречам с дурными ее представителями в годы реакции. И со мной при встречах по работе он разговаривал всегда отрывисто и сухо. Когда я стала ему говорить, что надо понимать и ценить великого русского поэта, он резко прервал меня сердитым восклицанием:

— Не так много вы сами понимаете! Сначала спросили бы, за что я эту книжку изъял. Не за содержание, а за картинки — там всякие русалки нарисованы,— старики из населения из-за этих картинок не позволяют молодым Пушкина читать. Постараюсь другое издание достать. Как же не читать молодежи Пушкина, когда она горячо его любит? А вчитавшись, уже не забудет и в старости. Вот я очень давно заучил это стихотворение, а оно для меня и по сей день очень дорогое.

И он просто, без декламации, но задушевно и трогательно прочитал наизусть:

«Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?
На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?
И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?»

Я пишу не литературное исследование, не критическую статью о Пушкине, а просто перебираю листки житейских воспоминаний о том, как в сферу чувства разных людей властно входил Пушкин. Он так же властно входил и в орбиту наших мыслей о духе русского народа, о моральной силе этого народа, его уме и его особой русской сметке, о его свободолюбии. Читая Пушкина, особенно ясно осознаешь душу народа.

Очевидно, это сознание продиктовало одному юноше, ученику девятого класса нашей школы, следующие строки в письме ко мне:

«Когда я читаю у Маяковского «сукин сын Дантес! Великосветский шкода», мне эти слова не кажутся грубыми. Нисколько! Ведь от негодования, когда все в тебе кипит от гнева и обиды за Пушкина, за его насильно оборванную, еще молодую жизнь, разве можно выражаться со всяким там изяществом? Ведь как много он дает нам!.. Благородство мысли он дает нам, понимание разных человеческих характеров от самого подлого какого-нибудь Воронцова до великого и светлого Моцарта, тоже загубленного простым ремесленником искусства. А как любил Пушкин русский народ и как его хорошо понимал! Если бы каким-нибудь чудом это можно было сделать, и Пушкин был бы жив теперь, как он ликовал бы, радуясь за свой народ, который первым на земле проложил путь в царство справедливости, путь к коммунизму...»

Заветная лира

Ян СУДРАБКАЛН,
народный поэт Латвийской ССР

Герои великого поэта переступили порог латыша во второй половине прошлого века. Эти годы историки латышской литературы затем назвали эпохой национального пробуждения. В борьбе против векового гнета прибалтийских немецких баронов и засилья немецких пасторов в культурной жизни края виднейшие наши деятели черпали силы у русских писателей, публицистов.

Юрис Алунан — одаренный поэт, филолог и публицист, страстный патриот — помог латышам завязать дружбу с Пушкиным в 60-х годах прошлого столетия, когда он перевел отрывок из «Цыган». В 90-х годах и в начале нашего века идеологи нового, прогрессивного течения — Райнис, Янсон, Стучка — видели в русских классиках и современных писателях борцов за свободу.

«Кавказский пленник», переведенный в 1877 году, был созвучен романтическим мечтаниям о свободе. «Капитанской дочкой», переведенной четыре раза (впервые в 1878 году), зачитывались: народ со смутными симпатиями прислушивался к грохоту пугачевской грозы.

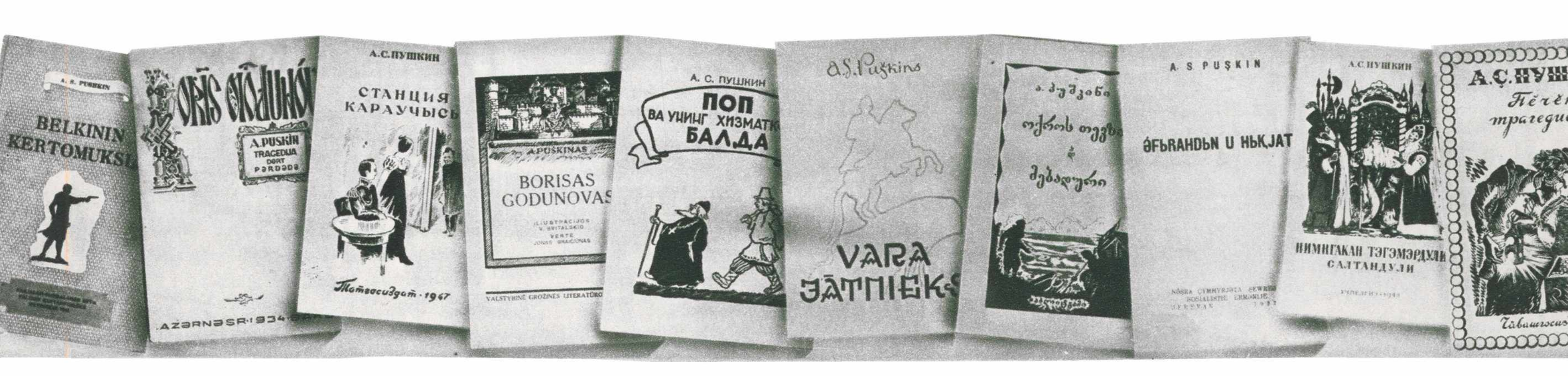
Столетие со дня рождения Пушкина латыши отметили новыми статьями и переводами, среди которых выделяется перевод «Бориса Годунова», принадлежащий Райнису, и его же статья о русском поэте.

В годы буржуазной республики, которую латышская буржуазия оптом и в розницу распродавала иностранным капиталистам, произведения Пушкина не давали латышам задохнуться в мещанской, космополитической, затхлой жизни, укрепляли дружбу с великим русским народом, веру в будущее. В страшные годы диктатуры Ульманиса и гитлеровской оккупации Пушкин стал агитатором. Всегда он был с нами.

Нельзя назвать ни одного крупного латышского писателя прошлых лет и нашего времени, который бы не увлекался Пушкиным, не изучал бы его, не учился у него. Глава латышской советской литературы Андрей Упит в юности перевел «Полтаву». В буржуазной республике на сцене Рижского художественного театра с успехом шла пьеса Яна Грота о Пушкине. В 1944 году Грот в стихотворении «Встреча с русским воином» трогательно передает чувства радости и благодарности, волновавшие народ. При расставании поэт и воин думают о Райнисе и Пушкине.

Когда-то, в буржуазное лихолетье, мы, зачарованные, слушали «Вакхическую песню»,— строки Пушкина и мелодия Глазунова уносили нас ввысь. Произведения Пушкина, насыщенные гражданским пафосом, его светлая жизнерадостность, всепобеждающая сила свободного ума разрывали свинцовые облака капитализма и шовинизма, нависшие над маленькой Латвией. В опере рижане слушали «Бориса Годунова» Мусоргского, «Русалку» Даргомыжского, «Царя Салтана» и «Золотого петушка» Римского-Корсакова, «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Мазепу» Чайковского, «Дубровского» Направника, «Алеко» Рахманинова, «Руслана и Людмилу» Глинки, и гений русских композиторов сливался с гением поэта.

Сказать ли несколько слов о чувствах и воспоминаниях, волнующих лично меня в эти памятные дни? Вижу школяра, склонившегося над книгой в пебалгском приходском училище. Пробушевал только что 1905 год. Еще дымился пепел сожженных карательными экспедициями хуторов. Неумелой мальчишеской рукой я начал складывать вирши, списывал в тетрадку полюбившиеся мне строфы различных поэтов. Русский язык раскрыл передо мною новый, огромный, чудесный мир. И первыми после стишков азбуки о петушке-золотом гребешке в памяти сохранились начальные строфы «Медного всадника». Несколько лет спустя я увидел в «Ниве» репродукцию картины Репина, и запомнился на всю жизнь лицеист с высоко вскинутой правой рукой и вдохновенным лицом, декламирующий свои стихи. Сменялись разные литературные увлечения в моей жизни, но мысль неуклонно возвращалась к Пушкину, когда с новой силой разгоралось стремление овладеть мастерством стиха, когда душа тосковала по великим идеалам, и ум и сердце искали путей к народу, к правдивому, реалистическому искусству, простоте и подлинной поэзии.

На языках всех народов нашей великой Родины звучат бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина.

Болдино

Вл. ДУДИНЦЕВ

Фото А. Становова

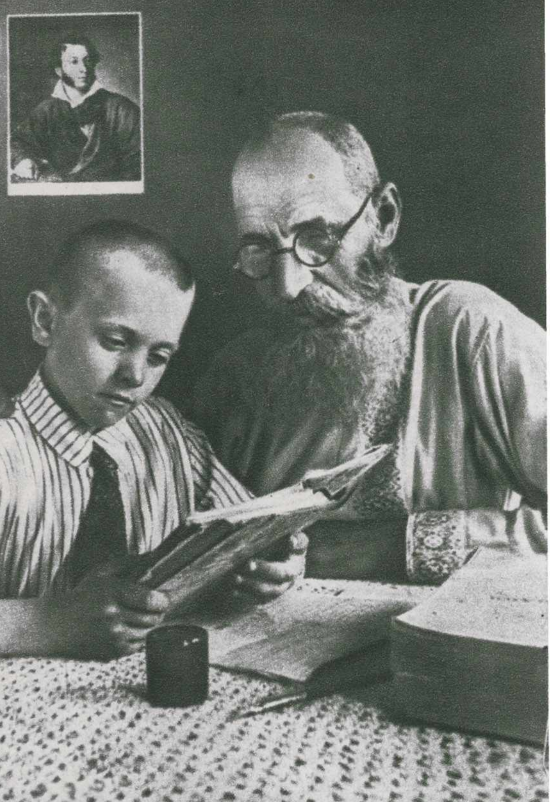
Что влечет нас к этой точке на карте Горьковской области, к этому селу Болдино? Далеко от железной дороги, среди дубовых перелесков и зеленых ржаных массивов, лежит оно — село как село! Четыре колхоза занимают каждый свою улицу. Дома, деревянные и кирпичные, сбегают вниз, к лугам...

Издалека приезжают люди в Болдино. Оставив чемоданы в Доме колхозника, выходят на главную улицу.

— Дедушка! Как называется улица?

— Эта? Пушкинской называем. Александр Сергеевич хаживал этой улицей на отцовский хутор.

Пушкинская! И гости идут этой длинной улицей вдоль рубленых сосновых изб колхоза «Трудовик». Улица ведет к широкой площади, где Дом советов, Дом культуры и редакция районной газеты «Колхозная трибуна» с трех сторон обступают памятник Пушкину.

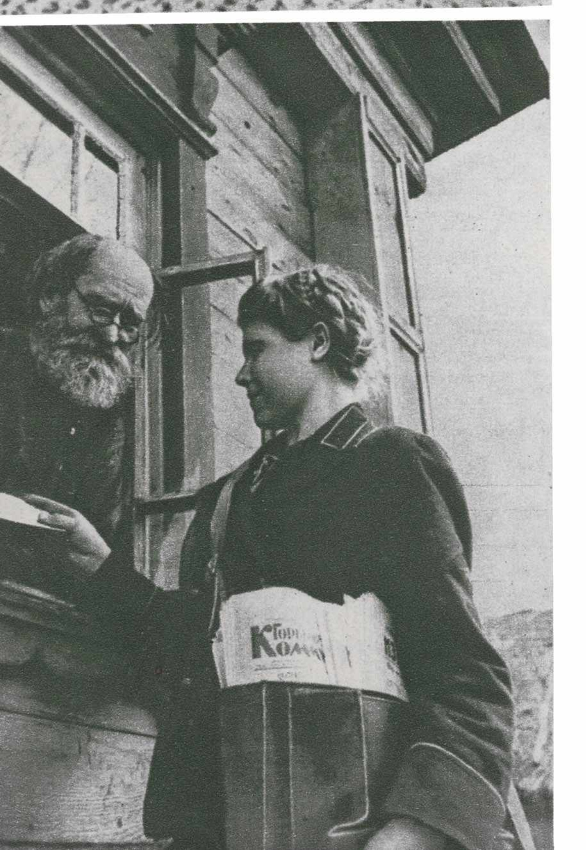

В каждой колхозной избе вы здесь встретите среди семейных фотографий знакомый пушкинский портрет, тщательно выписанный своим сельским художником. А кое-где найдете и рисунок «у лукоморья дуб зеленый» с русалкой на ветвях и котом на цепи.

Пушкинская... Он любил ходить здесь в ту осень восемьсот тридцатого года, что зовем мы болдинской. В те три месяца из-под его пера вышли последние главы «Евгения Онегина», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Дон-Жуан», «Домик в Коломне», пять «Повестей Белкина» и около тридцати стихотворений.

Где предел народной любви к великому поэту? Найдите в колхозе «Трудовик» Ивана Алексеевича Лобанова, семидесятилетнего садовника. Он занят сейчас ответственным делом — посадкой лесополос (их нынче надо посадить семь гектаров) и фруктового сада. Но попросите — и он с радостью поведет вас на пушкинскую усадьбу. Покажет на берегу пруда дряхлую, начинающую уже сохнуть ветлу в пять обхватов — пушкинскую ветлу. Проведет вас в старинный деревянный дом с мезонином. Иван Алексеевич, должно быть, не знает, а скорее всего, не хочет знать, что дом этот перестроен после смерти поэта, что лишь фундамент — малиновые кирпичи старинного обжига — остался от пушкинских времен. Он твердо говорит: в этом доме жил Пушкин.

Не так давно умер в Болдине Михей Сивохин ста девятнадцати лет от роду — последний человек из тех, кто видел и слышал живого Пушкина. Память у деда Михея была на редкость ясная, к тому же и любил он поговорить о веселом барине-стихотворце, которому он не раз подавал лошадей. Из постоянных слушателей Михея осталось в селе человек пять. Сейчас каждому из них под восемьдесят лет. В народе их называют «пушкинистами» за непримиримость, с которой отстаивает каждый из них чистоту преданий о Пушкине.

На снимках (сверху вниз):

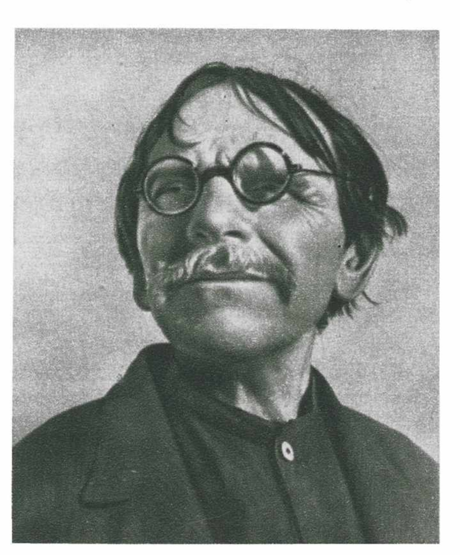
У пушкинской ветлы. Садовник Болдинского музея-заповедника Иван Григорьевич Куликов, директор музея Федор Филиппович Краско и садовник колхоза «Трудовик» Иван Алексеевич Лобанов.

Алексей Павлович Новиков с внуком.

Ивану Алексеевичу Лобанову принесли почту.

Ивана Васильевича Киреева считают первым «пушкинистом». Зайдите к нему — он вам покажет толстую папку писем. Давно уже он переписывается с московскими и ленинградскими учеными. Иван Васильевич помнит все «михеевские» рассказы о Пушкине. Пусть не все точно в этих рассказах, но посмотрите, как верно передан в них образ Пушкина!

Вот один из этих рассказов. Однажды Пушкин послал Михея с письмом к соседу, барину Можарскому. Проезжая мимо дома Можарского, Михей не скинул шапки. «Откуда мужик?» — спросил Можарский, увидев Михея в окно. Слуги отвечают: «Лошади, видать, из Болдина», «Болдинские мужики неуважительные»,— сказал барин и велел призвать Михея. Тот входит, подает письмо от Пушкина, а Можарский дает ему другое: «Отдашь это своему барину». Когда Александр Сергеевич прочитал грамоту Можарского,—засмеялся: «Почему перед Можарским не скинул шапки?» — «Не знал»,— отвечает Михей. «Так вот: нигде и ни перед кем шапки не скидай. Таков мой обычай! А сейчас пойдем чай пить!»

Иван Васильевич Киреев

От рассказа старик переходит к коротким воспоминаниям: «Михей говорил: хаживал Пушкин по этой улице утрами, когда топились печи. Топили по-черному—дым из дверей, вся улица в дыму... Любил ездить в рощу Лучинник, писать любил там на большом дубовом пне. Стихи обязательно прочитывал слуге... Дворовые несколько раз видели, как он катался на коньках вместе с малышами...»

С некоторыми из болдинских стариков вы можете и поспорить. Старушка-колхозница Надежда Петровна Панина, например, уверенно заявляет, что до Пушкина Болдино называлось Горюхиным.

— Нет, бабушка, вы ошибаетесь. Горюхиным оно никогда не называлось. Это название Александр Сергеевич придумал для своей «Истории села Горюхина».

— Э-э, милый, где уж мне ошибаться! Уж мне ли Горюхина не знать! Александр-то Сергеевич не придумал, а очень правильно все описал. Ему ли не верить? Так и было: Горюхино.

«И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит!» Эти слова невольно вспоминаешь, когда идешь в гости к Алексею Павловичу Новикову, председателю ревизионной комиссии колхоза, депутату сельского совета.

Больше сотни стихотворений напечатал он в районной, областной и даже в московских газетах. Отдельной книгой вышли его стихи в Горьком. И сейчас, во время беседы, можно украдкой заглянуть в исписанный карандашом листок, что лежит на столе под его крупной рукой. Новые стихи:

«Теперь ты смотришь с пьедестала,
Горюхина не узнаешь,—
У нас вся жизнь иною стала.
Иною стала молодежь!
Тобой воспетую свободу
Мы защитим любой ценой...»

Дело идет к вечеру. На улице собирается колхозная молодежь. Приближаются звуки гармони. Веселая Пушкинская улица — в цветастых платочках, в радостном блеске глаз — с песнями идет мимо окна.

ПУШКИН И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Профессор Н. БРОДСКИЙ

Кто из нас с детских лет не знает пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»? Кто из нас с первых же ее слов

«Жил старик со своею старухой
У самого синего моря...»

не проникался той поэтической стихией, о которой невольно хочется сказать словами самого Пушкина: «Там русской дух... там Русью пахнет!»? Кто из людей, хоть немного знакомых с русской народной поэзией, не почувствовал в знаменитом прологе к «Руслану и Людмиле» глубокую связь поэзии Пушкина с русскими народными сказками?

И в самом деле, как поразительно близки классические строки пушкинского пролога к подлинно народной сказке, записанной Пушкиным со слов его няни Арины Родионовны!

«Что за чудо... вот что чудо: у моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказыват, вниз идет — песни поет», — рассказывала Арина Родионовна.

«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит», —

пишет в своей поэме «Руслан и Людмила» Пушкин.

В этих чудесных строках, передающих красочный мир народной фантазии, раскрывается не только красота пушкинских стихов, но и подлинно народные, национальные основы его сказок.

Прекрасно сказал об этом А. М. Горький: «Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой: «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей»,— мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, едва заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным! Великолепные сказки Пушкина были всего ближе и понятнее мне; прочитав их несколько раз, я уже знал их на память; лягу спать и шепчу стихи, закрыв глаза, пока не усну».

Но было бы глубоко неверным устанавливать связь Пушкина с народным творчеством, исходя только из его сказок. Все творчество Пушкина свидетельствует об этом не менее ярко. Его поэтические и прозаические произведения насыщены фольклорным материалом, фольклорными мотивами, фольклорными темами и фольклорной поэтикой: «Узник», «Братья разбойники», «Жених», «Борис Годунов», сказки, «Сон Татьяны» и «Песня девушек» в «Евгении Онегине», «История Пугачева», «Капитанская дочка», «Русалка», «Кирджали», перевод песен западных славян и многое другое.

И опять вспоминаются замечательные слова Горького, так глубоко оценившего гигантскую работу, которую проделал Пушкин, овладевая русским национальным фольклором: «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов; он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил не измененными их смысл и силу».

При этом не надо забывать, в какую эпоху жил и творил Пушкин. Это была эпоха крепостного права, когда многомиллионное крестьянство, порабощенное и угнетенное, было

Там, где был поэт

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал: «С детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу...»

В детстве Пушкин, кроме поездок в подмосковную усадьбу своей бабушки Захарово, только однажды, когда ему не было и двух лет, побывал в Петербурге. В 1811 году он был отвезен в лицей, только что открытый в Царском Селе (ныне город Пушкин). По окончании лицея в 1817 году Пушкин исколесил Россию в разных направлениях. Многие его поездки, как известно, были вынужденными.

В 1820 году Пушкин был выслан царским правительством из Петербурга на юг России. В Екатеринославе (ныне Днепропетровск) он встретился с семьей героя войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского и вместе с ней совершил путешествие по Кавказу и Крыму. Он побывал в Новочеркасске, Пятигорске (который тогда назывался Горячеводск), Железноводске, Кисловодске, Тамани, Керчи, Феодосии, посетил Гурзуф, Бахчисарай. Из Крыма ссыльный Пушкин, прикомандированный к канцелярии генерала Инзова, должен был ехать в Кишинев, где и прожил до середины 1823 года. Из Кишинева Пушкин ездил в Каменку, Киевской губернии, где встречался с некоторыми членами тайного Южного общества, будущими декабристами. Из Каменки в 1821 году он ездил в Киев. В декабре этого года — в Аккерман и Измаил.

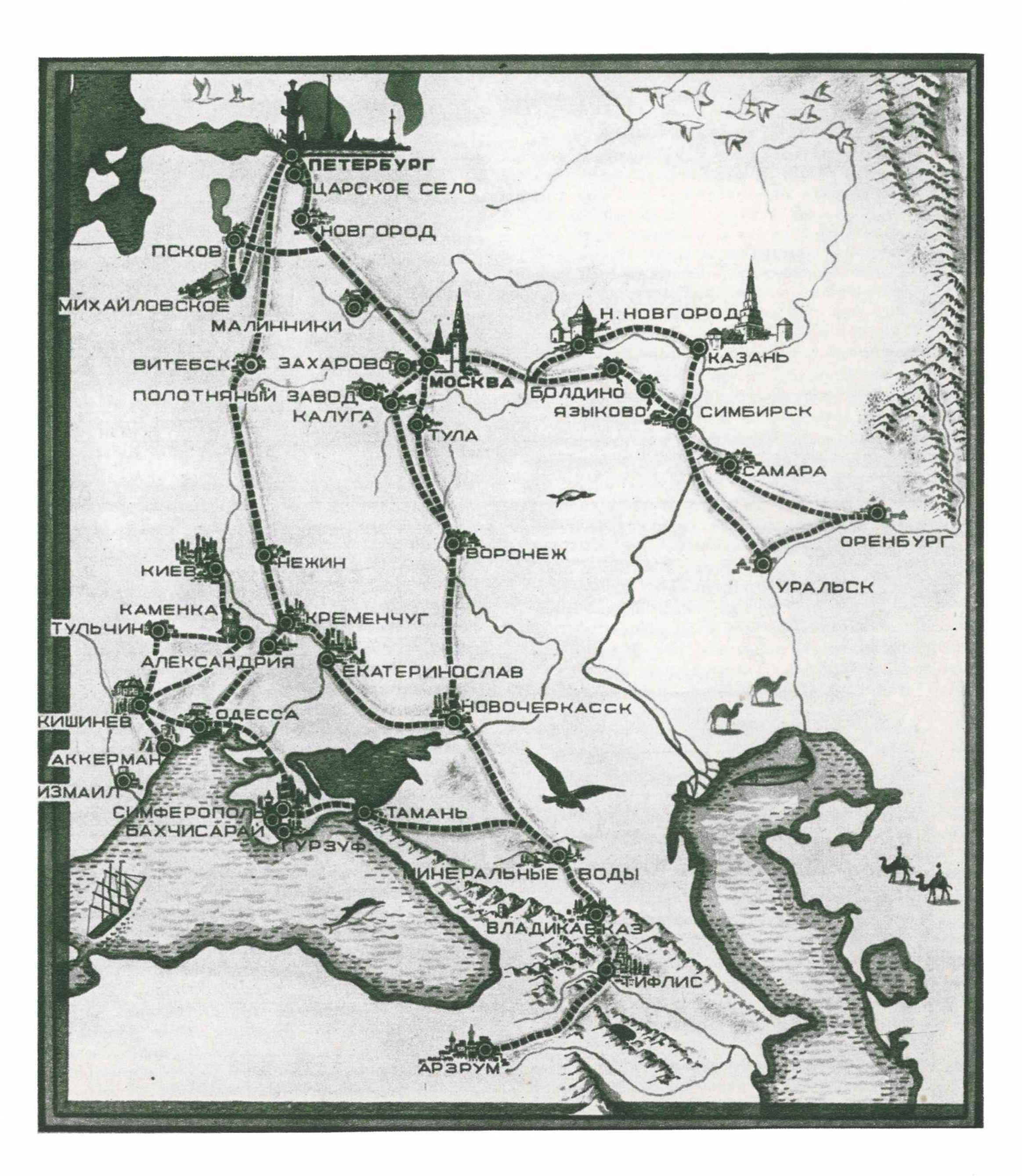
В середине 1823 года Пушкин был переведен в Одессу. Отсюда в январе 1824 года он совершил поездку в Тирасполь и Бендеры. В июле этого же года он был выслан из Одессы в село Михайловское, Псковской губернии. Ехать он должен был через Елисаветград (ныне Кировоград), Кременчуг, Чернигов, Могилев, Витебск.

Живя в Михайловском под надзором местных властей, Пушкин имел возможность посещать только соседнюю усадьбу Тригорское, Святогорский монастырь (ныне Пушкинские Горы) да Опочку; затем он получил разрешение на поездки в Псков.

В сентябре 1826 года ссыльный Пушкин был вызван Николаем I в Москву. «Прощенный» царем, поэт получил относительную свободу передвижения. С 1827 года он жил в Петербурге, но часто приезжал в Москву, откуда совершал поездки в подмосковные села — Остафьево и Архангельское; ездил в Ярополец, в Малинники (Тверская губерния), в Полотняный завод (Калужская губерния), в Болдино (Нижегородская губерния).

В 1829 году Пушкин из Петербурга выехал на Кавказ, в действующую армию, через Москву, Калугу, Белев, Орел, Владикавказ (ныне Дзауджикау), Тбилиси и Карс. Пушкин, приняв участие в походе на Арзрум, побывал в этом городе, который был сдан турками русским.

В 1833 году в связи с работой над «Историей Пугачева» Пушкин предпринял поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии. Он посетил Нижний-Новгород (ныне Горький), Казань, Симбирск (ныне Ульяновск), Оренбург (ныне Чкалов) и Уральск. Это было последнее дальнее путешествие Пушкина.

лишено элементарных человеческих прав; когда господствующий класс дворян не только пренебрежительно относился к народу и отрицал его духовное богатство, культуру, в которых выражалась сила народа, но и боялся малейшего проявления этой силы. Это была эпоха политической реакции, наступившей после подавления декабрьского восстания 1825 года.

Каким же мужеством и смелостью должен был обладать Пушкин, выступивший в защиту народной культуры! «Есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.». По убеждению Пушкина, история народа, народное творчество, выразившее в песнях и сказках его богатый духовный мир,— вот что составляет основу подлинно национальной культуры.

В пушкинской библиотеке сохранилось богатое собрание сборников русской народной песни, пословиц, поговорок, былин, сборник Кирши Данилова, сборник народных песен Чулкова — 1770 год, сборник народных песен Новикова — 1780 год, собрание древнерусских пословиц — 1779 год, русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем,— 1785 год, и другие. Все эти книги, заботливо подобранные поэтом, свидетельствуют о вдумчивом изучении народного творчества.

Можно без преувеличения сказать, что Пушкин знал все жанры русского фольклора, народной поэзии: былины, песни исторические и лирические, песни свадебные, похоронный и рекрутский плач, духовные стихи, сказки, народные драмы, пословицы, поговорки. До нас дошло 60 русских народных песен, которые Пушкин записал в Михайловском в 1824—1826 годах и в Оренбургской губернии, куда он ездил в 1833 году за материалом для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

В 1828 году Пушкин вместе со своим приятелем Соболевским задумал издать сборник народных песен. По свидетельству Языкова, Пушкин собрал все напечатанные до него русские песни и привел их в порядок («зане они издавались без всякого толку»).

В 1833 году Пушкин передал тетрадь записанных им песен известному собирателю народных песен П. В. Киреевскому. «Вот эту пачку,— вспоминал Киреевский — дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите — которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку,— продолжал Киреевский,— никак не могу сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные».

Пушкин предстает перед нами не только как страстно влюбленный в народное творчество поэт, но и как ученый-фольклорист.

Занимаясь собиранием и изучением фольклорного материала, Пушкин сформулировал свою, принципиально новую точку зрения на народное творчество.

Он считал, что народное творчество является основой художественной литературы.

Таким образом, фольклор, по мнению Пушкина,— основа литературы. Эта точка зрения великого поэта перекликается с концепцией А. М. Горького. Два народных, национальных писателя при всем различии эпох, в которые они жили, понимали, что без связи с народом, с народным творчеством не может быть подлинно художественной литературы.

В своих статьях Пушкин не раз повторяет, что только в кровной, органической связи с народной поэзией может плодотворно развиваться художественная литература, что писатель только тогда овладеет мастерством речевой культуры, когда он не будет в отрыве от народа. «В зрелой словесности приходит время,— писал еще в 1828 году Пушкин,— когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченными кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

Трагедия родилась на площади, заявлял Пушкин, и для того, чтобы русская драматургия стала подлинно народным искусством, она должна отвечать желаниям народа и должна быть написана на языке, понятном народу. И первой такой трагедией в русской литературе была трагедия Пушкина «Борис Годунов».

Дворянские критики и журналисты, современники Пушкина, яростно нападали на него за то, что он вносил в язык такие обороты, которые были не приняты в великосветских кругах. Опираясь на речевую культуру крестьянства, Пушкин защищает свое право на введение в русскую литературу просторечья, присущего русскому языку.

Вслушивайтесь в простое народное наречие, молодые писатели, говорит Пушкин, вы в нем многому можете научиться, чего не найдете в наших журналах... «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают... Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований».

Эти заветы Пушкина очень близки гениальным словам А. М. Горького: «Писатель, не обладающий знаниями фольклора,— плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен».

* * *

Размышляя о сущности русского народного творчества, Пушкин пришел ко второму, очень важному выводу о том, что народное творчество отражает особенности жизни народа, которая складывается под влиянием социальных и исторических условий. Как пример Пушкин указывает напевы и содержание русских свадебных песен, в которых доминируют скорбные мотивы, печаль девушки, выданной насильно замуж за немилого. Скорбная тематика этих народных свадебных песен, по существу, выражает, как справедливо указывал Пушкин, скорбь русской женщины, оплакивающей свою тяжелую долю рабы.

Определяя социальными причинами эту скорбную тематику в народном творчестве, Пушкин не считал, однако, ее основной, господствующей темой. Борьбу русского народа за лучшую долю считал Пушкин основным в истории народных масс. Вглядываясь в русский фольклор, Пушкин находил там материал, свидетельствующий, насколько антиисторична, лжива, неверна была официальная тогда теория народности, утверждавшая, что культ православия, самодержавия, смирения и покорности — якобы существо русского национального характера. Нет, возражает Пушкин этим теоретикам, народные желания, народные чаяния, народные думы не таковы! Не смирение, а воля к творчеству, воля к жизни, борьба за свободу — вот что определяет, по мнению Пушкина, сущность русского народного характера.

Правильное, глубокое понимание Пушкиным русской истории как борьбы народа с его угнетателями сложилось под влиянием тех социально-исторических условий, в которых жил Пушкин. Еще отроком Пушкин был свидетелем, как народ, вставший на защиту своей родины, разгромил «непобедимую» армию Наполеона.

В 20-х годах, во время своего путешествия по югу России, Пушкин узнает, что на Дону крестьяне, вооружившись, выступают против казачьих атаманов, против правительственных войск, борясь за свою свободу. Здесь же он впервые услышал песни о Степане Разине.

В годы ссылки Пушкин живет в Кишиневе, в Каменке среди декабристов, таких людей, как Пестель, Михаил Орлов, В. Раевский; он переписывается с Рылеевым и Бестужевым. Растущие крестьянские восстания в тридцатых годах XIX века принудившие даже шефа жандармов признаться, что крестьянство — это пороховой погреб, который ежесекундно грозит взорваться, окончательно убедили Пушкина в исторической правильности его вывода.

Таким образом, не только детские впечатления, не только сказки и песни Арины Родионовны, но современное Пушкину народное движение, и главным образом оно, определили отношение Пушкина к фольклору, его верное понимание сущности устного русского народного творчества.

Поэтому и в истории особый интерес Пушкин проявлял к «смутному» времени, к эпохам крестьянских войн XVII—XVIII веков. И в фольклоре отбирает Пушкин определенные песни, с определенной тематикой.

Прежде всего он записывает те произведения народного творчества, в которых выражаются народный протест против царизма, против крепостного права, народные идеалы свободы. С особенным вниманием собирает Пушкин песни о Степане Разине. Он и сам сочиняет песню о Разине, борце за народную свободу, непримиримом враге бояр. С таким же вниманием на основе фольклорного материала воссоздает Пушкин в своем романе «Капитанская дочка» образ другого народного героя — Емельяна Пугачева.

Пушкин раскрывает в народном творчестве духовное богатство народа, которое проявляется в трезвом уме, в «лукавой насмешливости», в умении от души повеселиться и поиздеваться над тем, что достойно осмеяния.

Социальная направленность, вольнолюбие русского народа — вот что дорого Пушкину в народном творчестве. «Возьмите сказку «О попе и работнике Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и т. д. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив, оттенил еще более резко»,— писал Горький.

* * *

Любя свой народ, его историю его творчество, Пушкин с большим вниманием изучал также творчество других народов. Благодаря Пушкину русский читатель познакомился с поэтическими творениями народов царской России. В его поэме «Кавказский пленник» девушки поют черкесскую песню. Песня Земфиры в поэме «Цыганы» является переработкой молдавской песни.

Пушкин хорошо знал народные песни «Грузии печальной», запечатлев в своих отдельных стихотворениях мотивы грузинского фольклора.

В Кишиневе он записывал песни о вождях народного восстания со слов участника этого восстания Василия Каравия. Собирая молдавские предания XVII века, Пушкин перерабатывал их несколько раз, стремясь передать их содержание в прозе.

В бумагах Пушкина была найдена запись казахского народного предания о батыре Косу-Корпече и его возлюбленной Баян-Слу. Это любимое казахское народное предание, как теперь выяснилось, известное еще Пушкину, было впервые записано на русском языке только в 1870 году.

И здесь Пушкина привлекала не экзотика народных сказок, а борьба бедняка с богачом, то есть социальная тематика. Пушкин выбирает всегда в фольклорном материале то, что выражает интересы, желания и чаяния русского или других народов. Именно это содержание поэтического народного творчества и вошло прежде всего в творчество Пушкина. Поэтому-то его произведения так близки и понятны народу.

И теперь нередко можно наблюдать обратный процесс: гениальные творения Пушкина, передававшиеся устно из поколения в поколение, прочно вошли в народное творчество. Известная народная драма «Лодка», например, во многом построена на мотивах пушкинской поэмы «Братья-разбойники». В другой народной драме — «Шлюпка» — один из героев рассказывает свою историю стихами, взятыми также из этой поэмы. Существует в современном фольклоре множество народных песен, которые являются не чем иным, как переложением пушкинских стихов, например, «Узник» и других. В 1861 году известным русским фольклористом Якушкиным было записано народное предание о Тришке-Сибиряке. Содержание этого предания о благородном разбойнике является своеобразной передачей 9-й и 10-й глав повести Пушкина «Дубровский».

Пушкин — великий национальный поэт — обогатил не только русскую литературу, введя в нее все лучшие творения народного гения, но своими бессмертными произведениями внес огромный вклад в сокровищницу народного творчества.

А. Пластов. ПУШКИН В БОЛДИНЕ.

А. Пластов. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ».

Горький о Пушкине

По диапазону творчества Пушкин всего ближе к Гете, а если оставить в стороне научные интересы и домыслы последнего, творчество Пушкина окажется разнообразнее, шире всей массы достижений Немецкого Олимпийца.

Как-то чудесно, сразу после нашествия Наполеона, после того, как русские люди в мундирах офицеров и солдат побывали в Париже, явился этот гениальный человек и на протяжении краткой жизни своей положил незыблемые основания всему, что наследовано за ним в области русского искусства. Без Пушкина были бы долго невозможны Гоголь,— которому он дал тему пьесы «Ревизор»,— Лев Толстой, Тургенев, Достоевский. Все эти великие люди России признавали Пушкина своим духовным родоначальником.

В творчестве Пушкина чувствуется нечто вулканическое, чудесное сочетание страстности и мудрости, чарующей любви к жизни и резкого осуждения ее пошлости, его трогательная нежность не боялась сатирической улыбки, и весь он — чудо.

Пушкин — автор изумительных по силе и страстной нежности чувства лирических стихов, создатель таких эпических и мудрых поэм, каковы «Медный всадник», «Полтава», чудесных по изяществу сказок «Руслан и Людмила», «Русалка»; он изумительно, с блестящим юмором изложил гибким, звонким стихом мудрые сказки русского народа «Золотой петушок», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике Балде»; он создал лучшую в русской литературе и до сего дня не превзойденную историческую драму «Борис Годунов», вероятно, известную Америке по знаменитой опере Мусоргского. Как прозаик, он написал исторический роман «Капитанская дочка», где, с проницательностью историка, дал живой образ казака Емельяна Пугачева, организатора одного из наиболее грандиозных восстаний русских крестьян. Его рассказы «Пиковая дама», «Дубровский», «Станционный смотритель» и другие положили основание новой русской прозе, смело ввели в литературу новизну тем и, освободив русский язык от влияния французского, немецкого, освободили и литературу от слащавого сентиментализма, которым болели предшественники Пушкина. Вместе с этим он явился основоположником того слияния романтизма с реализмом, которое и до сего дня характерно для русской литературы и придает ей свой тон, свое лицо.

При ознакомлении со взглядами М. Горького на литературную деятельность Пушкина обычно обращаются к его давним высказываниям о великом поэте. Это — соответственные главы из его объемистого курса лекций по истории русской литературы, читанного в 1909 году в Каприйской партийной школе для рабочих. Лекции эти теперь широко известны, так как многократно перепечатывались в газетах, журналах и издавались отдельно.

Но в архиве Горького сохранилась также статья, специально посвященная пушкинскому творчеству и написанная им уже в советское время — в 1925 году; она предназначалась в качестве предисловия к американскому изданию избранных сочинений А. С. Пушкина. Горький предполагал, по-видимому, заключить предисловие также и биографическим очерком о Пушкине, но работу не закончил.

Эта статья была опубликована на страницах «Правды» (17 июня 1938 г.), но еще не воспроизводилась ни в одном из сборников литературно-критических работ Горького.

Роман в стихах «Евгений Онегин» навсегда останется одним из замечательнейших достижений русского искусства и занял бы почетное место рядом с такими шедеврами европейской литературы, каковы «Страдания Вертера», «История Манон Леско», «Кларисса Гарлоу» и т. д.

Известно, что музыка пользуется лишь наиболее гениальными произведениями искусства слова и наиболее глубокими, по смыслу, легендами народа.

Музыка использовала в форме опер целый ряд вещей Пушкина: «Руслан и Людмила», «Пиковая дама», «Дубровский», «Евгений Онегин», «Золотой петушок», «Царь Салтан», «Борис Годунов», «Цыганы», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Алеко» — все эти оперы написаны на текст Пушкина крупнейшими композиторами России: Глинкой, Мусоргским, Римским-Корсаковым, Рахманиновым...

Такие его произведения, как «Скупой рыцарь», «Египетские ночи», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери», обнаруживают в Пушкине редкую даже и для гениальных художников слова способность таинственно проникать в дух и быт чужих стран, отдаленных эпох. На этих произведениях Пушкина особенно ярко сверкает печать неувядаемости, бессмертия, гениальной прозорливости. Он был изумительный мастер эпистолярного стиля, письма Пушкина до сего дня не утратили значения лучших образцов этого стиля.

Трудно исчислить все то поразительно талантливое, что написано Пушкиным. Его поэмы «Цыганы», «Братья разбойники», «Кавказский пленник» и др. — все это классические образцы русского слова и стиха, а «Сон Татьяны» в «Евгении Онегине» поражает искусным соединением фантастики с реализмом.

Пушкин написал также «Историю Пугачевского бунта»,— это такая же попытка поэта говорить точным языком историка, как попытка Шиллера — написать «Историю 30-летней войны».

Творчество Пушкина — широкий, ослепительный поток стихов и прозы. Пушкин как бы зажег новое солнце над холодной хмурой страной, и лучи этого солнца сразу оплодотворили ее.

Для историка литературы нет темы более значительной и сказочной, чем жизнь и творчество Пушкина. Жизнь Пушкина почти так же сказочно разнообразна, как его творчество...

Неизвестное письмо В. А. Жуковского

Пушкин был отмечен гениальностью с юности. Его бившая через край талантливость обращала на себя внимание всех соприкасавшихся с ним.

А. А. Дельвиг написал послание «Пушкину», воспевающее шестнадцатилетнего поэта, и напечатал его в журнале. Он хотел привлечь широкое внимание читателей к замечательному дару Пушкина. Он с изумлением отмечает так рано проявившиеся у Пушкина черты поэта-гражданина:

«И Паллада туманное облако
Рассевает от взоров,— и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!».

Выходившие из-под пера Пушкина произведения сейчас же получали известность за пределами лицея. Товарищи рассылали его стихи своим знакомым, и о поэте, почти ничего еще не напечатавшем, уже говорили и в Петербурге и в Москве.

Грибоедов, еще совсем молодой, хвалил Чаадаеву дошедшие до него в рукописи стихи Пушкина.

Лучшие поэты России внимали юному поэту и ободряли его.

Широко известный факт — посещение знаменитым поэтом Г. Р. Державиным лицейского экзамена, на котором Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Необычайное волнение охватило тогда старого поэта. Он был растроган удивительным даром юного Пушкина, так вдохновенно говорившего об Отечественной войне 1812 года, с таким высоким патриотизмом воспевавшего сынов России, богатырей, победителей, «бегущего вспять» «надменного галла».

Но, может быть, больше всего захватили Державина строфы, воспевавшие памятники победы русского оружия, воинскую славу XVIII века, века Державина.

После экзамена министр народного просвещения сказал отцу Пушкина, что он желал бы «образовать» его сына «к прозе». «Оставьте его поэтом!» — с жаром возразил Державин.

Когда «Воспоминания в Царском Селе» дошли до Москвы, В. А. Жуковский понес их читать своим друзьям; восторгаясь стихами Пушкина, он говорил: «Вот у нас настоящий поэт!»

Жуковский, видевший Пушкина ребенком, навестил его однажды в лицее вместе с отцом поэта. Но настоящие знакомства при свидетелях не завязываются. Жуковский захотел побеседовать с Пушкиным наедине. Об этой встрече рассказывает недавно открытое письмо Жуковского к поэту П. А. Вяземскому. Оно обнаружено в Государственном Литературном архиве научным сотрудником Института мировой литературы имени Горького А. С. Блазер, которая и подготовила текст письма к печати.

Письмо Жуковского замечательно во многих отношениях. Несколькими беглыми штрихами оно воскрешает образ горячего, экспансивного юноши. Очень интересно упоминание о недошедшем до нас послании Пушкина к Жуковскому, написанном в 1815 году. Но особенно замечательна исключительная по глубине и силе характеристика Пушкина. Такими высокими словами о юном Пушкине еще никто не говорил.

Впечатлительный ко всему прекрасному, чуткий поэт Жуковский увидел в шестнадцатилетнем Пушкине гения, перед которым померкнут все знаменитые поэты страны, в том числе и он, признанный первый поэт России.

Свидание двух поэтов поразило не одного Жуковского. У нас есть драгоценное свидетельство об исключительном волнении, испытанном Пушкиным в это время,— его стихи «К Жуковскому», где он через год поэтически вспоминает эту встречу.

Вот что рассказывает Жуковский о встрече его с Пушкиным в письме к Вяземскому, написанном 19 сентября 1815 года:

«Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились! Боюсь за него этого убийственного лицея — там учат дурно! Учение худопредлагаемое теряет прелесть для молодой пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя... Он написал ко мне послание, которое отдано мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин! Но когда запасется собственными — увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после».

Таким мудрыми словами заканчивает Жуковский свою проникновенную характеристику Пушкина.

Т. ЗЕНГЕР

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Академик Е. ТАРЛЕ

Народ, который на приказ Петра учиться ответил через сто лет гигантским явлением Пушкина, — великий народ, говорил Герцен. Национальное величие Пушкина, его громадное значение не только в истории русской литературы, но и в истории русского народа давно признали вслед за Белинским все русские мыслители, сколько-нибудь глубоко вдумывавшиеся в это в самом деле «гигантское явление Пушкина»

Начиная жизнь, Пушкин в ученической тетрадке написал четыре стиха «Про себя» и, конечно, только для себя: «Великим быть желаю, люблю России честь, я много обещаю, исполню ли? бог весть!». Честь России, благо России восемнадцатилетний юноша понимал так, как его друзья, будущие декабристы. Он «желает быть великим» и «любит честь» родины и посвятит свой чудесный дар, который уже начал в себе ощущать, возвеличению и прославлению России. В этом коротеньком четверостишии и предчувствие, блистательно оправдавшееся, и программа, гениально выполненная.

В чувстве всегдашней сердечной близости, волнующей любви Пушкина к своей стране, к своему народу, помимо сыновнего инстинкта, была глубокая сознательность.

Это сознание кровной близости было пробуждено в одиннадцатилетнем мальчике появлением на политическом горизонте мрачных туч, сначала дававших о себе знать далекими, зловещими зарницами, а потом все более и более близкими молниями и раскатами грома. «...Тогда гроза двенадцатого года еще спала. Еще Наполеон не испытал великого народа — еще грозил и колебался он». Гениальный русский ребенок пробуждался к сознательной жизни именно в эти годы между Тильзитом и нашествием на Россию, о которых впоследствии старший друг Пушкина П. А. Вяземский вспоминал, как об очень тяжелом времени полной неуверенности в завтрашнем дне, когда «движущаяся граница» наполеоновской империи, вследствие постоянных, внезапных, ничем, кроме произвола завоевателя, не мотивированных территориальных захватов, последовательно и неуклонно приближалась к русским пределам.

И вот наконец долго ожидавшаяся гроза грянула: Наполеон пошел на Москву.

Лицеист младшего класса рвался в бой, но детей на войну не брали... «Вы помните: текла за ратью рать, со старшими мы братьями прощались и в сень наук с досадой возвращались, завидуя тому, кто умирать шел мимо нас...»

Постоянно поэт возвращается к этим воспоминаниям, к «священной памяти двенадцатого года», и больше всего его всегда при этом волнует и радует, что именно гнев, «остервенение народа», могучая сила русского патриотизма дали победу. У врагов были и громадные силы, и вел эти силы талантливый полководец, и поэтому «спор» был «неравен», Россия казалась слабее, но несокрушимая твердость духа, проявленная ею, спасла все: «...Шли же племена, бедой России угрожая; не вся ль Европа тут была? А чья звезда ее вела!..» В смятении бежала Европа прочь, и померкла звезда завоевателя: «Но стали ж мы пятою твердой... и равен был неравный спор».

Неперекосна для Пушкина всегда была мысль о временном торжестве Наполеона, о Тильзите: «Исчезни, краткий наш позор!» — восклицал он и был счастлив, что «обидный звук» Тильзита был заглушен громом великих русских побед, сбросивших в бездну гордого предводителя европейских полчищ.

Пушкина всегда возмущала вечная грубая неблагодарность Европы относительно России, которая ведь еще задолго до времен Наполеона спасла западные народы от другого порабощения: «России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией... но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

Вопрос о роли России, о могущественном воздействии ее на судьбы Европы был для Пушкина решен навсегда, так же как вопрос о моральных силах русского народа, который предпочел сжечь свою старую великолепную столицу, но не покорился. «Европа гибла; сон могильный носился над ее главой», но пришла Россия, низвергла в бездну «колосса», который «ступил на грудь» Европы.

Таков был никогда не менявшийся от детских лет вплоть до смерти взгляд Пушкина на события конца наполеоновской эпопеи. Как гордился он своим родным городом, вспоминая Наполеона, гневно ждущего у Дорогомиловской заставы московских ключей: «Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою. Не праздник, не приемный дар, она готовила пожар нетерпеливому герою...»

Двенадцатый год был для Пушкина современностью в начале его жизни и уже стал историей к ее концу. Но и все русское историческое прошлое неотразимо приковывало к себе его взоры, и еще в лицее он мечтал живописать «славу нашей старины». Его художественные творения обличают удивительное проникновение в душу русских исторических деятелей и в самый смысл событий.

Еще в юности, на заре творчества привлекают его первые сказания русской летописи и русских былин, богатыри киевского цикла, Владимир Красное Солнышко, он пишет «Руслана и Людмилу», он дарит нам такой перл, как «Песнь о вещем Олеге». И перед нами воскресает борьба русского народа против хищников-соседей, против неразумных хозар, которых нужно наказать за их буйный набег, и победоносный русский поход за море, до врат Цареграда, и поверья о кудесниках-волхвах, которым открыто будущее, и пиры на тризне по покойнике, и вся древняя Русь с ее пробуждающейся силой и начинающейся славой.

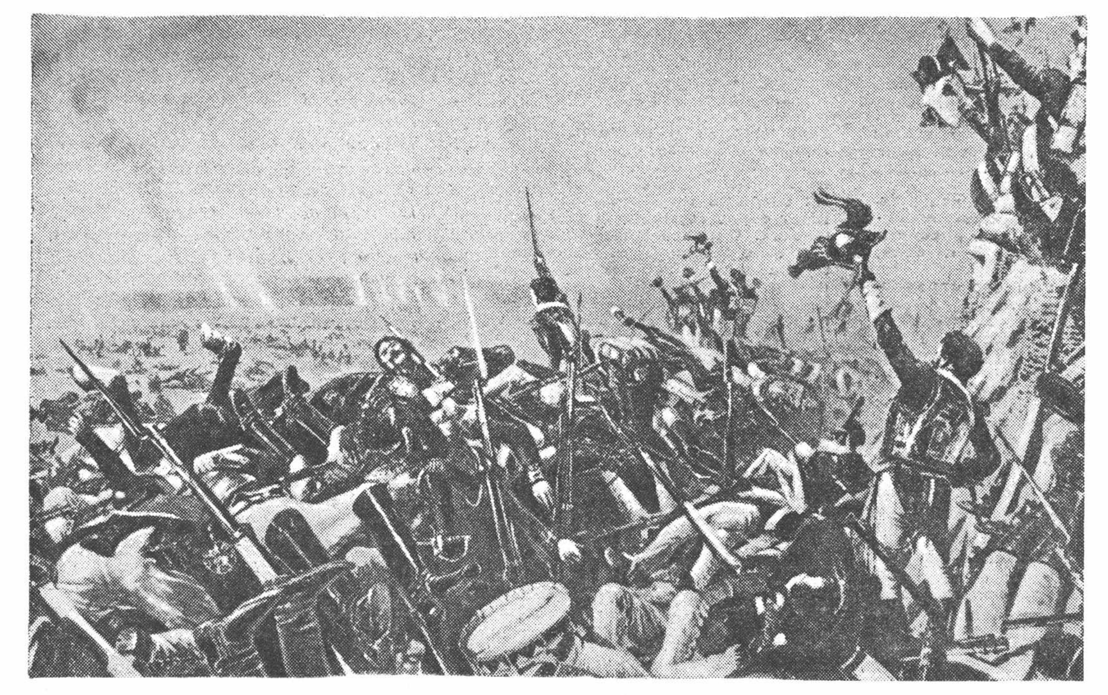
При этом с отроческих лет поэтический взор его останавливается с особенно живым чувством на тех временах, когда России приходилось отстаивать себя от покушений на ее достояние, честь, самостоятельность. Лихолетье начала XVII века породило в нем мысль, так вдохновенно им осуществленную, — написать трагедию о Годунове. Если вглядеться в ткань пушкинского создания, то сразу же выступают те черты, которые так характерны для его всегдашнего отношения к России: для Пушкина Россия — нечто любимое, родное и вместе с тем величавое, и эта величавость нисколько не мешает ощущению сердечной близости. Даже старый летописец монах Пимен «смиренный, величавый», потому что человек, пишущий историю России, сам становится величавым, как бы заражается величием своего отечества.

А в сцене боя под Новгородом Северским с какой ненавистью русские люди издеваются над французскими и немецкими наемниками, вмешавшимися в русскую междоусобную брань! Русские чувствуют, что для чужаков-наемников участь России, благо России, слава России — пустой звук, и Пушкин влагает в уста русских воинов слова гнева и презрения.

Носители грозного народного протеста, цельные, мощные характеры вождей восставших масс всегда привлекали поэтическое внимание Пушкина. Судя по уцелевшим отрывкам, он собирался писать о Степане Разине. А Пугачева он сделал главным героем своей «Капитанской дочки», которая будет жить в веках столько же, сколько будет жить русский язык.

Ведя рассказ от имени среднего, немудрящего дворянина времен пугачевского восстания Петра Андреевича Гринева, Пушкин, естественно, вкладывает в уста этого екатерининского офицера те отзывы и оценки, которые такому лицу были свойственны (слова о «русском бунте», «о злодеях» и т. п.), и вместе с тем неизъяснимым чудом художественного творчества поэт умудрился под подозрительным взором Николая, шефа жандармов Бенкендорфа, официальных цензоров, неофициальных доносчиков, добровольных журнальных шпионов Булгариных дать не только совсем живой (как он его понимал), но и располагающий образ народного грозного мстителя и борца.

Этот самый Гринев против воли любит Пугачева, и его начинает любить и тогдашний пушкинский читатель, даже такой, который почти ничего о замечательном крестьянском и казачьем вожде, кроме злобной ругани, никогда и не слыхивал. Мало того: Пугачев является в ряде сцен не только широкой русской натурой, великодушным львом, с кото-

В. Верещагин. «Конец Бородинского боя».

рым его и сравнивает Пушкин (в эпиграфе к одиннадцатой главе), — он, предводитель восстания, и могущественен и силен, как лев. Он «потрясает государством», он опаснейший враг Екатерины, и вовсе не звучат пустой похвальбой слова Пугачева Гриневу: «Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?» А на вопрос Гринева, как думает сам Пугачев, «управился ли бы ты с Фридериком?», Пугачев довольно резонно отвечает: «С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо». Пугачев по-своему совершенно прав: русские «енаралы» завоевали Берлин и всю Восточную Пруссию и довели «непобедимого» Фридриха II до мысли о самоубийстве, но с Пугачевым, за которым стояло русское восставшее крестьянство, они же долго не могли решительно ничего поделать. А ведь Пугачев и лично участвовал, как мы знаем, в боях Семилетней войны и был очевидцем того, как русские войска жестоко «бивали» немцев с их «Федором Федоровичем» во главе.

И этот разговор как-то еще более возвеличивает образ пушкинского Пугачева, и нас уже нисколько потом не удивляет «странное чувство», «отравляющее» личные радости Гринева, когда он думает о казни, ожидающей Пугачева. Гринева «тревожит» жалость к уже схваченному предводителю: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою; — зачем не наткнулся ты на штык, или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать. Что прикажете делать?». И Гринев как бы извиняется перед дворянскими читателями за свое «странное чувство», объясняя его мотивами личной благодарности. Однако мы ясно видим, что не только Гриневу, но и самому Пушкину очень досадно, что удалой вождь кончил свое бурное поприще в руках палача.

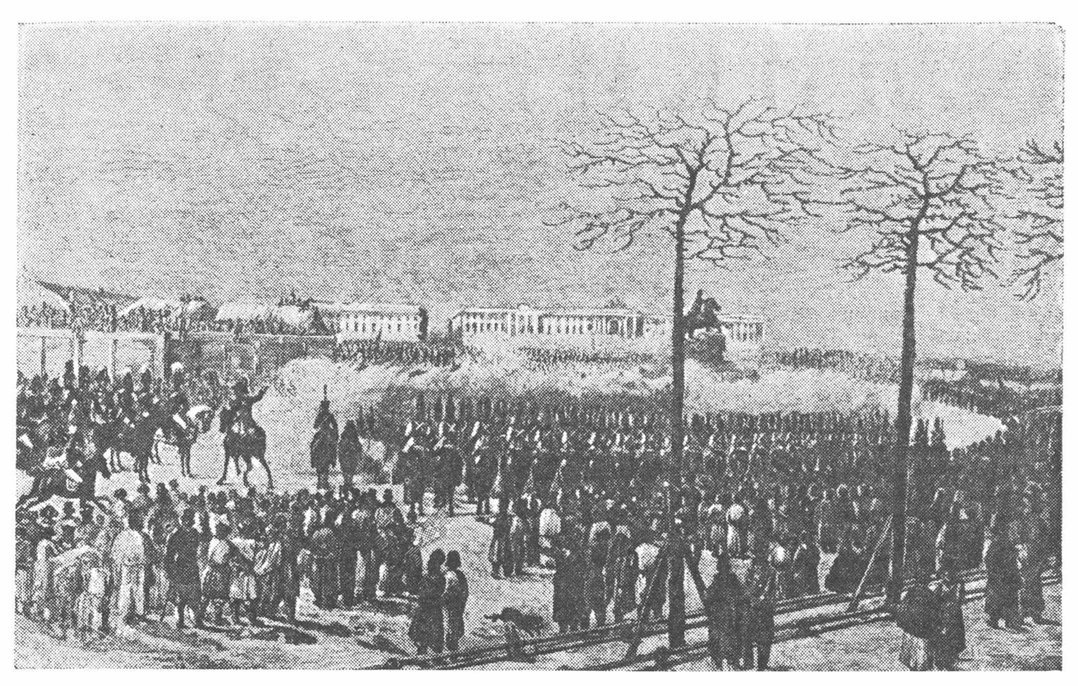
В стихотворении «Моя родословная» Пушкин с гордостью вспоминает и своего пращура, который воевал за Русь под начальством Александра Невского, и другого предка, выгонявшего чужестранцев из Кремля под водительством Минина: «Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил... Водились Пушкины с царями; из них был славен не один, когда тягался с поляками нижегородский мещанин». И Пушкин отказывается от своего аристократического происхождения и хочет называть себя мещанином, потому что аристократами считаются при современном ему николаевском дворе потомки придворных блюдолизов. Его дед «не пел с придворными дьячками», «не ваксил царских сапогов», «и не был беглым он солдатом австрийских пудреных дружин; так мне ли быть аристократом? Я, слава богу, мещанин».

С теплым чувством вспоминал он и своего прадеда с материнской стороны, Ганнибала, «арапа», который попал в руки Петра, славного шкипера, «кем наша двигнулась земля, кто придал мощно бег державный рулю родного корабля».

Петр Первый особенно дорог Пушкину потому, что «не презирал страны родной: он знал ее предназначенье».

Вдохновенная песнь Полтавы, где бессмертными, поразительными по красоте и мощи стихами воспевается великая русская победа над жестоким и наглым захватчиком, вылилась из глубины души нашего гения. Вслед за подвигом Полтавы он обращается к другому подвигу русского народа при Петре: к основанию новой столицы, навсегда закрепившему «на зло надменному соседу» возвращенные Петром в русское обладание стародавние русские земли по Неве и Балтийскому побережью. Петербург поэт любил не только за его красоту, но и за то, что этот сторожевой великан поставлен был ограждать драгоценное русское достояние. Пушкин восклицал: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия». Пушкин знал, чего стоило русскому народу отвоевание моря. «Озарен ли честью новой русский штык иль русский флаг? Побежден ли швед суровый? Мира ль просит грозный враг?»

Прав был Белинский, который считал «Пир Петра Первого» гимном в честь реформатора, так много сделавшего для укрепления России перед лицом тайно или открыто враждебных ей западноевропейских государств.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади (гравюра с рисунка Кольмана).

Этот вдохновенный гимн создан великим поэтом за несколько месяцев до смерти, так же, как всего за 3½ месяца до смерти, и как раз в торжественный для Пушкина лицейский день (19 октября 1836 года) написано им замечательное письмо П. Я. Чаадаеву, с которым поэт решительно разошелся в воззрениях на русскую историю. Пушкин горячо протестует против совсем безнадежного взгляда Чаадаева на русскую историю и действительность.

Следует сказать тут, кстати, что Пушкину решительно не по душе были увлечения крайних «западников», беспощадно поносивших Россию, но упорно закрывавших глаза на безобразия, существовавшие за границей.

Пушкин был непримиримым врагом крепостничества и николаевщины, но его явно раздражало, когда иностранные писатели или порой русские люди, справедливо нападая на русские порядки, старательно затушевывали вопиющие несправедливости и злоупотребления, существующие в социальном быту Европы и Америки. Почему англичане молчат о своих несчастных рабочих? Почему американцы помалкивают о неграх? — спрашивает Пушкин. Злоупотреблений везде много. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность!» — говорит один участник вымышленного разговора у Пушкина. Наш поэт отмечает ужасы безработицы, порождаемой в Англии введением машинного производства: «...посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию...»

Не меньшее негодование вызывали у Пушкина и порядки в Соединенных Штатах Америки. «Уважение к сему новому народу... сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству...; большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие...» Пушкин говорит также о бесчеловечии американского конгресса к индейским туземным племенам, истребляемым всеми способами, и т. д. Эти заметки об Англии и Америке явно продиктованы желанием Пушкина показать, что иностранные критики темных сторон русской жизни не должны замалчивать и лицемерно отрицать отталкивающие и мрачные особенности собственного социального и политического быта.

Вот почему появление в 1836 году в журнале «Телескоп» знаменитого «философского письма» Чаадаева глубоко взволновало Пушкина. Чаадаев был одним из самых любимых и уважаемых друзей поэта, и в отрицательном отношении к режиму Николая I они, в общем, не расходились. Но Чаадаев не видел ничего значительного, ценного в русской истории и не ждал от России решительно ничего в будущем. Пушкин написал Чаадаеву большое письмо, в котором протестовал против этих глубоко ошибочных, порочных воззрений.

Пушкин прежде всего указывает на громадное значение, на яркость и внутреннюю силу событий русской истории, на мощное, незабываемое впечатление, которое остается при изучении характеров русских исторических героев. Войны Олега и Святослава полны достопамятных подвигов. «Пробуждение России, развитие ее могущества, движение к единству..., оба Ивана... (Пушкин имеет в виду Ивана III и Ивана IV), — как, неужто это не история, а бледный, полузабытый сон? А Петр Великий, который один — целая всемирная история!»

Пушкин понимает, что эти резкие, отрицательные выходки относительно прошлого и настоящего России продиктованы Чаадаеву его ненавистью к Николаю I и к николаевщине, и он соглашается с критическим, отрицательным отношением к общественно-политическим условиям того времени, но ставить Россию ниже какой-либо другой страны не желает: «...клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

Великий русский поэт был всю жизнь великим русским патриотом, и это письмо к Чаадаеву явилось как бы его завещанием: оно было криком, вырвавшимся из души. Через 3½ месяца Пушкин, затравленный презренной придворной кликой, пал от пули гнусного проходимца, французского реакционного эмигранта Дантеса...

Советский народ чествует в лице Пушкина не только гиганта мировой поэзии, начавшего собой плеяду гениальных писателей, которые обеспечили за русским народом неоспоримо первое неотъемлемое место в истории мирового художественного творчества. Мы видим в нем великого борца за честь и славу русского имени, одного из самых могучих провозвестников и выразителей народного самосознания, мы чтим в нем гордость русского народа.

И советские люди, воздвигающие здание нового общества, чувствуют свое кровное родство с Пушкиным, учившим своим примером, как нужно любить, беречь, оборонять от всяких вражеских нападений и покушений материальные и духовные силы своей Родины.

НОЧНОЙ ЗАЛП

(Из пьесы «Наш современник»)

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Офицерская палатка в степи на берегу моря под Одессой. Полог палатки откинут. Видно взволнованное море, глухое и грозное от нависших туч. Изредка сквозь тучи пробивается солнце. Тогда картина бурного моря становится еще зловещее. До палатки доходит шум прибоя.

За столом посреди палатки сидят за бутылкой вина несколько офицеров-артиллеристов в расстегнутых мундирах.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Имен не писать и не называть! И ничего не поверять бумаге. Это непременное требование главы Южного общества полковника Пестеля. Поэтому, господа, следует все, что у вас имеется письменного касательно общества, немедленно сжечь.

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Неужели надо сжигать и пушкинские стихи!

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗУ. А ты держи их в голове.

СЕДОЙ ОФИЦЕР Я знавал в гвардейской артиллерии в Петербурге пушкинского друга Ивана Ивановича Пущина. Вот был человек! Ушел из полка и поступил надворным судьей. Чтобы хоть на этом малом поприще принести народу наибольшую пользу. Сейчас, говорят, он вступил в Северное общество.

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР. Молодчина! А то наши отставные больше метят в винные пристава, на тепленькие местечки.

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Пойдешь и в винные пристава. Ежели тебя замучают парадировками да всей этой армейской акробатикой. Вот мой дядюшка из третьей дивизии. Боевой офицер, весь изрубленный, всегда был в походах. А не вынес, ушел из армии в пристава.

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Чего ж так?

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Поставили его солдатам на кивера стаканы с водой. Для плавности маршировки. Ну, а солдаты половину стаканов и расплескали. Рекруты! Необученные.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Небитые, значит?

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Небитые. Было это при генерале Роте.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Известная каналья!

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Рот его и выжил из армии, дядюшку. Старик до сих пор кровью наливается, как вспомнит об этом.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Э! Все прогнило. От макушки до самых корней.

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР. Добром это не кончится.

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Да, добром не кончится. Помните предсказание: «Как адской луч, как молния богов, немое лезвие злодею в очи блещет. И озираясь он трепещет среди своих пиров».

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Дальше прочти. Там слова такие, что... Эх, мать честная! (*Машет рукой.*)

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. «Шумит под Кесарем заветный Рубикон, державный Рим упал, главой поник закон; но Брут восстал вольнолюбивый: кинжал, ты кровь излил, — и мертв объемлет он Помпея мрамор горделивый».

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Вот так поглядишь вокруг — одна мерзость, унижение человека, воровство да нищета. А услышишь слова Пушкина — и веришь, что все это кратковременно. Потому, что только великому народу может быть дан такой поэт.

ОФИЦЕРЫ. Браво! Браво!

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Ну что там «браво, браво!» (*Сердито.*) Все сжечь! Есть опасение, что в Петербурге уже пронюхали. Как бы не заслали лазутчиков и к нам на батарею. (*Зажигает свечу на столе.*) Устав тоже надо спалить. А жаль. (*Достает из внутреннего кармана мундира бумагу.*) Жаль!

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Савелий Петрович, прочитайте напоследок. Хоть первые строчки.

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*надевает очки, читает*). «Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для общества; что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началом здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства произвол одного человека, нельзя согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности — на другой».

(*Отдаленный крик: «Стой! Кто идет?» Седой офицер замолкает. Все прислушиваются. Снова отдаленный крик. Офицеры вскакивают.*)

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Часовые. Кого-то задержали.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Кто мог пройти на батарею? Из посторонних! (*Начинает торопливо сжигать на свече устав.*) Пепел соберите и выкиньте наружу! (*Офицер с повязкой собирает пепел и выбрасывает его из палатки. Толстый офицер смахивает остатки пепла со стола на пол. Молодой поручик разливает по стаканам остатки вина.*) Ах, как некстати! Какая нужна осторожность! (*Офицерам.*) Все к столу! У нас обыкновенная пирушка. От гарнизонной скуки.

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР (*хватает гитару*). Ловко, Савелий Петрович! (*Берет на гитаре аккорд, запевает.*)

«Гусар забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой».

ВСЕ (*подхватывают*):

«Все здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде!»

(*У входа в палатку появляется Пушкин в сопровождении двух солдат с ружьями. Пение обрывается. Все пристально смотрят на Пушкина.*)

СОЛДАТ (*докладывает седому офицеру*). Вот задержали, ваше высокородие! На батарее. Около крайних орудий. Говорит: «Шел берегом, братцы, заплутался».

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*снимает очки и строго спрашивает Пушкина*). Как вы сюда попали, сударь?

ПУШКИН. От излишнего любопытства!

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Я бы вас попросил отвечать мне точно и не шутить. Вам хорошо известно, что пребывание посторонних лиц на береговой батарее возбраняется.

ПУШКИН. Ваша батарея стоит так укрыто, что я споткнулся о пушку. Я иду из Одессы на дачу Рено. И сбился со знакомой тропы.

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР. Дача Рено, ежели не ошибаюсь,— летняя резиденция графа Воронцова?

ПУШКИН. Совершенно точно.

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Да... Обстоятельство странное.

ПУШКИН. Прошу опросить меня и не задерживать. Я тороплюсь.

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*Пушкину*). Да вы кто такой?

ПУШКИН (*смущенно*). Я... Пушкин.

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК (*вскакивает*). Как? Пушкин! (*Бросается вон из палатки, кричит*). Прислуга! К орудиям!

(*Мимо палатки бегут солдаты. Офицеры торопливо застегивают мундиры. Пушкин стоит в недоумении.*)

ГОЛОС МОЛОДОГО ПОРУЧИКА. Слушать команду! Батарея! Огонь!

(*Багровый огонь выстрелов озаряет палатку. Орудийный залп.*)

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ (*кричит*). Молодец, Петя! (*Пушкину.*) Уши! Заткните уши! Оглохнете!

(*Пушкин затыкает уши. Второй залп. Вход в палатку заволакивается дымом.*)

ПУШКИН. Зачем палят?

(*Третий залп*).

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*крепко пожимает Пушкину руку*). В вашу честь, Александр Сергеевич. Молодость! Она всегда бурлит. Вот не ожидал, что бог пошлет на старости лет такого гостя. Никак не ожидал! (*Не выпускает руку Пушкина, снова трясет ее, потом, решившись, целует Пушкина.*)

ПУШКИН (*счастливо смеется*). Но эти залпы против вашей субординации. И вашего устава.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. После залпов Бородина это будут в моей жизни самые памятные залпы, Александр Сергеевич.

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР. В воинском уставе нет статьи, запрещающей салюты поэтам.

(*Пушкин, радостный, взволнованный, здоровается с офицерами. Входит молодой поручик, останавливается на пороге, смотрит на Пушкина сияющими глазами.*)

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ (*молодому поручику*). Что, Петя? Не верится?

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК (*тихо*). Будто сон...

(*За спиной молодого поручика теснятся солдаты.*)

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*обращается к солдатам, радостно*). Ребята, это Пушкин! Небось, слыхали?

СОЛДАТЫ. Ну как не слыхали, ваше высокородие! Ихние песни известные.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. А что вы знаете?

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Нам больше всего приглянулась одна песня, ваше высокородие.

ПУШКИН. Какая?

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Про Наташу. «Вянет, вянет лето красно; улетают ясны дни». (*Пушкин смеется.*)

СЕДОЙ ОФИЦЕР (*солдатам*). А теперь по палаткам. Ужинать. Часовые, смотреть в оба!

ПУШКИН (*солдатам*). А что у вас на ужин?

ПОЖИЛОЙ СОЛДАТ. Печеная картошка, ваше благородие.

ПУШКИН. Нельзя ли и мне? Страсть, как люблю печеную картошку.

СОЛДАТЫ (*смеются*). Спечем. Постараемся!

(*Солдаты уходят. Толстый офицер откупоривает бутылку шампанского, разливает его по бокалам.*)

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Выпьем за нашего славного соотечественника!

(*Офицеры и Пушкин встают*).

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Друга вольности!

ОФИЦЕР С ПОВЯЗКОЙ. Властителя умов!

ТОЛСТЫЙ ОФИЦЕР. И сердец!

(*Все пьют до дна.*)

ПУШКИН (*растроган*). Спасибо! Мне совестно принять ваши слова по отношению к одному себе. Я ведь постоянно мучаюсь от несовершенства всего, мною написанного.

...Вот не ожидал, что бог пошлет на старости лет такого гостя. Никак не ожидал!

Рисунок В. Климашина

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Это неверно!

ПУШКИН. Не знаю. Может быть. (Молодому поручику.) Вы дали блистательный салют.

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК (радостно). Двадцать пять выстрелов, Александр Сергеевич. По числу ваших лет.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. (Пушкину). Вы не окончили вашу мысль...

ПУШКИН. Встреча с вами поколебала меня в моих сомнениях. Если в моих стихах вы находите призыв к вольности и справедливости, то я счастлив этим. Трудно сознавать себя в одиночестве и в изгнании. А здесь столько дружеских рук!

(Все офицеры протягивают Пушкину через стол руки. Руки соединяются над столом. Слышен рев прибоя. Снаружи уже темнеет.)

ПУШКИН. Это похоже на клятву.

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Да. Пусть это будет нашей клятвой. (Офицерам.) Зажгите свечи.

(Офицер с повязкой зажигает на столе свечи.)

МОЛОДОЙ ПОРУЧИК. Выразим эту клятву вашими же словами, Александр Сергеевич: «Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

ПУШКИН. Я кое о чем догадываюсь, господа. И это делает меня еще более счастливым.

(Пушкин треплет поручика по плечу. В палатку заглядывает солдат.)

СЕДОЙ ОФИЦЕР. Тебе чего?

СОЛДАТ. Да вот... печеную картошку прислали... его благородию. (Показывает на Пушкина.)

ПУШКИН. Давай сюда, на стол.

СОЛДАТ (высыпает печеную картошку из котелка на стол). Горяченькая. Не ожгитесь, ваше благородие.

ПУШКИН (берет одну картофелину, она очень горячая). Ах, хороша! (Перебрасывает, смеясь, картофелину из руки в руку. Офицеры поют под гитару.)

«Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино!»

Через всю жизнь

П. БАЖОВ

В начальных школах 70—80-х годов прошлого столетия учились читать и писать по книгам Ушинского «Родное слово». Книг было три. В двух первых — материал для чтения, пересказа, бесед, заучивания наизусть; третья книга — учебник грамматики.

Понятно, что такой выдающийся представитель русской педагогики, каким был К. Д. Ушинский, в своих книгах отводил большое место и народному творчеству и творчеству нашего гениального поэта А. С. Пушкина. Третья книга «Родного слова» даже полностью опиралась на одно произведение Пушкина, на сказку «О рыбаке и рыбке».

Наряду с пушкинскими стихами в книгах имелись и такие, что пишутся для хрестоматий по специальному заданию. Они тоже делались, как говорится, «без нарушения просодии», но тонкое восприятие ребенка все-таки улавливало в них что-то фальшивое. Об одном из подобных стихотворений вспоминает А. М. Горький в «Детстве»: «Большая дорога, прямая дорога, простора немало взяла ты у бога...»

«Я возненавидел,— говорит Горький,— эти неуловимые строки и стал, со зла, нарочно коверкать их, нелепо подбирая в ряд однозвучные слова; мне очень нравилось, когда заколдованные стихи лишались всякого смысла...

Дорога, двурога, творог, недорога...»

Встречались в книжках «Родного слова» и слащавые стихи, которые в мужской школе рабочего поселка вызывали недоверие даже у первоклассников.

— Вишь, поет! Разевай рот,— пряников насыплют!

Первым пушкинским стихотворением для меня было «Утро». Потом выяснилось, что и до этого я со своими сверстниками распевал пушкинские стихи, но не знал, кому они принадлежат. На этот раз запомнилось не только стихотворение, но и его автор. Оно оказалось даже событием, которое запомнилось на всю жизнь.

Было это, помню, во второй половине учебного года, после святочных каникул. Точно это пришлось на январь—февраль 1887 года. Мы — ученики 1-го отделения школы — к тому времени научились «складывать слова» и теперь усиленно упражнялись в чтении. Одним из видов упражнения было чтение стихов, которые тут же заучивались наизусть. Считалось, что такое чтение содействовало укреплению навыков в схватывании глазом целых слов. В то же время это было и упражнение памяти, чему в старой школе придавали большое значение.

Заучивание стихотворений начиналось, как водится, с объяснения непонятных слов и выражений. Порой на это требовалось немало времени. Взять хоть ту же «дорогу-двурогу», где надо было втолковать выражения вроде «широкою гладью, как скатерть, легла» и т. д.

Стихотворение «Утро» удивило тем, что там вовсе не потребовалось никаких объяснений. По вопросам учителя мы составили такую оценку стихотворению: «В нем все говорится по порядку, потому оно само запоминается да еще как-то веселит».

Эта оценка подтвердилась и на деле. Большинство запомнило стихотворение с первой читки.

Когда даже самые слабые ученики запомнили стихотворение и «бойко читали по знакомому месту», учитель сказал, повторяя нашу оценку:

— В том и дело, что у Пушкина все понятно, «все говорится по порядку» и все «само запоминается». Так и знайте, что нет и не было у нас писателя ближе, роднее и больше, чем Александр Сергеевич Пушкин. Сегодня вот как раз исполнилось пятьдесят лет, как его убили, а никто вровень с ним не стал и станет ли — неизвестно.

Учитель держал нас строговато, не любил, чтобы «высовывались» с вопросами, когда нас не спрашивают, но на этот раз не сделал замечания, когда со всех сторон послышалось:

— Кто убил? Где убил? Как убили? Почему? Что сделали с теми, кто убил?

Учитель рассказал о дуэли и последних днях Пушкина и угрюмо добавил:

— Подрастете, сами узнаете, что дуэль подстроена была. Большому начальству неугоден был Пушкин,— его и подвели под пистолет, а того чужеземца, который Пушкина убил, выслали домой. Все и наказанье ему было в этом.

Такой осталась в моей памяти пятидесятая годовщина смерти великого поэта.

Был необычный урок, запомнившийся на всю жизнь,— и только. Никаких других напоминаний о годовщине смерти Пушкина по заводскому селенью не было, хотя селение это насчитывало свыше десяти тысяч жителей. По старым меркам это считалось в ряду уездных городов. В поселке было три школы и даже клуб для конторских, где изредка давались «представления для простого народа». Теперь после святок этот клуб оказался закрытым до пасхи, а в школах, как мы узнали, даже не было упомянуто о годовщине смерти Пушкина.

Когда я об этом рассказал дома, отец пояснил:

— Так ведь ваш-то Александр Осипыч из таких... за народ которые.. Такой, небось, про Пушкина не забудет. А по тем школам учительки есть из управительской родни. Они, поди, пикнуть боятся про Пушкина, потому, ясное дело, убило его начальство. Я еще когда на военной службе был, слыхал об этом. Вчера картину вон показывали. С Трофимовой улицы один приносил. Так там сразу видно, что военные были подосланы, чтоб Пушкина застрелить.

С этого времени, с пятидесятой годовщины смерти, стихи Пушкина стали для нас, школьников, особо приметными. Каждое новое стихотворение продолжало удивлять тем, что не требовало никаких объяснений: «само понималось» и «само училось». Не забывался и разговор о том, что «Пушкина убили» и что в других школах об этом даже не говорят «из-за управительской родни». Выходило, что Пушкин «в роде политики», то есть тех людей, которых особо не любит начальство и о которых говорить надо с оглядкой. Это, однако, никак не укладывалось в ребячьем понимании — почему же тогда печатают стихи Пушкина. Казалось непонятным и другое: за что начальство не взлюбило Пушкина, у которого «всегда к веселому выйдет». Кажется, хуже нельзя: «в бочку с сыном посадили, засмолили, покатили и пустили в окиян», а глядишь, волна «бочку вынесла легонько, и отхлынула тихонько», а дальше «сын на ножки поднялся, в дно головкой уперся... вышиб дно и вышел вон». Последние строки у нас были в большом ходу, когда надо было показать победный выход из трудного положения.

В детском представлении казалось просто невозможным не любить такого веселого писателя, и в силу этого возникало предположение, что Пушкин писал и что-то другое, если его так ненавидели люди из начальства. Захотелось найти это другое, за что начальство не любило Пушкина. Однако впервые удалось получить том пушкинских стихов лишь через три года после первого знакомства с его произведениями. Получил книжку на довольно тяжелых условиях — выучить наизусть весь том. Надо думать, что библиотекарь пошутил, а я понадеялся на то, что пушкинские стихи «сами заучиваются». На этот раз оказалось не совсем так. Не знаю, что это было за издание, но, помню, что было в пяти хорошо переплетенных книжках, и первый том начинался стихотворениями: «Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря» и «В младенчестве моем она меня любила»...

Первое из этих стихотворений, при своей краткости и кажущейся простоте, оставляло какой-то неразрешенный вопрос, а второе и вовсе было сложно для десятилетнего и не очень привыкшего к литературной речи мальчугана. Заучивая наизусть, я не очень отчетливо понимал, что значит — «она внимала мне с улыбкой; и слегка по звонким скважинам пустого тростника уже наигрывал я слабыми перстами и гимны важные, внушенные богами, и песни мирные фригийских пастухов».

Такое начало, помню, сильно смутило, но, перелистывая книгу, дошел и до таких поэм, как «Братья-разбойники» и «Тазит». Здесь нашел того Пушкина, стихотворения которого «сами заучивались». Настроениям ребячьей героики, конечно, близка была картина, как «за Волгой, ночью, вкруг огней удалых шайка собиралась». Неотразимо действовали и такие описания:

«И с ним кладут снаряд воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинской
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать».

В этой же книге были сказки, отрывки которых мне были известны еще в начальной школе. В результате, сдавая через месяц книгу, я мог смело заявить библиотекарю:

— Вот, выучил.

В 1899 году была годовщина столетия со дня рождения Пушкина. Она тоже запомнилась. Царское правительство, как видно, не решалось замолчать эту годовщину, как это было с пятидесятилетием смерти поэта. В то же время правительство явно боялось студенческих и ученических волнений, которые, будучи поддержаны рабочими, могли принять в больших городах внушительные размеры. Чтоб уменьшить в больших городах число учащихся, решили применить тот же прием, что и в 1896 году, когда по случаю царской коронации был сокращен учебный год. На этот раз тоже было объявлено о сокращении учебного года более чем на месяц. Учащиеся младших классов, разумеется, этому радовались, старшие понимали, чем вызвана такая мера, но тоже «проживаться в городе без занятий» не могли, и к юбилейной дате большинство разъехалось по домам.

Мне в 1899 году было уже двадцать лет, и я готовился, как говорилось тогда, к выходу в жизнь с очень небольшим багажом среднего образования. Творчество Пушкина знал теперь гораздо основательнее и выделял на первое место совсем не то, что пленяло в детстве. Знал теперь и то, почему разных рангов «управительская родня» избегала говорить о смерти поэта. В отдельных случаях за извращенным царской цензурой текстом умел читать подлинное пушкинское слово, знал напамять немало произведений и успел ознакомиться с частью тех, которые тогда ходили в рукописях.

Понятно, что при юношеской самоуверенности тех дней я склонен был считать себя достаточно сведущим в творчестве А. С. Пушкина.

С той поры прошло пятьдесят лет. За это время, особенно в начале столетия, не раз пришлось слышать утверждения, что «Пушкин устарел», что «нельзя теперь писать стихи и прозу в пушкинской манере». Какая-то часть этих утверждений повторялась и в первые годы советской власти, когда грамотеи старой выучки усиленно призывали «идти вперед не от давних этапов, а от последних достижений литературы». Вскоре, однако, эти «последние достижения литературы», то есть словесные фокусы, сюжетные вихлянье и всякого рода кривлянье на пустом месте, были отброшены, а «давние этапы», в частности творчество Пушкина, стали предметом внимательного изучения

Как живой свидетель пятидесятой годовщины смерти А. С. Пушкина, с особым волне-

нием воспринял я ту огромную волну общественного подъема, которым сопровождалось в 1937 году столетие этого печального в жизни нации события. Ныне, в 1949 году, работая в областном комитете по подготовке к празднованию 150-летия рождения Пушкина, вижу, что этот общественный подъем стал еще выше и шире. Даже в самых отдаленных районах области, не дожидаясь указаний, готовятся к проведению знаменательной даты.

Недавно вот меня умилил один знакомый колхозник. Его колхоз, как я знал, мог похвалиться близостью к сенокосным участкам, с которых почти невозможно вывозить сено в другие населенные пункты. В силу этого в колхозе и взят животноводческий уклон. Так вот представитель этого колхоза на вопрос, как предполагают отметить дату 150-летия рождения Пушкина, не без гордости ответил:

— Думаю, что не отстанем от других. Докладчиками своими обеспечены. Учителя в школе, из животноводов тоже высокограмотные есть. Пластинок, напетых на пушкинские слова, найдем. Глядишь, вечер памяти и составится хороший. А если еще кинопередвижку удастся затащить, то и лучше не надо.

Всенародная известность поэта справедливо является предметом национальной гордости каждого из нас, но, мне кажется, она особо волнует тех, кто еще помнит времена, когда о Пушкине нельзя было говорить полным словом.

А все-таки и теперь, когда появилось немало солидных работ о Пушкине, его творчество не кажется раскрытым полностью. Даже больше того, с годами начинаешь думать, что многое в этом творчестве гораздо сложнее, чем ты раньше считал.

Взять, например, «Повести Белкина», пять небольших рассказов об анекдотических случаях жизни разных слоев населения крепостной России. Написаны они так просто, что кажется, будто каждый грамотный может так рассказать. Читал ты эти «Повести Белкина» не один раз, помнишь фабулу каждого рассказа, но почему-то любой рассказ с любой строки приковывает твое внимание и заставляет читать или слушать до конца.

Говорят, что это своего рода рефлекс — воздействие усвоенного с детских, юношеских лет. Может быть, это и верно в какой-то степени, но полной правды тут нет. Что побуждает перечитывать «Выстрел», «Метель», «Станционного смотрителя», «Гробовщика», «Барышню-крестьянку»? Там как будто все ясно до предела, усвоено с первого чтения, не особенно волнует близостью темы, а читаешь с наслаждением. Что здесь больше действует? Насыщенность живой деталью, в силу чего кажется интересным даже похмельный сон гробовщика? Или, может быть, влечет внешняя простота, за которой чувствуешь ту высокую ступень искусства, когда оно становится незаметным для читателя, слушателя, зрителя.

Не менее удивительным кажется у Пушкина и воплощение исторических образов, их историческая правдивость и полнокровность. В частности, особо изумляет изображение Пугачева, который, как известно, действовал среди мало знакомого поэту казачьего населения. Между тем едва ли кто станет оспаривать, что за сто двенадцать лет, прошедших со дня смерти Пушкина, наша литература не смогла дать образ Пугачева, равный тому, какой имеем в «Капитанской дочке».

А полиметалл пушкинских сказок? Разве мы знаем тайну этого сплава личного и народного творчества?

Наконец, черновые записи Пушкина. Что в них? Стремление уловить «первозданную красоту и оригинальность факта» или творческое его преобразование при самой записи?

Словом, семидесяти лет моей жизни нехватило, чтоб понять тайну творчества А. С. Пушкина.

Есть, правда, для всего этого простое объяснение — ссылка на гениальность поэта. Гениальность, разумеется, бесспорна и несравнима, но рядом с ней у Пушкина идет и большой труд. Все мы знаем, например, что роман «Евгений Онегин» писался 8 лет, что небольшой повести «Капитанская дочка» предшествовала большая работа в архиве и, кроме того, длительная и трудная по условиям того времени поездка на лошадях из Петербурга в Оренбург.

Эта вот сторона трудовой жизни поэта и кажется мне слабо изученной, а в ней-то и надо искать ответа на вопрос о пушкинском проникновении в жизнь народа, в его речь, жест, устремления и мечты.

Пушкинские чтения на Кировском заводе в Ленинграде. Работница тракторного цеха комсомолка Н. Михайлова в обеденный перерыв читает стихи Пушкина товарищам по цеху.

Фото Д. Трахтенберга

Из архива Валерия Брюсова

В обширном литературном наследстве В. Я. Брюсова значительное место занимают работы, посвященные жизни и творчеству Пушкина. В продолжение многих лет Брюсов с пристальным вниманием изучал Пушкина, как поэт и историк литературы. Неоконченная статья Брюсова, отрывок из которой нами впервые публикуется, относится, по всей вероятности, к 1906—1908 годам. Статья не имеет заглавия. Основная тема ее — смена литературных направлений в России XIX века.

И. БРЮСОВА

На заре XIX века, в его первое десятилетие, еще господствовал полученный в наследие от века предыдущего — сентиментализм, и еще всем были близки и милы Карамзин, автор «Бедной Лизы», и его слезливые подражатели. Буря 12-го года смыла с лица России эту приторную чувствительность. Поколение 10-х годов, побывавшее в армии «нашего Агамемнона» в Западной Европе, вплоть до «стен Парижа», еще полное воспоминаниями о великой революции,— искало более серьезных идеалов, хотело глубже относиться к жизни и к своему назначению. То было поколение, увлекавшееся масонством, организовывавшее тайные общества, подготовлявшее 14 декабря; в литературе истинным выразителем этих идей был, конечно, не Батюшков, наш ранний парнасец, не Жуковский, «балладник» и автор патриотического певца, не кн. Вяземский, поэт прекрасный, но стоявший как-то вне жизни, не эти три поэта, занимавшие тогда вершину русского Геликона, а — юноша Пушкин, тот Пушкин, который написал «Деревню» и сыпал эпиграммами, стоившими ему «отеческого оштрафования» в виде ссылки в «бедную лачужку», в обществе Арины Родионовны... Люди 10-х годов были «промежуточным поколением», — и потому-то, может быть, их представителем был юноша, заполнивший своим гением следующие 20 лет.

Стремления 10-х годов погибли в катастрофе Сенатской площади и в последовавшей затем николаевской реакции... Но еще до 1825 года уже успело встать на ноги, окрепнуть поколение 20-х годов,— романтиков. Русский «романтизм» — нечто совершенно отличное от романтизма немецкого («голубой цветок с золотой сердцевиной»), французского (людоедство героев Виктора Гюго), английского (разочарованность Чайльд-Гарольда). Русский романтизм, как он выразился в творчестве Пушкина, не что иное, как сознание своей самобытности, самостоятельности. Русская мысль... открыто заявила притязание на то, чтобы учить, и оправдала его, как в ряде литературных созданий, так и на арене общественной жизни Романтизм везде был обращением к национальному началу (в противовес космополитическому классицизму), но нигде это не имело такого глубокого смысла, как в России. И Пушкин имел право называть себя романтиком не только потому, что... вместо «Кадмов и Гармоний» избирал своими героями кавказского пленника, Мазепу, Онегина, но и потому, что о Каменном Госте, о Фаусте, о Скупом рыцаре, о Моцарте, об Анджело писал как русский, со своей точки зрения переоценивал эти мировые типы.

30-е годы дали опять «промежуточное» поколение. Гений Пушкина еще озаряет большую половину этого десятилетия, но великий поэт словно предчувствуя преждевременную грань своей жизни, сам как бы спешил изжить все таившиеся в нем возможности. Пушкин 30-х годов, автор «Повестей Белкина», «Египетских ночей», «Медного всадника», глубоко отличен от Пушкина 20-х годов. Мощный реализм, веющий в его зрелых произведениях, идет «впереди века», далеко опережает слабые порывания к реальному у современников, не исключая и Гоголя, который не только в «Вечерах» и в «Тарасе Бульбе», но и в гротескном «Ревизоре» и гиперболических «Мертвых душах» остается гораздо более «романтиком».

Дорогие места

Николай ТИХОНОВ

Пушкинские места — Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь — я увидел во время Великой Отечественной войны, когда они были только что освобождены. Печать разорения лежала на них. Городок Новоржев, через который нам нужно было проехать, был превращен буквально в развалины. Через пустыню бывших улиц дикая утка переводила своих птенцов тихим шагом из озера в озеро. Возвращавшееся из лесов домой население окрестных колхозов встречалось на всех дорогах. Люди жили в бункерах, дороги были густо минированы.

Мимо Святогорского монастыря шли на фронт машины. У монастыря они обязательно останавливались, и командиры и бойцы подымались по лестнице наверх к могиле Пушкина. Всегда среди приехавших находился человек, который произносил краткое слово. Эта встреча с Пушкиным людей, спешивших на фронт, который ушел уже за Режицу, производила большое впечатление.

В одно июньское утро я увидел славный холм над Соротью, протекающей здесь краем широкого Кучанского озера. На месте дома высилась груда битого кирпича, на месте домика няни не было следа строения. Немцы сожгли пушкинский дом, а домик няни разобрали на обшивку хода сообщения и блиндаж, который был в окопе, проходившем по самому краю холма.

Но вид с холма, открывавшийся в то утро, был великолепен. Зеленая цветущая долина, заливные луга, невысокие холмы, глади двух озер. Это видел и Пушкин. Этот вид необычайно волновал, потому что в пейзаже, таком простом и чистом, таком широком и цветущем, чувствовались сила и здоровье русской природы и глубокая душевная прелесть.

Недаром сразу вспоминались слова поэта о том, что этот пустынный уголок был «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья». Заваленный ли глубоким снегом зимы или в жаркие летние ночи освещенный луной уголок был свидетелем стольких поэтических трудов, что вами невольно овладевало здесь раздумье.

В дни боев по этому холму проходил передний край. Отдан был приказ не стрелять по дому Пушкина. В окопах перед решительным наступлением читали стихи Пушкина. После освобождения широкий поток наших войск прошел через эти места. Разноплеменные сыны единой социалистической Родины освободили священную могилу и спасли ее от гибели, так как захватчики перед своим уходом минировали ее; немцы разрушили Святогорский монастырь, сделали множество порубок в окружающих заповедных рощах, изрыли землю окопами, разграбили и сожгли дом-музей.

В Михайловском лесу партизаны из Пушкинских Гор сражались с фашистами. Советская армия вышибла гитлеровцев навсегда из этих мест.

К пушкинским местам вернулись покой и мир. Началось кропотливое дело восстановления. Много трудов положено было недаром. Снова стоят пушкинский дом и домик няни там, где они были до войны. Снова можно пройти по густым аллеям Михайловского парка, прогуляться в Тригорское и Петровское, принять участие в том народном гулянье, которое стало традиционным в день рождения Пушкина — 6 июня, когда со всех окрестностей и даже издалека стекаются многие тысячи людей и проводят день на берегах светлой Сороти.

Правда, на месте Тригорского и Петровского сегодня зеленая пустыня. Там не уцелело ни стены. Только шумят постаревшие деревья, которые из племени «младого, незнакомого» стали сами представителями чудесной старины лесов. Промчались времена, и от пушкинских картин остались только воспоминания. Но зато какие это воспоминания!

Пушкин писал Вяземскому: «в 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь», — а это как раз период, когда Онегин живет в деревне, и многое в романе явилось отсюда, из михайловских впечатлений и раздумий.

Не сближая Онегина с Пушкиным, что было бы ни к чему, мы все же можем представить себе, как на фоне михайловских мест являлись пейзажи великого романа, как возникали сцены и ключом к ним была окружающая обстановка.

Именно в таком русском месте, среди такой типичной русской природы и мог Пушкин находить и зимний рассвет, и вьюгу, и осень с лесами, убранными в багрец и золото, и летнюю тяжесть зеленой листвы.

«Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарской нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный...»

Это относится к Онегину, но в таком приблизительно наряде сам Пушкин посещал Святогорский монастырь, бродил по ярмарке с железной палкой в руке, худой, небритый, с горящими глазами, толкаясь между крестьянами и пришлым людом, слушая жадно народные песни и пение слепцов.

Здесь посетил его в дни изгнания Пущин. Здесь был Дельвиг. Здесь творились замечательнейшие произведения, приводились в исполнение величайшие замыслы.

Первый раз под сень этих лип вступил Пушкин юный, полный веселого брожения лицейских лет, только что окончив лицей. Жизнь лежала в веселой, радужной дымке. Рощи Михайловского были прелестны, как никогда. Через два года Пушкин, «ускользнувший от Эскулапа», обритый, похудевший, после мучительной болезни, приезжает в Михайловское отдыхать. И уже другим глазом он смотрит на окружающее. Тогда и написано стихотворение, открывающее новую линию в русской поэзии, «Деревня», где жестокие строки бичуют уродливость крепостнической жизни:

«Здесь барство дикое, без
чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной
лозой
И труд, и собственность, и время
земледельца.
Склонясь на чуждый плуг,
покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится
по браздам
Неумолимого владельца...»

Годы идут, и вот 9 августа 1824 года в Михайловское приезжает молодой поэт, много уже испытавший для своих лет, много видевший, приезжает в ссылку. Отныне он под надзором государства, как человек опасных мыслей, опасный для царского правительства бунтовщик.

«Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок».

Отсюда видятся ему картины недавнего прошлого. Он обращается из этих лесов к голубому оставленному морю: «Прощай, свободная стихия!» Он обращается к оставленной любви: «Гори, письмо любви». Он обращается к самому себе, чтобы поговорить о главном. Так возникает «Разговор книгопродавца с поэтом»:

«Книгопродавец
...Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?
Поэт
Свободу».

Здесь, в Михайловском, рождается огромный, как горизонт с холма над Соротью, замысел народной трагедии «Борис Годунов».

«Дух века требует важных перемен и на сцене драматической». «Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы». О «Борисе Годунове» он скажет потом, что это — самое любимое его произведение.

Здесь, в Михайловском, написаны многие главы «Евгения Онегина», «Цыганы», «Сцены из рыцарских времен», «Граф Нулин», «Подражания Корану», «Андрей Шенье», «19 октября». «Зимний вечер», «Сцена из Фауста», «Песни о Стеньке Разине», много разных стихотворений. Здесь начат роман «Арап Петра Великого».

Здесь Пушкин занимается народными сказками, слушает по вечерам Арину Родионовну... «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» — так писал Пушкин брату в ноябре 1824 года.

В июне 1825 года Анна Петровна Керн получила здесь в подарок экземпляр 2-й главы «Онегина», в неразрезанных страницах которого лежал сложенный вчетверо лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье...»

«Аллея Керн» сохранилась в Михайловском. Она окаймлена липами-великанами, очень ветвистыми и раскидистыми.

Отсюда, отвечая друзьям и ведя широкую литературную переписку, Пушкин написал свыше сотни писем, здесь узнал он в конце декабря 1825 года о восстании декабристов и 24 июля следующего года — о казни пяти декабристов. Отсюда 4 сентября 1826 года он отправился с фельдъегерем в Москву, по вызову царя, навстречу новым тревогам и опасностям.

Михайловское в бурной жизни столиц всегда являлось в его мыслях тихим приютом, местом для работы. Рядом там было Тригорское — имение друзей, где он проводил многие счастливые дни и часы. Об этом он сам свидетельствовал не раз. В письме к Языкову 14 апреля 1836 года он пишет: «Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны — где вольные живали etc, где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы..., где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны...»

В Михайловское хотел он уехать с Натальей Николаевной, поселиться всей семьей на берегах голубой Сороти, но этот план не состоялся. А жизнь шла. Не стало старой няни Арины Родионовны. «В Михайловском нашел я все по-старому,— пишет Пушкин жене в 1835 году,— кроме того, что нет уже в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу...»

Еще раз приехал он в следующем году по печальному поводу — хоронить свою мать, — а не прошло и года, как его глубокой ночью везли к стенам Святогорского монастыря и по ошибке завезли, сбившись с пути, вместо монастыря в Тригорское, точно Пушкин хотел последний раз навестить друзей своих, которых любил такой нежной любовью.

Сегодня каждый посетивший эти дорогие сердцу русского человека места получит большое душевное удовольствие, посмотрев на эту зеленую ширь полей, холмов, лесов и вод, где Пушкин черпал такое вдохновение, находил такое замечательное выражение русского духа.

Он погрузится в то очарование Михайловского, которое так умел запечатлевать Пушкин. Вспомните:

«Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал
Уж расходились хороводы,
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильней».

Так пришла Татьяна к дому Онегина. Но и у нас забьется сильней сердце, когда мы увидим эти места, когда придем в гости к Пушкину в Михайловское.

В эти дни всенародного юбилея на всем просторе нашей Родины будут вспоминать великого поэта и его бессмертные творения. И в зеленые рощи Михайловского придет советский народ со стихами Пушкина в руках, придет той широкой дорогой, которую проложила к Пушкину народная любовь.

Александр Сергеевич ПУШКИН.

Портрет работы О. А. Кипренского

Тригорское. Вверху — скамья Онегина, внизу — аллея в парке. Фото М. Величко

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!..

А. ПУШКИН

←
Михай
Лес

Михай
Больш

←
Триго
Па

Петр
Аллея к
л

...здесь опять
Минувшее меня об
И, кажется, вечор
Я в этих рощах...

. . . .

Вот холм лесисты
Я сиживал недвиж
На озеро, воспоми
Иные берега, ины
Меж нив златых и
Оно, синея, стелет

Фо
М. ВЕ

йловское.
и озеро.

→
йловское.
ой пруд.

рское.
арк.

→
овское.
арликовых
ип.

...бъемлет живо,
...еще бродил

. . . .

...й, на котором часто
...сим и глядел
...ная с грустью
...е волны...
... пажитей зеленых
...ся широко...

А. ПУШКИН

...ото
...ЛИЧКО.

НЯНЕ

...Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь...

А. ПУШКИН

Михайловское. Вверху — домик няни. Внизу — Савкина гора. Фото М. Величко

Александр Сергеевич ПУШКИН.

Портрет работы В. А. Тропинина.

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

Профессор Б. МЕЙЛАХ

Гравюры Л. Хижинского

1

Царскосельский лицей сыграл большую роль в формировании мировоззрения Пушкина и развитии его дарования. В лекциях лучших из лицейских профессоров (особенно любимейшего из учителей Пушкина — профессора политических наук Куницына) осуждался деспотизм и пропагандировались идеи гражданской свободы как одного из необходимых условий расцвета культуры. Записи лицейских лекций, сохранившиеся в архиве однокашника Пушкина А. М. Горчакова, полностью опровергают мнение буржуазных литературоведов о том, что в лицей якобы переносились методы иноземного воспитания. Нет, в лицее вырабатывалась система русской передовой национальной педагогики, основанной на высокой идейности, патриотизме, свободолюбии. Большое распространение имела в лицее нелегальная политическая литература. Все это придавало особый характер лицею: не случайно воспитанники именовали это заведение в письмах и рукописных журналах «Лицейской республикой».

Однако «лицейская семья» не была единой: в ней были люди разных взглядов. Пушкин уже там был предводителем самой передовой группы молодежи. Кружок друзей Пушкина (в нем были Дельвиг, будущие декабристы Пущин и Кюхельбекер) проявлял живой интерес к политике. Лицей получил славу как один из центров вольномыслия прежде всего благодаря Пушкину. Именно его творчество рассматривалось впоследствии реакционными кругами как «плоды лицейского воспитания».

Но для формирования взглядов юного поэта имел значение не только лицей. Первостепенную роль играли впечатления от героической эпопеи 1812 года. Одним из источников вольномыслия было и общение с будущими деятелями тайных обществ. Пушкин часто бывал в среде вольнолюбивой офицерской молодежи, служившей в лейб-гусарском гвардейском полку, расположенном в Царском Селе. Ближе других были Пушкину офицеры Чаадаев, Каверин, Н. Н. Раевский. От них поэт ближе узнавал о патриотических подвигах великого русского народа, спасшего родину и весь мир от деспотизма Наполеона. Победив иноземного врага, задумавшего лишить Россию независимости, русские патриоты не могли, конечно, примириться с внутренним порабощением, с крепостничеством и самодержавием. Любовь к родине соединялась таким образом с идеей борьбы за политическую свободу.

Неопубликованные материалы лицейского архива говорят о том, что это учебное заведение посещали люди, которые впоследствии стали известны как выдающиеся деятели революционного движения. Так, из лицейских ведомостей мы узнаем, что в 1815 году среди посетителей лицея был «адъютант Пестель», т. е., повидимому, впоследствии казненный декабрист Павел Пестель (тогда он был адъютантом генерала Витгенштейна). Отмечены там же посещения «полковника Глинки», т. е. Федора Глинки, члена тайных обществ «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия». Интересно отметить, что в лицее бывали родственники будущих декабристов Муравьевых-Апостолов, Лунина, Якубовича.

Стихотворение Пушкина «Товарищам», написанное в 1817 году, перед выпуском из лицея, говорит о разных жизненных стремлениях воспитанников. Одни из них готовились к чиновничьей, служебной карьере, не гнушаясь связанными с ней лестью и пресмыкательством перед «вышестоящим начальством».

«Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...»

Пушкин с иронией и презрением говорил о таких своих сверстниках. В этом стихотворении вырисовывается его собственная позиция сторонника свободы и независимости:

«Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак...»

«Красный колпак», при котором хотел остаться Пушкин,—фригийская шапочка французских революционеров — был поэтическим символом свободолюбия. Это не означает, конечно, что Пушкину были уже тогда свойственны революционные убеждения, но является лишним свидетельством его осознанной враждебности существовавшему строю.

Но те самые причины, которые заставляли Пушкина отказываться от карьеры в александровской России, вызвали обратную реакцию у иных, кто личные выгоды, почести или попросту стремление к «тихой пристани» ставил превыше всего. В 1815 году в стихотворении «К Лицинию» Пушкин заявил о своем предназначении поэта-гражданина, обличителя социальной несправедливости:

«В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу».

Путь Пушкина был путем передового человека своего времени, для которого интересы родины, народа, национальной культуры были первенствующими. Поэтому он оказался в центре той идейной борьбы, которая шла в лицее.

Надзиратель лицея Пилецкий-Урбанович еще в 1812 году с возмущением писал о внутрилицейской жизни: «Где нет... единообразия в правилах, там образуются партии, между собою несогласные». Но «единообразия» и не могло быть: все вело к расслоению. Восстановлению физиономии лицейского окружения Пушкина помогают характеристики лицеистов, которые оставил директор лицея Е. А. Энгельгардт (из 29 характеристик опубликованы до сих пор только три, да и то с пропусками и искажениями). Из этих характеристик ясно, что среди лицеистов пушкинского выпуска было немало обывателей, карьеристов и попросту бесцветных юношей.

Вот, например, красочный отзыв о лицеисте Костенском: «Старый миф, который заставляет Прометея орошать слезами глину, превращая ее в людей, воплощен в нем наиболее материально; тяжелая и сырая глина и ничего более, и ему не приходится бранить Прометея за воровство, так как для него Прометей не украл ни малейшей искорки небесного огня. В своей внешности он проявляет много тщеславия, редко показывается иначе, чем упершись в бока руками. Так как он одарен от природы очень скудно, то его прилежание почти ни к чему не приводит».

Такого рода лицеисты были Пушкину, конечно, абсолютно чуждыми. Совершенно иные черты были свойственны воспитанникам пушкинского круга. О Вольховском, этой, по словам Пушкина, «спартанской душе» (который, кстати говоря, оказался затем в связи с декабристами), у Энгельгардта сказано: «Из всех учеников этого надо оберегать меньше всего, так как перед его душой стоит прекрасный идеал (правда, еще в неясных очертаниях), к достижению которого он стремится твердо и настойчиво».

Сам Энгельгардт был человеком весьма умеренных взглядов, но как педагог он верно уловил у ряда лицеистов их характерные черты. Так, из характеристики друга Пушкина Дельвига мы узнаем о том, что у него все направлено на «воинствующее отстаивание красоты русской литературы». «В русской литературе он, пожалуй, самый образованный». Патриотическая любовь к русской литературе — черта из характеристики другого лицеиста, с которым Пушкин был близок,— Яковлева: «В науках он предался своего рода литературному патриотизму, этот протест против всего чужого принимает у него значение чего-то важного». В отзыве о Кюхельбекере отмечены его громадная начитанность («читал все на свете книги обо всех на свете вещах»), талант, добрая воля, склонность к «гигантским проэктам»; в отзыве об Иване Пущине сказано, что он «вдумчивый, способный». Таким образом, и из этих характеристик видно, что среди друзей Пушкина были только лицеисты, воодушевленные высокими идеями, патриотической любовью к литературе, жаждой знаний. Наиболее непринужденные, интимные послания Пушкина-лицеиста обращены именно к Пущину, Дельвигу, Кюхельбекеру. В своих воспоминаниях Пущин писал о Пушкине: «Он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (res publica)».

Идейное размежевание лицеистов отразилось также в их отношении к начальству, профессорам и наставникам. Реакционный министр просвещения Разумовский служил объектом насмешек в рукописных ученических журналах. Разумовскому посвящена эпиграмма Пушкина. А лицеисты другого направления были в восторге от министра. Так, юный князь Горчаков в одном из писем именует его «наш верный друг граф Разумовский», а реакционер Модест Корф уверял, что лицеисты «любили Разумовского». Другой лицеист, Комовский, ханжа и лицемер («лисичка», «фискал», звали его товарищи), был в восторге от гувернера Чирикова, того самого, о котором Пушкин в эпиграмме сказал:

«Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин.
Всегда за все, во всех местах
Крапивы он достоин».

Но настоящий бой был дан группой лицеистов во главе с Пушкиным «надзирателю по нравственной части» Мартыну Пилецкому-Урбановичу, применявшему иезуитские методы «наставления на путь истинный». Неизданные материалы секретной переписки лицея добавляют к отвратительному облику Пилецкого еще одну черту: он был шпионом, тайным агентом полиции в лицее и получил за это награду. Понятно отсюда, почему воспитанники так настойчиво добивались его изгнания. В написанной Пушкиным программе записок под 1811 годом значится: «Мы прогоняем Пилецкого». Пушкин, писавший эту программу много лет спустя, ошибся в дате: Пилецкий был изгнан из лицея не в 1811, а в 1813 году. В «Журнале о поведении воспитанников» за ноябрь 1813 года описан «бунт», поднятый против надзирателя. Записаны, в частности, гневные слова Пушкина: «Как вы смеете брать наши бумаги, стало быть и письма наши из ящика будете брать!» Вскоре после этого «бунта» Пилецкий был вынужден оставить лицей и поступить на службу, отвечавшую его призванию,— следственным приставом петербургской полиции.

2

Лицейская тема в лирике Пушкина 1820—1830 годов отражала верность идеям свободы и протеста против политических сил, враждебных «святому братству» вольнолюбивых друзей. «Лицейские годовщины», ежегодно отмечавшиеся бывшими воспитанниками пушкинского выпуска, служили поводом для политических деклараций, которые в обстановке александровской, а затем николаевской реакции не только напоминали о былом, но и свидетельствовали о живучести «лицейского духа».

Буржуазное литературоведение обходило политическую сторону «лицейских годовщин» — ежегодного празднования дня открытия лицея — 19 октября. А между тем именно эта сторона представляет действительный интерес.

К. Грот в статье «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» (1909 год) пишет: «Без сомнения, обычай вспоминать день открытия лицея (19 октября 1811 года) ежегодной сходкой на скромную товарищескую пирушку установился у воспитанников 1 курса непосредственно по выходе из лицея (в 1817 году), так как наверно и в стенах лицея они привыкли по-своему чество-

вать этот день. Но о первых годовщинах с 1817 по 1822 год мы сведений не имеем».

Теперь эти сведения нами обнаружены. Можно установить имена тех, кто принадлежал к наиболее активным продолжателям лучших традиций лицея. Кроме Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева (его прозвали «лицейским старостой»), одним из наиболее активных пропагандистов традиций передовых лицеистов был Пущин. Из неизданного письма Н. Корсакова Горчакову от 28 октября 1818 года мы узнаем, что сходка воспитанников в первый год после окончания ими лицея была организована у Пущина. Корсаков пишет: «19 этого месяца в количестве 14 человек мы собрались у Пущина», «пели лицейские песни», «снова возвратились в доброе старое время».

В других письмах разных лиц имеются сведения о собраниях в Москве и Петербурге, как организованных в честь 19 октября, так и независимо от этой даты. 19 октября 1817 года тот же Корсаков в другом письме (также неизданном) извещает «представителей единой и неделимой лицейской республики в Москве» (заголовок письма) о том, что накануне у него был «лицейский обед», где в числе других товарищей присутствовал Вольховский (в то время член «Союза Благоденствия»). О частых встречах лицеистов и особенно о Пущине, как хранителе «лицейской дружбы», упоминает Энгельгардт в письмах к Матюшкину, Горчакову, Вольховскому. Даже в Сибири Пущин не забывал дня 19 октября.

В чем же выразилась политическая сторона «лицейских годовщин»?

Намеки на свободолюбивые традиции лицея имеются в стихах даже такого осторожного и недалекого лицеиста, как Илличевский; они были прочтены на сходке 1822 года:

«Доколе сердце в нас свободно,
И чести внятен строгий глас,
Дадим же руки ежегодно
Мы освящать сей день меж нас».

Пушкин находился в южной ссылке, и эту годовщину праздновали без него Но именно Пушкин всегда умел придавать политический характер лицейским годовщинам, превращать их в своеобразную форму проверки верности своих товарищей свободолюбивым идеям.

Город Пушкин. Парк.

Первое из своих стихотворений, посвященных лицейским годовщинам, Пушкин написал в 1825 году («Роняет лес багряный свой убор...») в глухой михайловской ссылке: отсюда упоминание о «горьких муках», об одиночестве, печали. В начальных строфах стихотворения лицейская годовщина осмысляется как проверка товарищей. Далее подтверждается вольнолюбивая основа лицейского союза:

«Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен...»

Между окончанием лицея и годовщиной 1825 года в жизни Пушкина произошли события, которые давали возможность проверить истинность дружбы Его письма из южной, а затем из михайловской ссылки полны жалоб на судьбу изгнанника, на «измену дружбы» и забывчивость друзей. Но это не относилось к его ближайшим друзьям лицейского «святого братства».

Первым из тех, кто исполнил лицейскую клятву дружбы и верности, был Пущин, приехавший в Михайловское в январе 1825 года:

«...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил».

С нежностью говорит Пушкин и о другом своем друге, Дельвиге, также приехавшем в Михайловское.

Проникновенные строфы посвятил Пушкин Кюхельбекеру. «Брат родной по музе, по судьбам», сам подвергшийся опале, публично выразил сочувствие Пушкину.

В том же стихотворении Пушкин выражал надежду на встречу с друзьями в будущем году. Но будущий 1826 год был годом последекабрьской реакции — самой суровой проверки «лицейского союза». Как же была отмечена лицейская годовщина в этой обстановке?

Если от некоторых из лицейских годовщин сохранились протоколы (два из протоколов — 1828 и 1836 годов — написаны рукой Пушкина), то никаких сведений ни об участниках собрания 1826 года, ни о его содержании не осталось. Причины этого ясны: на этом собрании не могло не быть выражено отношение к декабрьским событиям, участниками которого были двое бывших лицеистов — Пущин и Кюхельбекер. И в самом деле, стихотворение Дельвига, которое было тогда прочитано, гласит:

«Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень».

«Твердый камень» — это тюрьма, в которую были заключены Пущин и Кюхельбекер.

Разлука. время, реакция не могли разрушить идейных уз «святого братства».

С годами лицейская тема приобретала у Пушкина все более и более трагическое звучание. В 1831 году он не был на сходке (возможно, потому, что не стало одного из его ближайших друзей, Дельвига, и круг собравшихся после этого почти потерял для него интерес). Но и на эту годовщину он откликнулся стихами, лейтмотив которых — влияние мрачной, жестокой действительности николаевской России на лицейскую семью:

«Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее...»

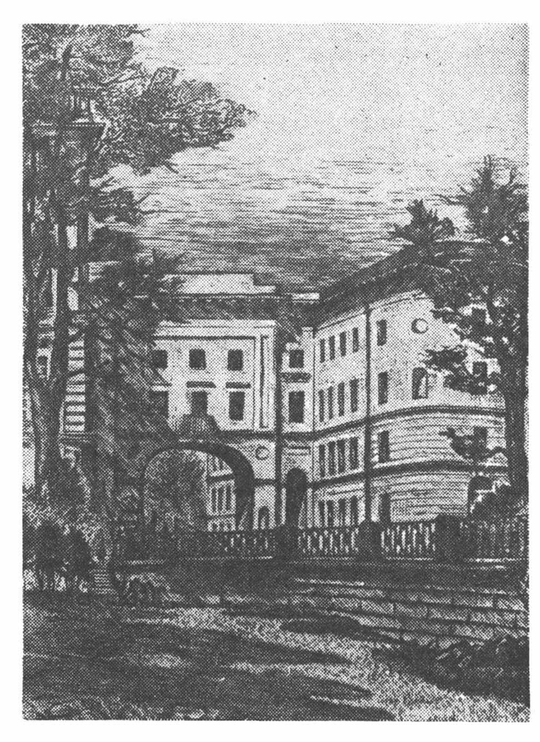
Перечисляя потери среди лицейских друзей, Пушкин с особенной скорбью говорит о Дельвиге Стихотворение все же заканчивается жизнеутверждением:

«Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим...»

Особенный интерес представляют пушкинские стихи на лицейскую годовщину 1836 года. В этом году исполнилось двадцатипятилетие лицея. Пушкин решительно отверг предложение о том, чтобы в честь этой даты соединились воспитанники разных выпусков. Точка зрения Пушкина и его сторонников победила: на годовщину были приглашены только лицеисты первого выпуска. В протоколе этой сходки, между прочим, отмечено, что присутствующим читаны «письма писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей». Кроме того тогда же читали «бумаги. хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева», «поминали лицейскую старину», «пели национальные песни». О Пушкине сказано, что он «начинал читать стихи на двадцатипятилетие лицея, но всех стихов не припомнил и кроме того признался, что он их не докончил, но обещал докончить, списать и приобщить к сегодняшнему протоколу».

По другому свидетельству Яковлева (который закончил протокол, почти весь написанный Пушкиным), Пушкин начал читать стихи, но «слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чтения». Это вполне правдоподобно: стихотворение «Была пора...» принадлежит к самым трагическим произведениям Пушкина. Поэт, затравленный царем и придворной кликой, как бы дает отчет о событиях за двадцать пять лет. Безвозвратно кануло в прошлое время, когда «жили все и легче и смелей», когда молодой праздник «сиял, шумел и розами венчался». Теперь не то:

«Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим».

Город Пушкин. Лицей.

В последний раз присутствовал он на лицейской годовщине: менее четырех месяцев отделяли его от гибели. После дуэли, умирая, он с любовью и грустью вспоминал друзей юности.

Отклики лицейских друзей поэта на его смерть пронизаны идеей взаимной ответственности за судьбу каждого из членов «Святого братства». Бывший лицеист Матюшкин писал М. Яковлеву в 1837 году: «Пушкин убит — Яковлев, как ты это допустил — у какого подлеца поднялась на него рука! Яковлев, Яковлев, как ты мог это допустить? Наш круг редеет, скоро и нам пора убираться». Еще ярче выражена та же мысль в письме И. И. Пущина к своему лицейскому товарищу И. В. Малиновскому: «...если бы при мне должна была случиться его (Пушкина.— **Б. М.**) несчастная история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь».

С отчаянием писал Кюхельбекер в сибирском одиночестве о потере Пушкина как о горе, после которого незачем жить.

После гибели Пушкина лицейские годовщины теряют свой идейный, политический характер. Иначе и не могло быть: время обнаружило с еще большей остротой враждебность взглядов передовой и консервативной групп лицеистов.

В «Прощальной песне воспитанников Лицея» Дельвиг говорил о родине:

«Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд».

Для иных из сверстников Пушкина за этими слова, и не скрывалось никакого реального содержания. Но для самого Пушкина и людей его круга здесь таился сокровенный смысл. Позиция борца за благо отчизны действительно определяла его облик и в жизни и в литературе.

Иван **НОВИКОВ**

Рисунки О. Верейского

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

Эпизоды из киноповести

Весна 1820 года. Петербург. Театральный разъезд. Слухи о высылке Пушкина переходят из уст в уста. Одни говорят об этом со злорадством, другие — с уважением и сочувствием к Пушкину.

Два чиновника: один помоложе, да покрупнее, другой сильно постарше, но чином поменьше.

ТОТ, ЧТО ПОСТАРШЕ. — А говорили, будто в Сибирь?

ТОТ, ЧТО ПОМОЛОЖЕ. — Да нет, что вы! Пушкина вышлют на юг. Государь ограничился этим, а это и кара и милость.

— Ну и напрасно! Смею сказать, что напрасно...

— Однако ж монаршая воля.

— Я это все понимаю, но ежели он уже юношей на такое способен... Оду «Вольность» читали?

— Как не читать: ее все твердят наизусть...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, проходивший мимо (весело блеснув глазами). —

«Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок».

ТОТ, ЧТО ПОСТАРШЕ. — Вы слышите? Так куда же уж дальше!

ДРУГОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (с другой стороны). —

«А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!»

ТОТ, ЧТО ПОМОЛОЖЕ. — Да, оно действительно... Это уже чересчур!

ТОТ, ЧТО ПОСТАРШЕ (быстро удаляясь по направлению к зрителям). — Ну и вот... Вот вам и получили! Да я бы его... Да когда б моя воля!..

ДРУГАЯ ГРУППА МОЛОДЕЖИ. — А я думаю так, что наш Пушкин и там не пропадет...

КАРАМЗИН (проходит с дамою; лицо у него усталое, мысли далеки от спектакля, однако, услышав о Пушкине, он оживился, насторожился. Негромко своей даме). — Да, это о нашем друге-поэте, но только...

ОДИН ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК ДРУГОМУ (оба провинциалы). — А это ведь там наш знаменитый историк...

— Николай Михайлович?

— Да, сам Карамзин.

КАРАМЗИН (даме). — Я вам расскажу, но здесь неудобно об этом.

В ГРУППЕ МОЛОДЕЖИ. — А вот и увидите: между народа — как он там вырастет!

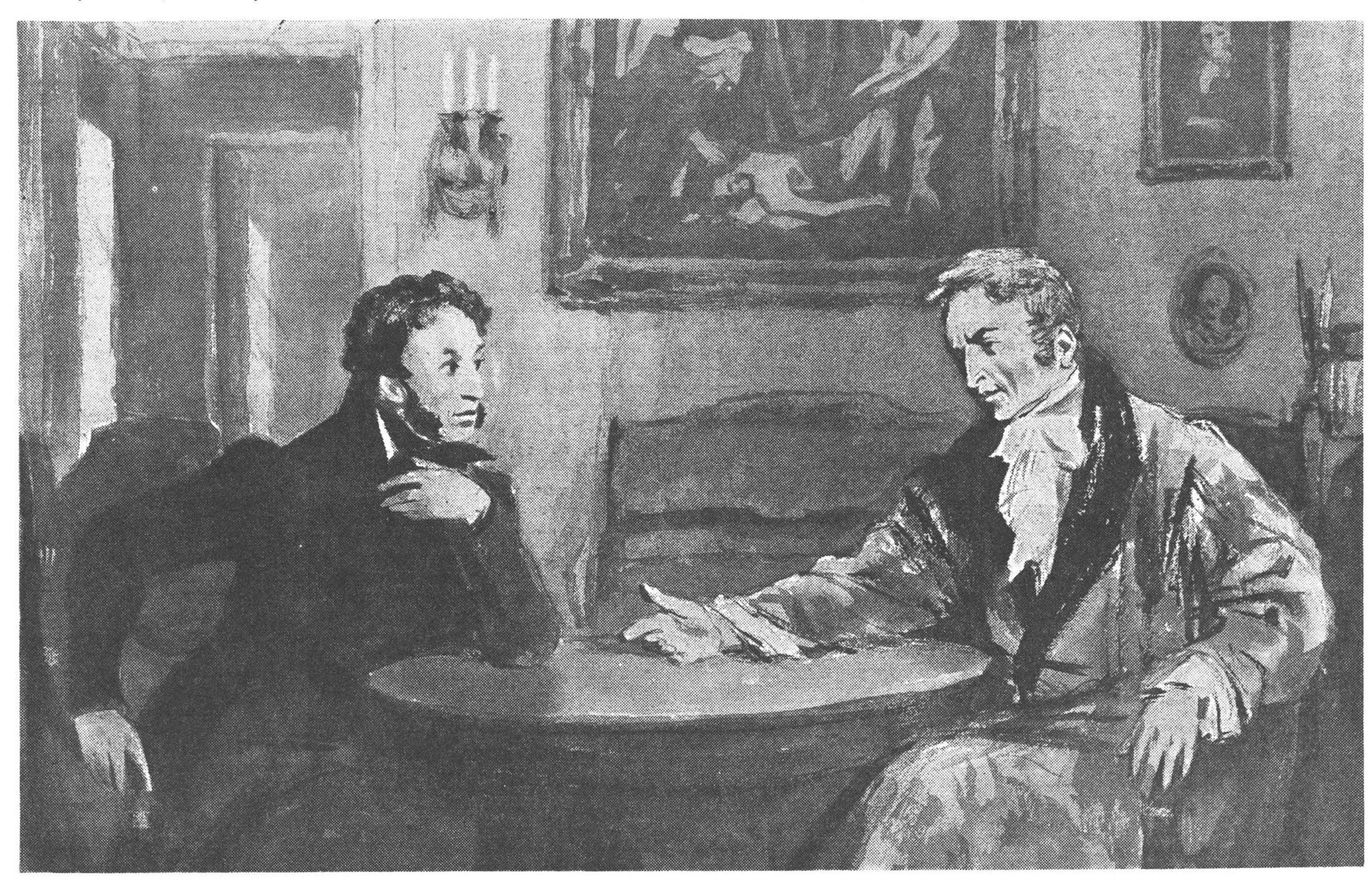
КАРАМЗИН (молча, но пристально взглянув на говорившего; даме). — Все о Пушкине, а поутру завтра будет он у меня.

(Проходят.)

Пушкин у Карамзина

Они беседуют в креслах друг против друга. Беседа серьезная, оба заинтересованы ею.

КАРАМЗИН. — Да, это какой-то сказал молодой человек, мне не знакомый. Но вот я и думаю: ежели я, писатель, ученый, сколько я получил для себя... Не удивитесь: для своего внутреннего роста — от общения с

К истории убийства Пушкина

Обстоятельства трагической гибели Пушкина, вскрытые советским пушкиноведением, известны теперь широким кругам читателей. Нет необходимости возвращаться и к обстоятельствам, связанным с составлением пасквильного анонимного письма, посланного Пушкину в ноябре 1836 года. Напомним только, что пасквиль был написан князем Петром Владимировичем Долгоруковым (1816—1863), впоследствии получившим известность как автор двух работ по генеалогии: «Российский родословный сборник», т. I—IV (СПБ. 1840—1841) и «Русская родословная книга», т. I—IV (СПБ, 1855—1857).

Перед выпуском второй книги Долгоруков написал анонимную записку князю Семену Михайловичу Воронцову с требованием 50 тысяч рублей за то, чтобы не предавать публикации документы, оспаривающие древность происхождения Воронцовых. Получив отказ, Долгоруков в своих записках (Париж, 1860) сообщил, будто князь С. Воронцов сам предложил ему 50 тысяч рублей, чтобы зажать ему рот.

Воронцов начал процесс против Долгорукова по обвинению его в клевете. На этом процессе фигурировала анонимная записка. Авторство Долгорукова было установлено судебной экспертизой, сличившей почерк анонимной записки с почерком писем, подписанных Долгоруковым.

Материалы этого процесса вместе с факсимиле экспертируемого документа опубликованы в книге «Процесс князя Воронцова...» (на французском языке, Париж, 1862), перепечатанной в том же году в Лейпциге.

При разборе рукописных материалов, переданных Серпуховским краеведческим музеем Государственному Литературному музею, нами было обнаружено письмо гр. В. А. Соллогуба[1] на французском языке, следующего содержания:

Дерпт 18 апреля.

«Дорогой князь,
барон Геккерн обладает, как он мне сказал, запечатанным пакетом, содержащим бумаги, относящиеся к его несчастной дуэли с Пушкиным. Этот пакет был ему передан на границе, когда его высылали из России по приказу императора Николая. Геккерн никогда не имел мужества ознакомиться с этими бумагами. Там должны находиться письма мои и д'Аршиака[2]. Возможно, там также находится анонимный билет, который привел к катастрофе, билет, который вполне мог принадлежать Вашему противнику и который можно будет сравнить с автографом, только что Вами опубликованным. И. Гагарин[3], возможно, может дать объяснения по этому темному делу, которое Провидение, если я не ошибаюсь, имеет намерение объяснить. Если билет находится в пакете, можно будет придти к окончательным выводам. Если нет, считайте, что я ничего не говорил, и примите эти строки как выражение желания быть Вам полезным в Вашем справедливом начинании.

Ваш преданный Соллогуб».

В воспоминаниях В. А. Соллогуба[4] мы читаем: «Двадцать пять лет спустя (после смерти А. С. Пушкина), я встретился в Париже с Дантесом-Геккерном, нынешним французским сенатором. Он спросил меня: «Вы ли это были?» — Я отвечал: «Тот самый». «Знаете ли,— продолжал он: — когда фельдъегерь довез меня до границы, он вручил мне от государя запечатанный пакет с документами...»

В публикуемом нами письме В. А. Соллогуба есть указание, что письмо написано тотчас или вскоре после выхода книги «Процесс...» Вместе с тем в письме В. А. Соллогуба нет отклика на брошюру Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина»[5], выпущенную в начале 1863 года, где автор якобы со слов Данзаса прямо называет автором пасквиля П. В. Долгорукова.

Таким образом, письмо можно датировать 1862 годом.

Адресат может быть определен фразой письма: «Возможно, там также находится анонимный билет..., который вполне мог принадлежать Вашему противнику и который можно будет сравнить с автографом, только что Вами опубликованным». Этот адресат,— несомненно, кн. С. М. Воронцов.

Публикуемое письмо интересно тем, что в нем В. А. Соллогуб делает, хотя и косвенно, но достаточно ясное указание на князя П. В. Долгорукова как автора пасквиля.

В 1865 году, публикуя в «Русском Архиве» отрывок своих воспоминаний, В. А. Соллогуб гораздо осторожнее пишет: «Итак, документы, поясняющие смерть Пушкина, целы и находятся в Париже. В их числе должен быть диплом, написанный поддельной рукой. Стоит только экспертам исследовать почерк, и имя настоящего убийцы Пушкина сделается известным на вечное презрение всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языке, но пусть его отыщет и назовет не достоверная догадка, а божие правосудие!»

Но почему об этом письме до настоящего времени ничего не было известно?

Мы полагаем, что письмо это никогда не увидало адресата и было написано под первым впечатлением разговора с Дантесом и выхода книги «Процесс...». Свойственная В. А. Соллогубу осторожность помешала ему отправить письмо по назначению. По этой же причине нет упоминания о письме и в отрывке воспоминаний 1865 года. Каким образом оно попало в Серпуховский музей? Вероятно, из Остафьевского архива, остатки которого были смешаны с архивами гр. Ф. Л. Соллогуба.

С. КЛЕПИКОВ

---

[1] В. А. Соллогуб (1814—1882) — писатель, автор «Тарантаса». К дуэли Пушкина с Дантесом имеет отношение как человек, передавший Пушкину запечатанный пакет с пасквилем.

[2] Д'Аршиак — виконт; секретарь французского посольства; секундант со стороны Дантеса в состоявшейся дуэли.

[3] Кн. И. С. Гагарин жил вместе с П. В. Долгоруковым; оба были друзьями Дантеса; молва упорно называла Гагарина автором анонимного пасквиля.

[4] Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПБ, 1887, стр. 188. В отрывках напечатаны в «Русском Архиве» за 1865 год.

[5] Разбор этой брошюры появился в июньском номере «Современника» за 1863 год, стр. 317 -328.

нашими предками, от вживания в их, давно уж, казалось бы, отшумевшую жизнь,— то вам, дорогой мой поэт, вам нужны люди, живые, и даже не люди, а именно что народ! Он так и сказал: «между народа — как он там вырастет!»

ПУШКИН.— Я не знаю, кто бы то был, и я ничего о себе не предсказываю. Но я знаю одно: я не дам себя зачеркнуть и себя переломить...

КАРАМЗИН.—Пушкин, вы ищете спора?

ПУШКИН.— Нет, я пришел вас от души поблагодарить. Я должен быть вам так благодарен...

КАРАМЗИН (прерывая).— Не мне одному! Но не надо об этом. А вот... (Поднимается с кресла и делает по направлению к Пушкину непроизвольно изящное движение, как если бы закидывал на зеркальную воду пруда тонкую упругую удочку. Пушкин также поднялся навстречу ему.) А вот что скажите: можете ли вы, по крайней мере, обещать мне, что в продолжение года... Нет, что вы обещаете в продолжение двух лет ничего не писать против правительства? Иначе в глаза б мне сказали, что я солгал.

ПУШКИН (с живостью прерывает его).— Не говорите мне так! Я вам благодарен: юг — не Сибирь! А то, что вы требуете...

КАРАМЗИН.— Требовать я не требую ничего.

ПУШКИН.— То, что вы... то, что вы... реко-мендо-вали... Ну, хорошо, я обещаю...

КАРАМЗИН (берет его руку).— Надеюсь, что расстаемся мы не надолго. (Левой рукою обняв, приближает Пушкина к себе и целует его в голову.) Я люблю вас, молодой мой друг, и я буду вас вспоминать, как вы будете ехать по необъятным нашим просторам... (Пушкин, тронутый, делает невольное движение к Карамзину.)

Пушкин в пути

Почтовая тележка. Вечер. Дорожная пыль. Придорожные ветлы. Как только что делал движение Пушкин к Карамзину, так и сейчас подобный же жест к ямщику.

ПУШКИН.— Спой еще раз. Я не вовсе понял тебя. Я не все разобрал. А хорошо... Там молодец умирает на чужой стороне, а конь жалеет его?

ЯМЩИК (обертываясь).— А конь его, барин, жалеет: это правильно в песне поется. (Попридерживает лошадей.) Сначалу желаете?

ПУШКИН.— И начало хорошее: «Уж как пал туман на сине море, а злодей-тоска в ретиво сердце...» (Невольно разводит руками и сводит их, крепко переплетая пальцы.)

ЯМЩИК (поет).—

«Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.
Не звезда блестит далече во чистом поле...»

(Неожиданно вступает в пение и Никита, дядька Пушкина; он подхватывает песню тоненьким и жалобным голосом.)

ЯМЩИК И НИКИТА (поют вместе).—

«...Курится огонечек малешенек;
У огонечка разложен шелковый ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает платком рану смертную,
Унимает молодецку кровь горячую...»

(Тут Никита замолкает и длинной своею рукой трогает за плечо ямщика; тот также прерывает песню и обертывается.)

ПУШКИН.— Никита, ты что это?

НИКИТА (неспешно).— А в песне там про коней, так и наших давно бы пора попоить.

ЯМЩИК.— А ведь что верно, то верно! (Соскакивает с облучка.)

ПУШКИН (также вышел размяться).— А конец я, кажется, помню... (Остановился, припоминая.) Как это молодец наказал коню?

«Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене,
Что за ней я взял поле чистое;
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела».

ЯМЩИК (разнуздав лошадей).— Барин, далеко один не ходи.

ПУШКИН.— А что так?

ЯМЩИК.— Ныне в наших краях все еще не спокойно.

ПУШКИН.— Слыхал.

Идет, и на минуту обертывается. Никита глядит с несвойственной ему нежностью, как конь пьет из ведра, легко касаясь воды нижней губой, и как потом оторвался и движет губами, а с них стекают прерывисто небольшие звонкие струйки воды.

В стороне от повозки

ЯМЩИК (приближается к Пушкину и говорит серьезно и доверительно).— Солдаты прошли — как прокосили, и тюрьмы полны. Это правда. Ну, а кое-кто, видишь, в бегах. Так-то и в поле бывает-случается, как между пшенички... (Только качнул головой.)

— Что между пшенички?

— А бурьян, говорю, промежду пшенички: был хлебопашец, а ныне разбойником стал! Да и куда ж им податься? (Подошел совсем близко.) Вы, батюшка барин, вы еще млады, а я так вам скажу: нашему брату... от начальства иного чего и не жди, как беды. Это вам, господам, наше начальство ручку к фуражке прикладывает...

— Ты думаешь, нас и не трогают?

— А думается, будто что так.

ПУШКИН (что-то хотел возразить, но сдержался).— Нет, ничего... Едем, пожалуй! (Делает движение к тележке.)

Новый кусок пути

Лошади, пофыркивая, идут в гору.

ЯМЩИК (идет рядом с повозкой, хлопает в воздухе коротким ременным кнутом).— Н-но, дорогие! Но, н-но... шалишь!

ПУШКИН.— Ну, и что же ты думаешь, почему они так — солдаты: подавляют восстания крепостных, когда они сами... и сами они — мужики? (Молчание.) Что ж ты молчишь?

ЯМЩИК.— Э-эй, драгоценные! Вкученьки...

— Или ты не слыхал?

— Да нет, мы слыхали... А ну, ну, золотые, вытягивай!

— И опять замолчал?

— А того я молчу, баринок мой любезный, что солдаты — они... солдаты — служилая нация есть.

НИКИТА (неожиданно вступая в разговор).— А мы и сами служилый народ: направленье имеем в знаменитый вон город Екатеринослав, к его превосходительству генералу Ивану Никитичу Инзову.

ПУШКИН.— Никита, ты у меня помолчи, а то я тебе больше (грозит ему пальцем) ни шкалика! Инзов! Инзов, конечно, крестьян не усмирял. (В тоне уверенность, смешанная, однако, и с легкой тревогой.)

ЯМЩИК.— Про Ивана Никитича нет того слуху... Про него, нечего бога гневить, слух идет легкий...

ПУШКИНСКАЯ МОСКВА

Н. АШУКИН

Рисунки Б. Земенкова

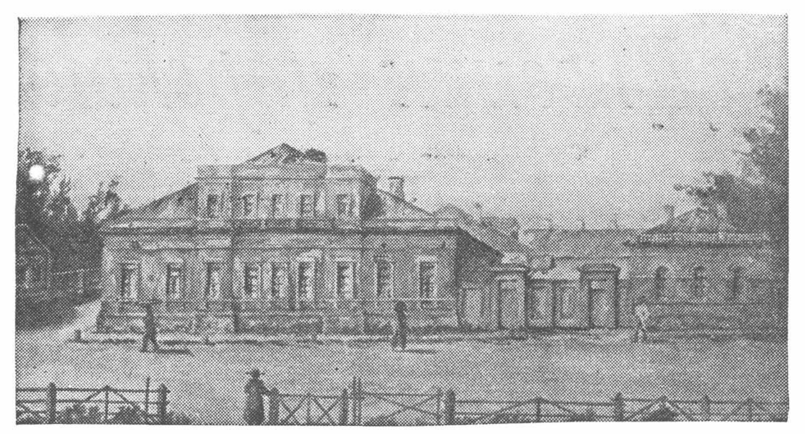
Никто из современников не догадался точно указать место рождения величайшего русского поэта. В 1880 году, к торжествам открытия в Москве памятника Пушкину, Городская дума, доверясь изысканиям археолога А. А. Мартынова, поспешила прикрепить мемориальную доску на двухэтажном каменном доме № 27 на Немецкой улице (теперь улица Баумана). Только через сорок семь лет, после длительных и тщательных архивных разысканий, место рождения Пушкина было наконец установлено. Дома Скворцова на Немецкой улице, в котором родился поэт, давно не существует; находился же он на том месте улицы Баумана, где теперь дом № 10. В 1927 году старая мемориальная доска с дома № 27 была снята, а к стене ныне существующего каменного дома № 10, выходящего на улицу Баумана, прикреплена новая с надписью:

> **Здесь был дом, где 26 мая (6 июня) 1799 года родился А. С. Пушкин.**

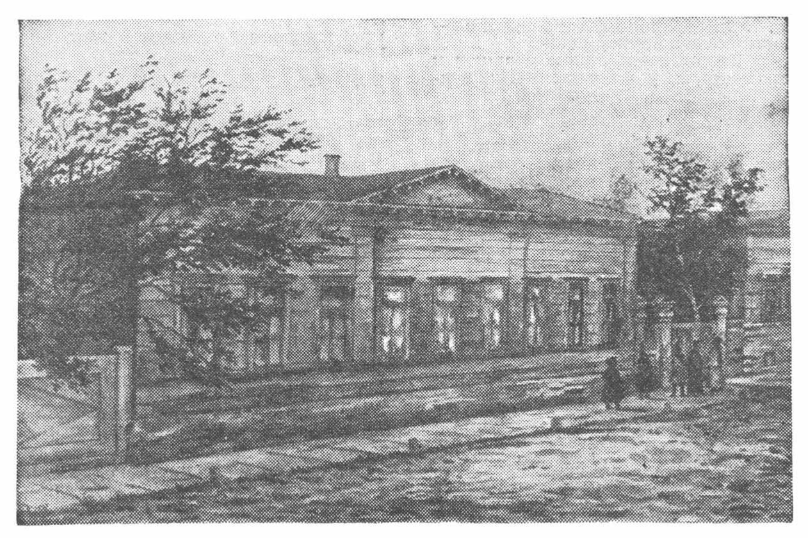
Пушкины часто меняли квартиры. В 1802 году они жили в доме князя Юсупова в Большом Харитоньевском переулке (№ 21); в 1803—1807 годах — в доме Санти, который находился в том же переулке (на месте дома № 8). Где жили Пушкины в следующие годы, пока не установлено.

Летом 1811 года двенадцатилетний Пушкин был отвезен в Петербург для определения в только что открытый Царскосельский лицей. Годы ученья и годы ссылки надолго разлучили Пушкина с Москвою. Но всюду — и на школьной скамье и в годы ссылки, в своих невольных «дальних странствиях» — поэт с горячей любовью вспоминал о родном городе.

Разлука Пушкина с Москвою окончилась в 1826 году, когда он был «прощен» Николаем I. После объяснения в Кремле с царем поэт поехал к своему дяде Василию Львовичу Пушкину, у которого и провел свой первый свободный вечер. В. Л. Пушкин жил в доме Кетчера на Старой Басманной (теперь улица К. Маркса, № 36).

Дом Санти. Здесь А. С. Пушкин жил в детстве.

В доме Кетчера была квартира В. Л. Пушкина.

С этого времени, получив право свободного передвижения, Пушкин пятнадцать раз приезжал в Москву и жил здесь в некоторые приезды по нескольку месяцев. В общей сложности, считая годы детства, он провел в Москве треть своей жизни.

На улицах Москвы сохранились до наших дней дома, с которыми связаны воспоминания о Пушкине.

В свои приезды он останавливался или в гостиницах или у своих близких друзей — С. А. Соболевского на Собачьей площадке (№ 12), П. В. Нащокина, П. А. Вяземского.

В 1828—1832 годах Пушкин обычно останавливался в гостинице «Север», а затем «Англия» в Глинищевском переулке (теперь улица Немировича-Данченко, № 6). Здесь у него бывали Баратынский, Вяземский, Денис Давыдов, Погодин, Адам Мицкевич и другие.

Дом № 4 в Кривоколенном переулке, в котором жил поэт Д. В. Веневитинов, хранит воспоминания о «незабываемом утре» 26 сентября 1826 года, когда Пушкин, впервые приехавший в Москву после ссылки, потряс слушателей чтением «Бориса Годунова».

В значительно перестроенном доме № 14 по улице Горького (там, где теперь магазин «Гастроном» № 1) во времена Пушкина в блистательном салоне княгини Зинаиды Волконской «соединялись,— по выражению мемуариста,— представители большого света, сановники и красавицы,— молодежь и возраст зрелый, профессора, писатели, журналисты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли». В салоне Волконской Пушкин встречался с Адамом Мицкевичем.

Дом № 12 на Садовой-Самотечной (частично перестроен) памятен тем, что здесь Пушкин передал А. Г. Муравьевой перед ее отъездом в Сибирь к сосланному туда ее мужу, декабристу Никите Муравьеву, свое стихотворение, посвященное декабристам («Во глубине сибирских руд»).

Частыми посещениями Пушкина памятны дома: поэта и критика П. А. Вяземского в Чернышевском переулке (ныне улица Станкевича, № 9), Е. А. Баратынского (там же, № 6), Дениса Давыдова в Б. Знаменском переулке (ныне улица Грицевец, № 17), Римского-Корсакова на Страстной площади (теперь Пушкинская площадь, № 3), Трубецких на Покровке (ныне улица Чернышевского, № 22), Урусовых по Садово-Кудринской (№ 25, не сохранился), А. П. Елагиной (Хоромный тупик, № 4), имевшей литературный салон, где бывали Аксаковы, Баратынский, Чаадаев, Жуковский, позднее — Герцен, Огарев. В доме Елагиной жили Языков и Киреевский, которых посещал Пушкин.

«У Красных у Ворот, в республике привольной» — так называл поэт Н. Языков литературный салон в доме А. Елагиной.

В доме № 12 в Столешниковом переулке, где помещалась канцелярия московского обер-полицеймейстера, Пушкин давал свои объяснения по делу о распространении запрещенных цензурой стихов из «Андрея Шенье».

Бывал Пушкин в московском Английском клубе, который до 1831 года помещался на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская улица, перестроенный дом № 11), а затем на Тверской улице, № 21 (там, где теперь Музей революции). До сих пор сохранились «львы на воротах» Английского клуба, которые видит при въезде в Москву Татьяна Ларина в «Евгении Онегине». Посещал Пушкин балы в Благородном собрании (ныне Дом союзов), итальянскую оперу в доме Апраксина на Знаменке (теперь в этом заново перестроенном доме Министерство Вооруженных Сил СССР), Большой и Малый театры.

В Москве Пушкин встретил свою будущую жену. В Москве он венчался, в церкви «Большое вознесение», у Никитских ворот. Первые месяцы семейной жизни Пушкин прожил в нанятой им квартире в доме Хитрово на Арбате (№ 53). Этот каменный двухэтажный дом, построенный около 1816 года, имел, повидимому, ампирный облик, исчезнувший после позднейших переделок. Квартира Пушкина была во втором этаже и состояла из пяти комнат: зала, гостиной, кабинета, спальни и будуара. Дом этот отмечен мемориальной доской.

В старом здании университета 27 сентября 1832 года Пушкин присутствовал на лекции профессора Давыдова и спорил с профессором Каченовским о «Слове о полку Игореве», горячо отстаивая подлинность этого замечательного памятника древней русской литературы.

Гостиница «Англия», где шесть раз останавливался А. С. Пушкин.

Пушкин, любивший «бродить по книжным лавкам», особенно часто бывал в университетской книжной лавке на Страстном бульваре (№ 10). В этом же доме жил сентиментальный поэт — князь Шаликов, которого иногда посещал Пушкин.

Бывал Пушкин у известного книголюба и собирателя рукописей, археолога А. Д. Черткова, жившего на Мясницкой в своем доме, который находился на месте дома № 7 по улице Кирова.

Последний раз Пушкин был в Москве в 1836 году, с 3 по 20 мая. Остановился он в этот приезд у своего друга П. В. Нащокина (жившего в Воротниковском переулке; теперь № 12). Дом этот — последнее местопребывание Пушкина в Москве — сохранился в несколько измененном виде.

Художник Б. С. Земенков, изучающий старую Москву, реконструировал в своих рисунках по архивным планам и чертежам дома в том виде, какой они имели при Пушкине.

Дневник царского цензора

(По материалам Центрального государственного Литературного архива)

В. НЕЧАЕВА

Константин Степанович Сербинович — автор дневников — был сыном мелкого полоцкого чиновника. Он обучался в Полоцкой академии и воспринял от своих учителей-иезуитов те основы поведения, которые помогли ему сделать большую карьеру в пору николаевской реакции. Будучи в 1820-х годах еще совершенно ничтожным винтиком в бюрократической машине империи, он, по роду своей службы, все время находился вблизи ее главных двигателей. Вечером скупыми, осторожными словами он регистрировал в своем дневнике события, встречи, темы слышанных разговоров, привлекавшие общее внимание и интерес.

Сербинович слышал разговоры о Пушкине, общаясь с Карамзиными, А. И. Тургеневым, Вяземским, Жуковским. В 1824 году в департамент духовных дел, где служил Сербинович, был определен на службу и поручен ему для обучения брат поэта Лев Пушкин. Множество записей в дневнике свидетельствует, что Лев Пушкин был очень нерадивым чиновником и этим возмущал Сербиновича. Однако недовольство Л. С. Пушкиным как чиновником не мешало Сербиновичу поддерживать с ним приятельские отношения, выспрашивать его о брате, узнавать через него о новых произведениях Пушкина. Известно, что именно в 1824—1825 годах Пушкин довольно часто писал брату, посылал ему рукописи стихотворений, поручая их издание. И письма, и стихотворения, и, что очень вероятно, многие подробности о жизни брата Лев Пушкин сообщал Сербиновичу, вводя его в тот интимный мир, который мог быть известен лишь родственникам и ближайшим друзьям поэта. Вот несколько записей Сербиновича о Льве Пушкине:

1824 год 17 ноября (у Карамзиных): «После чаю Л. С. Пушкин читает наизусть новое стихотворение брата «Цыганы». 1825 год 18 февраля (у А. С. Шишкова): «Воейков, Аладьин с альманахом и (Л. С.) Пушкин с «Онегиным». 27 февраля Л. С. Пушкин дает мне пересмотреть стихотворения брата». 7 апреля: «Заезжаю к (Л. С.) Пушкину и познакомился с его отцом и матерью». 20 апреля: «(Л. С.) Пушкин показывает мне письма брата». 2 мая: «(Л. С.) Пушкин показывает мне Подражание Корану своего брата». 1826 год 2 марта: «(Л. С.) Пушкин сказывает о расстроенном здоровье брата».

В первой половине 1820-х годов Сербинович, как и вся чиновничья молодежь, был усердным читателем сочинений Пушкина. Его дневники испещрены не только записями «читал Пушкина», но и записями «говорено о Пушкине», так как произведения Пушкина обычно горячо обсуждались в товарищеских кружках. Имеется ряд упоминаний о Пушкине в записях Сербиновича о его беседах с будущим декабристом А. И. Одоевским. Есть упоминание и о политических стихотворениях Пушкина, распространявшихся в списках.

1820 год 18 сентября: «Читаю стихи Пушкина о Михайловском замке и из Кавказа». 21 октября (разговор в департаменте): «О семеновцах — великих князьях — и Пушкине — стихах — песнь младенца и пр.».

Под «Михайловским замком», несомненно, надо подразумевать оду «Вольность», под «песнью младенца», — вероятно, «Noël». Последняя запись занесена в дневник через пять дней после восстания в Семеновском полку.

В 1826 году К. С. Сербинович по рекомендации Д. Н. Блудова был привлечен к работам следственной комиссии по делу декабристов и принимал ближайшее участие в составлении доклада комиссии. Зарекомендовав себя здесь Сербинович в ближайшие годы принимал участие в других политических следствиях уже по личному приказанию Николая. В 1826 году Сербинович был назначен цензором. Цензурируя «Северную Пчелу» и другие издания Булгарина и Греча, он находился в конце 1820-х годов в постоянном общении как с ними, так и с иными лицами, причастными к деятельности III отделения. Личные встречи Сербиновича с Пушкиным относятся к этим годам его преуспевания в ролях цензора и чиновника секретных следственных комиссий. Записи Сербиновича касающиеся Пушкина, не только не содержат восхищения или хотя бы интереса к крупнейшему поэту современности, произведениями которого Сербинович недавно зачитывался, но отражают скорее недоброжелательное любопытство автора записей. Эта настороженность Сербиновича кажется нам связанной с его участием в следствии над декабристами и отношением его к III отделению.

Вызванный Николаем I из Михайловского в Москву, Пушкин провел в ней начало 1827 года. 19 мая он выехал в Петербург. К 6—19 июня 1827 года относятся несколько записей Сербиновича о его встречах с Пушкиным у Карамзиных. Первой из них Сербинович посвятил в дневнике довольно длинную запись, далее он лишь упоминал о присутствии Пушкина. Приводим некоторые его записи за июнь 1827 года:

«6. Понедельник. У Карамзиных... За чаем были Б. Шилинг — и как я после узнал — поэт Пушкин. Он говорил о Ламартине: qu'il n'a pas beaucoup d'esprit [1], что он хотел только отличиться противоположностию Бейрону, что вторые медитации его лучше первых. Говоря о подражателях, сказал он по-латыни pecus imitator [2], но не кончил слова за незнанием языка — расспрашивал о Батюшкове (которого нет надежды вылечить), рассказывал о морском купанье, об Одессе, о Воронцове, Инзове и как высидел у последнего под арестом — вообще я нашел его не таким, как воображал. Одет он был опрятно, может быть из приличия в обществе дам. Волосы темнорусые и бакенбарды — взор не пылкий — жесты умеренные — была маленькая небрежность в них. Часто облокачивался на стол и длинными ногтями стучал по красному дереву — смех, взгляды, точно как у брата его Льва — говоря о чем-то либеральном, весь краснел — обманчивая наружность!»

«7 Вторник — ненароком зашел к Карамзиным, у коих были Плещеевы, Кривцов и А. Пушкин. Последний без меня читал свою Трагедию».

Дата отъезда Пушкина в Михайловское летом 1827 года не установлена. Запись Сербиновича от 4 августа показывает, что Пушкин в это время еще был в Петербурге, так как Сербинович встретил его у Д. Н. Блудова.

В октябре Пушкин вернулся в Петербург. 21 ноября Сербинович встретился с ним на обеде у Булгарина и записал: «Обед у Булгарина — были Ф. Фок, Бутков, Греч, Пушкин, Сенковский, Сомов, Перс, Този».

Об обеде Пушкина у Булгарина было известно, но дата его неверно приурочивалась к более раннему времени. Как обед, так и письмо Пушкина к Булгарину, написанное в день обеда, надо датировать 21 ноября 1827 года.

8 марта 1828 года Сербинович вновь встретил у Карамзиных Пушкина:

«Зашел Пушкин — в сертуке, был весел — прыгал — и твердил свои стихи: приезжай ко мне зимой пострелять из пистолета; там же: все мертвецки пьяны и смертельно влюблены. Я иду к Смиридину».

С ноября 1829 года в дневнике начинаются записи о замысле Сомова и Дельвига издавать будущую «Литературную газету». 18 ноября Сербинович записал:

«Еду к Сомову он сообщает мне мысль свою и Дельвига об издавании журнала, в коем участвовали бы Пушкин, Баратынский, Языков etc».

Записи 2—3 декабря отражают роль Сербиновича как цензора Пушкина. Интересно отметить, что он считал нужным согласовывать цензуру пушкинских статей с Д. Н. Блудовым:

«2 декабря. Отправился к Д. Н. Блудову: показал ему статью Пушкина о распре между двумя журналистами и рассказал о прожекте Дельвига издавать журнал. Был у Б. Дельвига, который показывал мне свой прожект». «3 декабря. Еду в Цензурный комитет: в заседании представлено Гаевским о записках Нащокина... — а мною о статье Пушкина Отрывок из летописей литературных...»

В течение декабря Сербинович провел через Цензурный комитет программу будущей «Литературной газеты».

К декабрю 1829 года относится еще одна встреча Сербиновича с Пушкиным:

«9 декабря. Воскресенье. Я зашел домой за Машенькою и вместе с нею пошел к Карамзиной... У ней мы застали фрейлину Розетти — за обедом были Жуковский, Пушкин, Н. В. Карамзин — говорено между прочим о толковании А. С. Шишковым некоторых слов греческих о эпиграмме на гр. Хвостова, о трудности переводить буквально с одного языка на другой etc».

К началу 1830 года относятся записи еще о четырех встречах Сербиновича с Пушкиным:

«9 января Был у Е. А. Карамзиной... Там Пушкин говорил отрывки из послания к Ценсору».

«14 января. Был у В. А. Жуковского: показал ему его стихи, кои хотел было напечатать у себя Воейков. Туда же пришли Пушкин и Киреевский. Пушкин бранил Полевого и Выжигина».

«16 января... В 8 часу поехал к В. А. Жуковскому... хвалит Милославского... пришел Киреевский, потом Кошелев... Жуковский опровергает мысль Полевого о том, будто бы государство не было до единодержавия и доказывает нелепость намерения писать в подробности о каждой провинции. Потом прибыли кн. Одоевский, Титов, Пушкин, В. А. и А. А. Перовские, Крылов, Плетнев».

Последняя запись о встрече с Пушкиным помечена 5 февраля 1830 года:

«...вспомнив, что меня требовали в Духовный Департамент, заезжаю туда... Ал. Ст. (Иванов), а потом и Вигель, занимают меня рассказами, о библиотеке Полоцкой — к Вигелю пришел и Пушкин: бранит цензора».

Вряд ли случайно, что в присутствии Сербиновича в январе Пушкин читал отрывки из своего «Послания цензору», а в феврале просто ругал цензора. Как раз в это время пушкинские статьи проходили через руки Сербиновича, бывшего цензором «Литературной газеты». Выше мы назвали «Отрывок из летописей литературных»; в январе 1830 года Сербинович, очевидно, переживал большие затруднения с отрывком из «Путешествия в Арзрум». 17 января Сербинович записал:

«Читаю ценсурные бумаги: Путешествие в Арзрум, статьи для Славянина Литературной газеты». 18 января: «С трудом собираюсь к Д. Н. Блудову: спрашиваю совета о некоторых местах Путешествия Пушкина в Арзрум».

Дневники Сербиновича дают двенадцать новых дат для летописи жизни Пушкина и хотя лаконично, но очень точно сообщают ряд конкретных сведений о нем. Однако значение дневников Сербиновича для изучающих жизнь Пушкина не исчерпывается приведенными данными. Ближайшее знакомство с личностью автора дневников, поддерживавшего связи с агентами III отделения, вызывает вопрос о том, не играл ли он какой-то двойственной роли по отношению к Пушкину. Известно, какие темные тучи собирались неоднократно над головой Пушкина во вторую половину 1820-х годов и какую энергичную деятельность по отношению к нему развивало в это время III отделение. Не был ли Сербинович, вращавшийся в среде людей, близких Пушкину, осведомителем о нем в своих постоянных сношениях с Булгариным, Блудовым, Адлербергом?

[1] что он не очень умен.
[2] грех подражания.

Песнь Татьяны

Куляш БАЙСЕИТОВА,
народная артистка Союза ССР

Чужим и неизвестным было для казахского народа творчество Пушкина, но знал о нем Абай — один из просвещеннейших людей казахского народа конца XIX века, акын, поэт и композитор. Он любил русскую литературу и много сделал для того, чтобы ознакомить свой народ с бессмертными строками великих русских классиков. Очень любил он письмо Татьяны из поэмы Пушкина «Евгений Онегин» и в 1887 году перевел его на казахский язык, сочинив к нему музыку.

Это не был дословный перевод. Абай стремился сделать близкими, понятными казахскому народу, не имевшему тогда своей литературы, замечательные стихи Пушкина. Русская девушка Татьяна зажила думами, чувствами казахских девушек...

Куляш Байсеитова в роли Татьяны.

И казахские девушки запели эту песню, запели ее акыны, певцы, затем — народ.

С тех пор прошло много лет. Русский акын Пушкин стал любимым поэтом нашего народа. Оперы, написанные на его произведения, ставятся в наших театрах, творчество его изучают наши дети в школе, и попрежнему поется в народе и с концертной эстрады ставшая народной «Песнь Татьяны».

Я впервые исполняла ее много лет назад в сопровождении национального оркестра.

В 1946 году Казахский академический театр оперы и балета имени Абая поставил оперу Чайковского «Евгений Онегин».

Я с большим волнением и трепетом приступила к воплощению любимого образа Татьяны и старалась создать его таким, каким он живет в нашем народе. Для нас Татьяна — смелый, честный, волевой, правдивый человек своего времени, руководствующийся вопреки старым устоям своими внутренними побуждениями.

Вторая картина оперы — «Письмо Татьяны» — стала центральной в спектакле.

Опера «Евгений Онегин» была для нас экзаменом на зрелость. Выдержав его, мы приступили к работе над другими классическими оперными произведениями.

Сейчас я с большим увлечением готовлю цикл романсов русских композиторов на слова Пушкина.

Композитор Р. Глиэр, балетмейстер Р. Захаров (справа) и драматург П. Аболимов за прослушиванием партитуры балета «Медный всадник».

Певучее слово

Подлинный музыкант не может не чувствовать с той же силой музыку поэзии Пушкина, с какой он чувствует поэзию музыки. И не случайно именно Пушкин дал могучий толчок созданию и развитию русской национальной, народной музыки.

Каждого композитора привлекает необыкновенная, исключительная музыкальность пушкинского стиха, как бы просящегося на музыку.

«Я помню чудное мгновенье...» — ведь в этих строках гармония стиха более чудесна, чем гармония чистых звуков, гармония музыкальной речи, и сила воздействия самого стихотворения Пушкина исключительна.

Не могу не вспомнить, с каким увлечением я работал в 1925 году над «Египетскими ночами» Пушкина.

В. И. Немирович-Данченко решил осуществить в своем Музыкальном театре пушкинский спектакль. Он ставил «Алеко» Рахманинова, «Бахчисарайский фонтан» Аренского, а мне предложил написать музыку на текст «Египетских ночей». Работал я с необычайным подъемом. И содержание стиха и форма его — все это невольно вызывало чисто музыкальные образы.

Большой радостью для меня было предложение написать музыку на сюжет «Медного всадника». Здесь, как и в других произведениях великого поэта, музыка как бы сама собой подсказывается. Легко найти музыкальные характеристики к образам, которые созданы Пушкиным.

Автор сценария балета «Медный всадник» П. Аболимов удачно дополнил сюжетную канву поэмы, развив образы Евгения и Параши, создав новые картины. При всем этом ему удалось сберечь идею поэта, сделав «настоящим героем» сам Петербург, и избежать каких-либо вольностей.

К огромному сожалению, я в своем творчестве недостаточно часто обращался к Пушкину и недостаточно использовал необычайно благодарное для каждого композитора певучее слово гениального русского поэта. Но когда я писал романсы «Если жизнь тебя обманет» или «Кто, волны, вас остановил», отдельные хоры и ансамбли на слова Пушкина, «Египетские ночи» или «Медного всадника», то всегда испытывал такое чувство, будто стою у кристально чистого источника и черпаю силу изобразительной простоты, ясности, солнечности.

Р. ГЛИЭР,
народный артист СССР

Мои роли в пушкинских балетах

Советский балетный театр создал «Пушкиниану» — цикл балетов на темы произведений поэта. Мне довелось участвовать в двух таких спектаклях, а сейчас я работаю над новой ролью в балете «Медный всадник».

В разное время жизни мы по-разному воспринимаем Пушкина. Сначала пленяют его сказки, повести, потом становится понятной высокая печаль «Элегии», изумляет совершенство «маленьких трагедий», но всегда и неизменно его поэтический голос находит взволнованный и радостный отклик в наших сердцах.

А тому, кто встречался с Пушкиным на своем творческом пути, работал над сценическим воплощением его образов, знакомо и другое чувство. Это чувство робости, почти страха, с которым подходишь к заветному кладу его поэзии.

В «Кавказском пленнике» Асафьева я танцовала Полину. Авторы балета пушкинской поры придали образу танцовщицы Полины некоторые черты сходства со знаменитой, воспетой Пушкиным, русской балериной Авдотьей Ильиничной Истоминой.

Эта работа впервые ввела меня в прекрасный мир пушкинских образов, таких мне дорогих, что когда, по роли, я должна была причинять страдания Владимиру («Пленник»), то мне было трудно это делать — ведь его любил Пушкин, придававший характеру Владимира отвагу, гордость и честность.

Когда еще девочкой, ученицей балетной школы, я перечитывала «Барышню-крестьянку», мне хотелось выразить в танце проделки и шалости Лизы — так сценичен и пластичен образ героини этой повести. Впоследствии мне привелось танцовать в балете «Барышня-крестьянка» партию Лизы, и я стремилась передать своеобразие, очарование этой умной русской девушки. Я хотела показать, что не пустые причуды подсказывают Лизе мысль прикинуться дворовой девушкой и испытывать своего возлюбленного, а желание узнать его душу, поверить в ее чистоту и правдивость.

В балете «Медный всадник» мне поручена роль Параши — скромной, простенькой девушки, возлюбленной Евгения.

Я полюбила мою новую героиню, и если удастся показать ее нашим взыскательным зрителям такой, какой она мне представляется, то это будет для меня огромной радостью и скромной творческой данью драгоценной памяти русского гения.

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка РСФСР

Сцена из балета «Барышня-крестьянка» в филиале ГАБТ. Лиза — О. Лепешинская, Алексей — В. Преображенский.

«Глаголом жги сердца людей»

Всю великую силу и беспредельную красоту пушкинского слова я понял и полюбил уже в зрелом возрасте, и с тех пор вся моя творческая жизнь связана с ним. Мастерству художественного слова я учился на произведениях Пушкина. Много лет назад для первого самостоятельного выступления с эстрады мною были выбраны «Египетские ночи». Мое любимое произведение — «Медный всадник» — я исполняю больше двадцати лет.

Как в живительном роднике, черпаешь в Пушкине радостное жизнеощущение. Он рождает фантазию, дает свет и красоту. Благодаря ему познаешь неисчерпаемое богатство русского языка. Пушкин научил меня понимать образную и поэтичную прозу Тургенева, полнокровный, сочный язык Толстого, Чехова. Он помогает мне раскрывать страстную, пламенную поэзию Маяковского.

Величие пушкинского патриотизма я постиг в годы войны, в дни тяжелого испытания, когда Ленинград был в блокаде и советский народ мужественно и решительно боролся с врагом. С каким потрясающим волнением и подъемом воспринимали слушатели величественные строки из «Медного всадника», которыми начиналась композиция об осажденном Ленинграде:

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия».

Изваянный гениальным резцом Пушкина образ города органично сливался с героической лирикой советских поэтов:

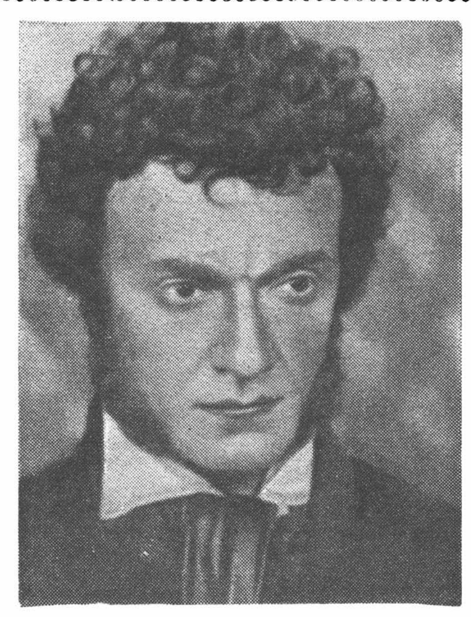
«Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина».
(Н. Тихонов «Киров с нами»)

Когда говорят: Пушкин ясен, прост и легок,—мы, чтецы, не можем с этим согласиться. Нет ничего трудней и сложней, чем раскрыть перед слушателями всю глубину, психологическую силу пушкинской сжатой, скупой фразы, отточенного слова, сделать весомыми, зрительно ощутимыми образы, внутреннюю гармонию его стиха.

Годами готовил я «Пиковую даму» и уже восемь лет читаю ее с эстрады. И каждый раз неизменно нахожу все новые и новые, более точные звучания для отдельных сцен.

В 1937 году, к столетию со дня смерти поэта, на экран была выпущена картина «Путешествие в Арзрум», где мне была поручена роль Пушкина. С каким трепетом работал я над воплощением любимого образа, но сам я хорошо понимаю, как мало успел тогда сказать. И мне кажется, что если б мне довелось вернуться к этой роли, я сумел бы сыграть ее лучше.

Дмитрий ЖУРАВЛЕВ,
лауреат Сталинской премии

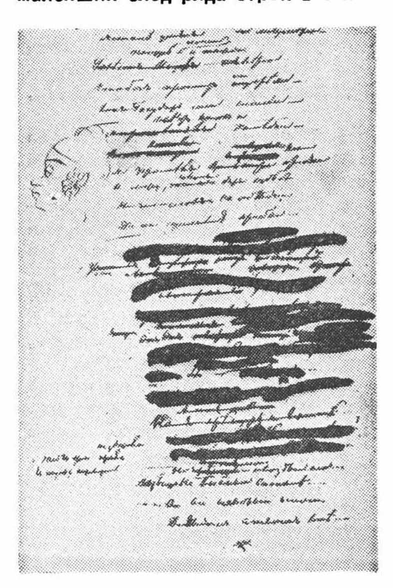
Д. Журавлев в роли А. С. Пушкина в кинокартине «Путешествие в Арзрум».

КАК БЫЛИ РАСКРЫТЫ ДВА АВТОГРАФА ПУШКИНА

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ

1. ПОСЛАНИЕ В. Л. ДАВЫДОВУ

Подготовляя тексты Пушкина к академическому изданию, мы натолкнулись однажды на исключительное препятствие. Автограф послания к декабристу В. Л. Давыдову был в нескольких местах замазан густым слоем черных чернил. Казалось, кто-то старался уничтожить малейший след ряда строк в стихо-

творении, известном своей революционной и антирелигиозной направленностью. Судя по тому, что эти строки были предварительно перечеркнуты синим карандашом — неизменным спутником всех работ редактора «Русского Архива» П. И. Бартенева,— можно думать, что это он обращал чье-то внимание на нецензурность стихов.

Самым вероятным объяснением варварской расправы с пушкинской рукописью представляется следующее. Когда в 1880 году сын поэта А. А. Пушкин решил передать в Государственный Румянцевский публичный музей все рукописи отца, Бартенев указал, должно быть, на строки послания, высмеивающие религиозные обряды. И сын поэта, для спасения репутации Пушкина, решился замазать стихи.

Послание было написано Пушкиным из Кишинева. Поэт обращался со стихами к своему приятелю-декабристу, с которым только что провел четыре месяца в усадьбе Давыдовых в Каменке и в Киеве. В Каменке происходил в то время съезд декабристов, и там разговоры шли на острые темы дня — революционные восстания в Испании и в Неаполе. Вернувшись в Кишинев, Пушкин узнал о начавшемся восстании греков против их поработителей — турок. Восстание было поднято Ипсиланти, которого Пушкин знал по Кишиневу. Такие события не могли не радовать и не волновать Пушкина. Приближалась пасха, и Пушкину пришлось вслед за своим начальником Инзовым говеть и причащаться. Столь различные настроения и отразились в послании, из которого приводим отрывок:

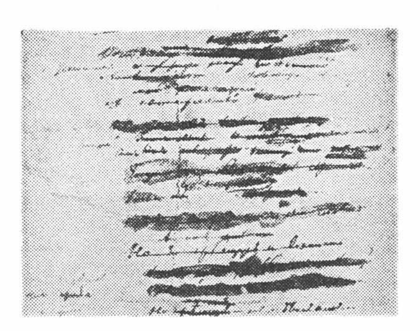
. . . .

«Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.
На этих днях среди собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай [1]...
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы».

[1] Эти два стиха были тоже замазаны, но так как они были написаны сразу без помарок, то копия с них была сделана правильно, что проверялось незамазанными концами букв.

Дальше в автографе идут замазанные строки. Они известны были нам по копии среднего качества, снятой до замазывания строк. Текст копии исправлялся и дополнялся словами, вычитываемыми в незамазанных частях автографа. Вот тот, очень несовершенный текст интересующего нас отрывка, который печатался до последнего времени в собраниях сочинений Пушкина:

«Однако ж гордый мой рассудок
Меня порядочно бранит,
А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит...

Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит
Иль кло д'вужо [2], тогда б ни слова,
А то — подумать, так смешно —
С водой молдавское вино.
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...»

Величайшей иронией и убийственно-спокойным атеизмом исполнены эти стихи молодого Пушкина.

Но чувствуется, что не всё в этом тексте благополучно: не пушкинский оборот «Меня порядочно бранит»; непонятно, откуда вдруг возникает сатана.

Необходимо было раскрыть замазанные строки и посмотреть то, что неточно читалось редакторами прошлого столетия.

[2] Лафит и кло д'вужо — марки хорошего красного вина.

И вот по совету профессора уголовного права А. А. Пионтковского было решено попытаться «взять» пушкинские строки так, как берутся строки документа, умышленно залитого чернилами. Мы обратились во Всесоюзный институт юридических наук, где встретили самую товарищескую поддержку со стороны ученого секретаря института, ныне покойного, Р. П. Орлова и ученого фотографа института, тоже покойного, К. Е. Корси.

С волнением разглядывал Кир Евгеньевич пушкинский автограф. За долгие годы его работы ему не приходилось видеть в своей фотолаборатории такого документа. Но он огорчил нас, заявив: «Пробовать буду, но не ждите успеха...» Пушкин писал светлокоричневыми орешковыми чернилами, а замазаны строки черными, как смола, густыми чернилами.

После многих неудач Кир Евгеньевич наконец протянул мне еще мокрую пленку... Глядя на свет, я увидела чудо: пушкинские строки, погребенные под черными полосами, теперь просвечивали сквозь легкую вуаль. «Вышло! Вышло!» — ликовали мы.

С трепетом читала я сбежавшимся сотрудникам института раскрытые строки Пушкина:

«Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец,— говорит [3],—
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло д'вужо, тогда б ни слова.
А то — подумай, как смешно!»

Новая, не прочтенная до сих пор строка «Помилуй, братец, говорит» по-иному осветила весь отрывок. Пренебрежительные слова о кишиневском причастии оказывались репликой желудка, который наряду с рассудком «со своих позиций» дружески укорял Пушкина за принятие причастия. Теперь понятны и дальнейшие слова:

«Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...»

До сих пор они висели в воздухе, так как примыкали к высказываниям будто бы самого Пушкина. Оказывается, что «лицемерно» говеющий Пушкин причастия не бранил: это делали сатана и ненабожный желудок.

2. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РУСАЛКЕ»

Пушкин часто делал свои записи на первом попавшемся листе бумаги, не жалея ни автографа стихов, ни рисунка.

[3] Стих «Причастья вовсе не варит» был поэтом написан, но зачеркнут и заменен этим.

Так случилось и с большой композицией, сделанной карандашом, обнаруженной при разборе черновых вариантов стихотворения «На Испанию родную»: бледный карандашный рисунок, кое-где подправленный чернилами, был покрыт тремя густыми колонками стихов, написанных черными чернилами.

На рисунке изображены девушка в сарафане и старик в длинной рубахе и шапке; слева — водяная мельница, справа — скачущий всадник; рисунок ограничен овалом, так что часть пейзажа остается вне его. Верхнюю часть композиции заполняет летящая птица.

Исключительного интереса, редкий для Пушкина, этот сложный рисунок требовал какого-то особого метода фотографирования: надо было «затушить» стихотворные строки.

К. Е. Корси объяснил мне, что это задача почти безнадежная. Но он сделал все же опытную съемку рисунка через цветофильтры.

Мы публикуем здесь простой фотоснимок автографа Пушкина с рисунком и первый опытный снимок сквозь цветофильтр, исполненный К. Е. Корси.

Перед нами иллюстрация Пушкина к его драме «Русалка». Она изображает самый напряженный момент трагедии: дочь мельника, оставленная князем, сетуя и отчаиваясь, восклицает:

«Ох, душно!
Холодная змея мне шею давит...
Змеей, змеей (опутал) он меня,
Не жемчугом».

Она рвет с себя жемчуг с возгласами:

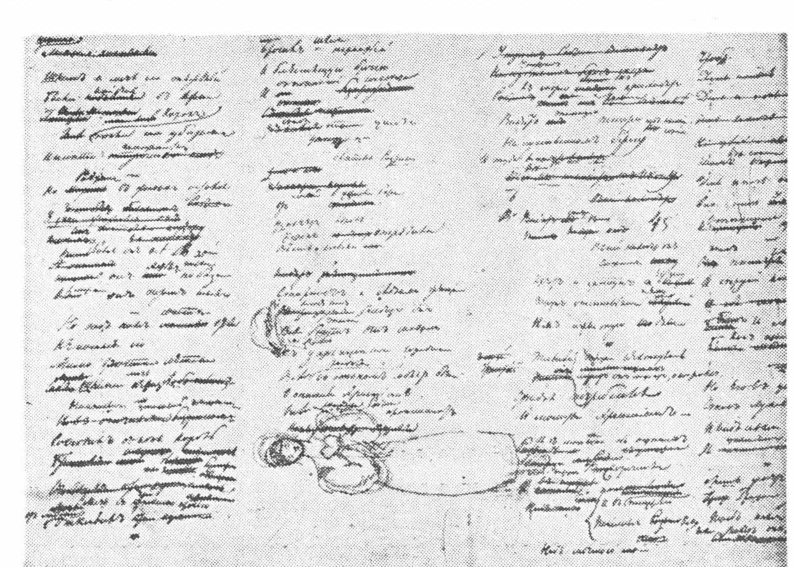
«Так бы я
Разорвала тебя, змею злодейку,
Проклятую разлучницу мою!»

Мельник пытается успокоить дочь. Сцена заканчивается тем, что девушка бросается в реку.

Замечательно выразительно передал Пушкин образы всех трех героев драмы: старого мельника с ключом на поясе, еще не понимающего нависшей над ним беды; доведенную до отчаяния девушку в жалостной позе, с силой разрывающую нитку жемчуга; и даже скачущего на коне князя, проговорившего, уходя, что он «бури ждал», но что «дело обошлось довольно тихо».

Иллюстрация самого поэта к «Русалке» показывает, как жива была потребность великого художника слова в воплощении образов драмы и в изобразительном искусстве.

Набросок Пушкина может и современного иллюстратора направить по верному пути. Он может помочь и режиссеру при постановке «Русалки».

А. Пластов. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ПОЛТАВЕ».

А. Пластов. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РУСЛАНУ И ЛЮДМИЛЕ».

Стрелки часов приближаются к восьми. Остались считанные минуты до начала спектакля. Еще гудит приглушенными голосами многоярусный улей Большого театра, но уже наполняется музыкантами просторная ложбина оркестра, и вот-вот польются то сладостные, то величественные звуки музыки, ради которой собрались сотни людей.

Гаснет хрусталь огромного цветка люстры. Тишина сменяет шопоты и шорохи. Взмах палочки дирижера — и в зал незримой тенью входит волшебник Глинка, а рядом с ним такой же незримой тенью входит другой волшебник — Пушкин, еще совсем юный, только что сменивший мирную сень садов лицея на тряскую телегу жизни. И не мудрено, что он так молод, ибо сегодня дают оперу «Руслан и Людмила», сочиненную Глинкой на самую раннюю поэму Пушкина — «Руслан и Людмила». А из оркестра льются и льются торжественные звуки увертюры, и, кажется, вся древняя Киевская Русь звенит и переливается во вдохновенной музыке отца русской оперы.

На сцене Черномор похищает Людмилу, отправляется на поиски княжны могучий Руслан, трусливый Фарлаф и томный Ратмир, встречают витязи на своем пути и поле, усеянное мертвыми костями, и вещего Финна, и дряхлую старуху Наину. А в конце освободитель Людмилы, Руслан, вернется в стольный град Киев, и еще шире и торжественнее закипит веселый свадебный пир.

* * *

В теплую, весеннюю московскую ночь выйдут на площадь напоенные гениальной музыкой зрители, покинет театральный зал и Пушкин. Но в Большом театре он не случайный гость, а такой же хозяин, как все те русские композиторы, которые переложили на музыку пушкинские творения. И потому много и много вечеров будет возвращаться поэт в стены великолепного здания.

Он будет и в те вечера, когда Чайковский в лирических сценах перелистает страницы «Евгения Онегина» или расскажет трагическую судьбу офицера инженерных войск Германа. Пушкин увидит, как народ у стен Ново-Девичьего монастыря ожидает избрания Бориса в музыкальной трагедии Мусоргского, и он будет смеяться, когда проворный шмель ужалит бабу-Бабариху в «Сказке о царе Салтане» Римского-Корсакова. Его мы увидим и тогда, когда сменит певцов русская «Терпсихора» и в балетных вариациях по-новому предстанут поэмы о «Бахчисарайском фонтане» и «Медном всаднике».

Может быть, заглянет Пушкин и по соседству в обширный филиал Большого театра. И тут он не гость, а хозяин. Здесь ему покажет Даргомыжский трагическую судьбу дочери мельника Наташи, ставшей русалкой, и в сладкозвучной арии «О дай мне забвенья, родная» изольет свое горе Дубровский Направника. Здесь мрачный Мазепа будет готовить свои злодейские замыслы в тишине украинской ночи. В грациозную хореографическую новеллу обратится одна из повестей Белкина, «Барышня-крестьянка».

А ведь все это еще лишь часть того, что нашли у Пушкина и классики русской оперы и наши современники. У Даргомыжского есть еще шедевр маленькой оперы «Каменный гость», у Римского-Корсакова — «Золотой петушок» и «Моцарт и Сальери», у Кюи — «Кавказский пленник», «Капитанская дочка» и «Пир во время чумы». Рахманинов, кончая консерваторию, написал «Алеко», а потом «Скупого рыцаря», а в наши дни к Пушкину, как к источнику балетных программ, обратятся Асафьев и Глиэр, Василенко и Чулаки, а в опере Крюкова найдет свою вторую жизнь «Станционный смотритель».

И если даже не переступать границ русской классической оперы, если ограничиться периодом «Руслан» — «Золотой петушок», то есть 1842—1907 годами, то все равно удивляешься разнообразию музыкальных интерпретаций пушкинских сюжетов. Почти нет ни одного замечательного русского композитора, который не черпал бы кристально чистой воды из студеных струй пушкинского родника.

И самое главное — это то, что каждый из музыкальных творцов находил у Пушкина для себя то близкое и родное, что свойственно его собственным духовным стремлениям: Глинка — глубокое жизнелюбие славянского эпоса, лучезарный оптимизм и многоцветную народность; Мусоргский — грандиозную тему народа, о котором он говорил, когда писал оперу «Борис Годунов»: «Я разумею народ, как великую личность, одушевленную единою идеей. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере». Чайковский нашел у Пушкина тончайшие душевные переживания: страстность Германа, влюбленность Ленского и чудесный образ русской девушки Татьяны; сказочник Римский-Корсаков остро понял лукавую издевку «Золотого петушка», а его душе моряка были дороги и морские волны и остров чудес царевича Гвидона.

* * *

Немало творческой радости Пушкин дал русским певцам. Среди них замечательнейшими интерпретаторами пушкинских образов остаются в первую очередь Шаляпин, Собинов, Нежданова. И до сих пор мы с величайшим волнением слушаем по радио «Прощанье с сыном Бориса», «Куда, куда вы удалились...» Ленского, серебряное ариозо Лебеди в их исполнении. Историки оперной сцены рассказывают нам с восторгом и о лучшем Онегине прежних дней — Хохлове — и о лучшем Германе — Давыдове.

Из ранних советских лет навсегда запомнятся «Уж вечер, облаков померкнули края» Держинской и Обуховой, лебединые трели Степановой и Катульской, «Я пью волшебный яд» Мигая. В парчу Бориса облекутся Пирогов и Рейзен, продолжат лучшие собиновские традиции новые Ленские — Козловский и Лемешев. С пушкинскими образами свяжут свою артистическую жизнь Преображенская, Михайлов, Максакова, Давыдова, Шпиллер, Норцов, Нэлепп, Ханаев и другие искусные вокалисты наших дней.

А ныне, в эпоху торжества сталинской дружбы народов, пушкинские оперы стали достоянием крупнейших национальных музыкальных театров страны. И теперь Татьяна пишет свое письмо Онегину не только по-русски, но и по-грузински, по-узбекски, по-украински, по-белорусски и еще на многих языках.

«Кавказский пленник» в филиале Государственного академического Большого театра Союза ССР. Танцовщица Полина — М. Семенова.

Сын гармонии

Н. ВОЛКОВ

«Бахчисарайский фонтан» в Государственном академическом Большом театре Союза ССР. Мария — Г. Уланова, Гирей — П. Гусев.

Через «струнную изгородь» оперных партитур в сад пушкинских образов проникли многие русские оперные режиссеры и театральные художники, и среди них первым из первых — гигантская фигура Станиславского. Станиславский и Пушкин — это и драма и опера. Уже в ранней молодости Станиславский играет Скупого рыцаря и Дона-Гуана, а в 1916 году — Сальери.

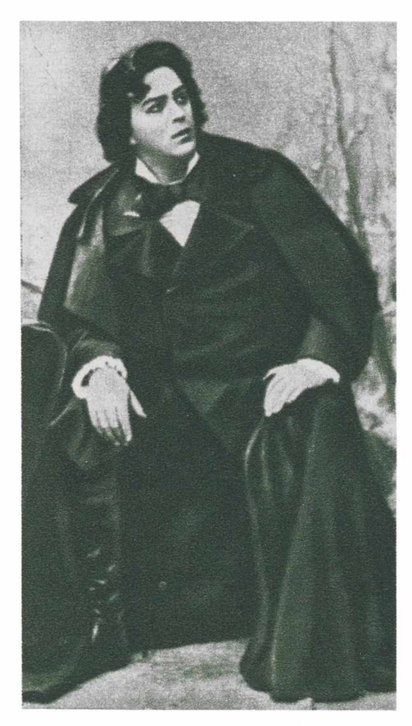

П. А. Хохлов — Онегин.

Сохранилось интереснейшее воспоминание, что в ту пору, когда Станиславский готовил роль Сальери, другой Сальери — оперный — Шаляпин, который был не только гениальным певцом, но и замечательным чтецом, — читал Станиславскому, по его просьбе, монолог Сальери. И сейчас, когда представляешь себе это содружество двух великих мастеров, невольно думаешь: какая же это превосходная тема для художников — нарисовать Станиславского, слушающего чтение Шаляпина!

После Великого Октября, когда Станиславский вплотную подошел к реформе оперного театра, «Евгений Онегин» Пушкина — Чайковского имел для него решающее значение. Станиславский тогда говорил, что Пушкина на сцене можно лучше всего понять через музыку. В этих словах, быть может, есть известное преувеличение, но когда вспоминаешь, как Станиславский впервые в старинном особняке, в зале с белыми ампирными колоннами, поставил «Онегина», то не можешь не согласиться, что сочетание музыки Чайковского, поэзии Пушкина и сценического реализма Станиславского по-новому раскрыло реалистическую правду пушкинского романа, музыку его знаменитых онегинских строф.

Пушкин дал возможность и театральным художникам, работавшим над оформлением опер, создать необычайно стильные и красочные декорации. До сих пор любуешься старыми эскизами А. Головина к «Борису Годунову» и К. Коровина к «Сказке о царе Салтане». А сколько свежего и интересного дали в разнообразных постановках «Онегина» Дмитриев, Вильямс, Рабинович! Классической зимней канавкой останется набережная у Зимнего дворца в глухую снежную ночь, сделанная Дмитриевым в «Пиковой даме»; блеском и светом наполнена у Федоровского Кремлевская площадь в сцене коронации Бориса Годунова.

Л. В. Собинов — Ленский.

Ф. И. Шаляпин — Борис Годунов.

Мы знаем, что Пушкин стал достоянием и клубных оперных кружков; и кто знает, сколько еще новых Онегиных, Ленских, Годуновых даст профессиональному театру свежая поросль вокалистов из самодеятельности — тех, кто с увлечением исполняет сейчас и сцену в корчме и фрагменты из «Онегина» и «Русалки».

Солнце русской поэзии, Пушкин является, по счастливому выражению академика Б. В. Асафьева, и «солнцем русской музыки». И под живительными лучами этого солнца распускаются и благоухают цветы русской оперы, балета, русского романса. Пушкинское слово, положенное на музыку, звучит во всех уголках нашей необъятной Родины, и уже давно многие строки Пушкина вошли в обиход народных песен.

Сын гармонии, Пушкин никогда не покинет просторов родной музыки, и никогда не будут расставаться с томиками Пушкина те творцы мелодий, которые отдают народу жар души, огонь вдохновенья, пламя сердца. Пушкин с нами!

Сцена из оперы Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Моцарт — Шкафер, Сальери — Шаляпин. Опера Мамонтова, 1898 год.

А. В. Нежданова — Людмила.

НА ТЕМЫ ПОЭТА

На снимках вверху:

Д. Буторин (Палех) — «Пушкин и няня».

Г. Буреев (Палех) — «Сказка о царе Салтане».

М. Першина (Палех) — «Руслан и Людмила».

В. Пузанов (Хо́луй) — «Песнь о вещем Олеге».

Внизу: Д. Буторин (Палех) — «У лукоморья дуб зеленый».

«Можно ли было думать, что через иконопись, консервативнейшее ремесло наиболее консервативной области искусства — живописи, мастера Палеха и Мстеры придут к их современному отличному мастерству, которое вызывает восхищение даже в людях, избалованных услужливостью живописцев».

Эти слова Алексея Максимовича Горького невольно вспоминаешь, когда просматриваешь работы на пушкинские темы мастеров лаковой миниатюры Палеха, Мстеры и Хо́луя.

Торжественной песнью звучит работа Д. Буторина — представителя старшего поколения палешан — «Пушкин и няня». Прекрасен облик поэта, а няня, смотрящая на него с чисто материнской лаской, как бы символизирует народ, вдохновляющий своего поэта. Богатство мизансцен, разыгрывающихся за пределами пушкинского дома, тонкая красочная гамма, умелое декорирование прихотливым орнаментом умножают достоинства буторинского произведения. Буторину принадлежит и другая миниатюра — «У лукоморья дуб зеленый», из «Руслана и Людмилы».

Этой же поэме посвящена лирически трогательная работа М. Першиной (Палех), создавшей нежный и привлекательный образ Людмилы.

Палехский художник Г. Буреев известен как мастер с яркой, установившейся индивидуальностью. Его работы занимают достойное место на художественных выставках. На фоне декоративного пейзажа в «Сказке о царе Салтане» Буреев дает четкие, реалистические образы Гвидона и царевны, напоминающие образы Виктора Васнецова.

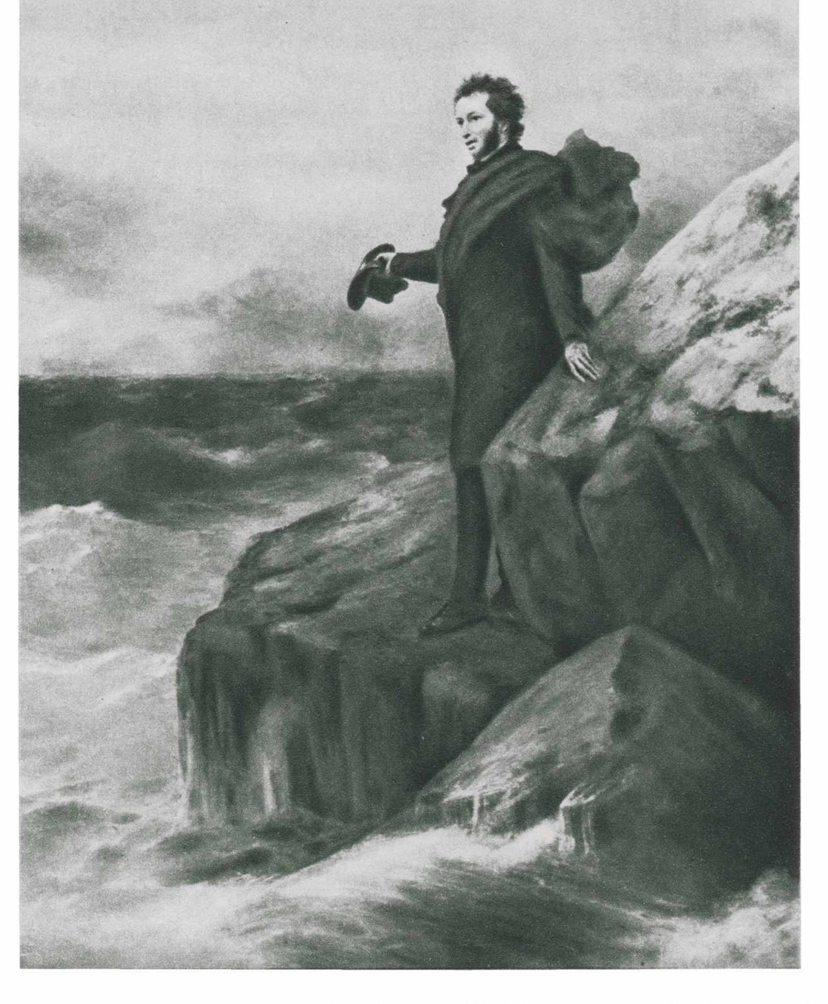
Совсем в ином плане решает тему той же сказки М. Петрова (Мстера). Поражает ее филигранная техника, дающая возможность выполнять сложные, многофигурные композиции. Это «миниатюры в миниатюре».

Нарядна работа одного из старейших художников в Хо́луе, В. Пузанова, «Песнь о вещем Олеге», торжественен «Борис Годунов» палешанина М. Сперанского.

Список замечательных произведений мастеров русской миниатюры на пушкинские темы насчитывает десятки наименований. Пушкин — любимейший поэт как в Палехе, так и в Мстере и в Холуе.

Художники— ПОЭТУ

В. ЯКОВЛЕВ,
действительный член Академии художеств СССР

«Прощай, свободная стихия!..» Картина И. Айвазовского и И. Репина.

Трагическая жизнь, яркая, своеобразная личность, гениальное творчество—все в облике Пушкина привлекало к себе внимание художников.

Один из великолепнейших представителей мировой поэзии, наша национальная гордость, он до своего рокового конца оставался глубоко русским, как никто до него и мало кто после сумевшим создать яркие образы, глубоко и многосторонне вскрывающие сущность духа народа, его характернейшие черты, его патриотизм, быт всех классов русского общества, воплощенный в могучие, прекрасные, незабываемые картины.

Великий реалист и знаток душ человеческих, Пушкин лепил свои создания с невероятною пластической силой.

Все в его творчестве необычайно выразительно, ясно и верно. Создает ли он исторически правдивый образ Пугачева, дает ли картины наводнения в Петербурге, рисует ли пленительный лик дочери мельника или Татьяны, вечно женственной и трогательной, раскрывает ли перед читателем волшебные картины русской зимы, весенних вод, золотой осени, роскошного юга — везде Пушкин остается гениальным, непревзойденным реалистом-художником.

Понятна и закономерна тяга мастеров кисти и резца воплотить в живописи и скульптуре пушкинское наследие.

Сохранилось немало портретов, рисунков, акварелей, литографий и скульптур, сделанных еще при жизни Пушкина, где характерный, неповторяемо-обаятельный образ поэта предстает во всем его своеобразии.

Вот прелестная голова курчавого мальчика, в которой уже зародились благоуханные строки:

«...Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари...» —

широкоскулое, милое лицо с немного выдавшимися вперед, по-детски припухлыми губами, с умным и как-то стремительно направленным взором. Таким изобразил его Е. Гейтман (1822 год).

Неуловимое обаяние вечно живого, темпераментного, увлекающегося мальчика, переходящего от безудержных забав и озорных выходок к лирическому раздумью и тихой элегической грусти, вся его брызжущая многоцветными оттенками личность, видимо, трудно поддавались карандашу и кисти художников.

К тому же, мало кто умел провидеть в юном лицеисте будущего великого человека, и, естественно, юношеская иконография Пушкина очень бедна.

Неусидчивый, он вряд ли был желанной моделью для художника. Да и мастеров около него больших не было, и, к сожалению, до нас не дошло такого портрета поэта, каким, например, обессмертил К. Брюллов юного А. К. Толстого.

В середине двадцатых годов появляются более достоверные изображения Пушкина; и мастера работают уже другие, и сам поэт возмужал, выросла и его слава.

Его рисуют Ж. Вивьен, В. Тропинин, О. Кипренский.

Последние два портрета, пожалуй, наиболее капитальные и достоверные во всей иконографии Пушкина. Сами по себе великолепные по живописным качествам, эти портреты дают значительно более яркое представление о том сияющем обаянии, которое излучал Пушкин, чем все другие, сделанные при жизни поэта. Сравнивая их хотя бы с портретом работы П. Соколова, невольно отдаешь предпочтение первым.

☆ ☆

Г. Чернецов в своей известной картине «Пушкин, Крылов, Жуковский и Гнедич в Летнем саду», наоборот, излишне принизил значение Пушкина, придав ему равнодушно-безликий вид, низведя его на степень лишь исторического персонажа, ничем не отличающегося от своих спутников и современников.

Известны также дружеские зарисовки Гоголя, великолепные рисунки А. Брюллова и трагические в своей безысходной правде изображения Пушкина в гробу, сделанные А. Мокрицким, В. Жуковским и Ф. Бруни.

☆ ☆ ☆

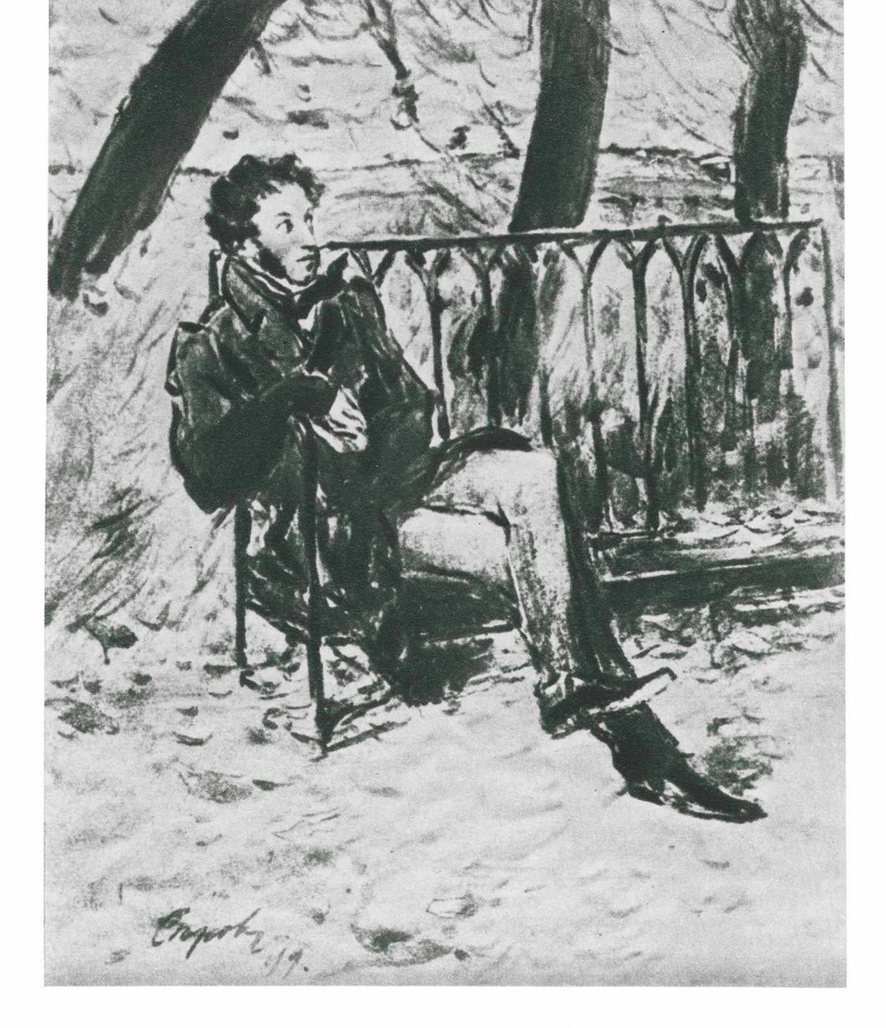
Но не только портрет в узком смысле интересует и нас и изображавших Пушкина художников. Слишком дорог русскому человеку его облик, слишком сжился каждый из нас с детства с его печальной историей, и Пушкин всякому стал родным и близким. Его нянюшка, которой он щедро подарил бессмертие, знаменитая Арина Родионовна, присутствует в картине Н. Ге, где Пушкин в Михайловском беседует с Пущиным.

Этот же момент привлекает и советского живописца Н. Шестопалова, трактованный, конечно, по-своему, возникает он не раз и в творчестве других художников.

Гениальное вступление к «Руслану и Людмиле», являющееся как бы конденсированным, могучим аккордом, вобравшим в себя все колоритнейшие оттенки русского национального творчества,

Н. Ульянов. «А. С. Пушкин за столом».

В. Серов. «Пушкин в парке». 1899 год.

послужило ряду художников благодатным материалом.

Здесь, бесспорно, на первом месте стоит картина И. Крамского «У лукоморья дуб зеленый», прекрасно иллюстрирующая замысел поэта.

В. Серов дал, пожалуй, один из наиболее волнующих пушкинских портретов — «Пушкин в парке». И его иллюстрации, хотя бы к «Бесам», полны настоящего понимания той поэтической глубины и силы, которыми, как бриллиантовым блеском, насквозь пронизаны творения поэта.

И. Репин, И. Айвазовский, Г. Мясоедов, К. Брюллов — каждый по-своему, но с одинаковой любовью рисует нам либо самого поэта либо героев его произведений.

Пушкин оживает в этих творениях, приближается к нам из тьмы протекших лет, он, вечно живой, юный, пленительный, родной и близкий, всегда с нами —

«Пушкин в возрасте 12—14 лет». Гравюра Е. Гейтмана. 1822 год.

и в этом неувядаемая сила живописи, помноженная на любовь народную, одушевленная ею и ею возбуждающаяся.

«К нему не зарастет народная тропа» — и неизменно идут по ней к подножию памятника русские люди, неся кто венок, кто стих, кто картину, музыку. Пушкин — всенародная любовь и гордость, и насколько он дорог нам, настолько же ненавистны нам его враги. Вот картина А. Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом». Рухнул на руки друзей великий, затравленный светскою кликой поэт, а гнусная фигура убийцы— хлыщеватого искателя «счастья и чинов» — спокойно удаляется вдаль.

Так же холоден и равнодушен этот великосветский бандит в рисунке Петра Соколова: «Не мог щадить он нашей славы, не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку подымал!»

С теми же чувствами откровенной ненависти трактует этот драматический момент и молодой, рано умерший ленинградский художник А. Горбов. Не раз обращаются к сюжету гибели поэта советские художники С. Матросов, Н. Шестопалов и другие.

Перечислить в короткой статье все художественное наследие, рожденное к жизни творчеством Пушкина, не представляется возможным. Из капитальных вещей необходимо упомянуть о репинском холсте, изображающем юного Пушкина, читающего стихи перед толпой экзаминаторов, среди которых «старик Державин»; картину И. Айвазовского, как бы служащую иллюстрацией к словам поэта «Я помню море пред грозою...»; картину Г. Мясоедова «Пушкин и его друзья слушают декламацию Мицкевича в салоне З. Волконской».

Великолепно повествуют об эпохе и личности Пушкина работы Д. Кардовского, любовно возвращаются к пушкинским темам советские художники. В картине маслом, в гравюре на дереве, в акварелях, литографиях и рисунках стремятся художники передать свою любовь к поэту и созданным им бессмертным творениям.

Из работ предреволюционной эпохи хочется еще упомянуть иллюстрации М. Врубеля к «Моцарту и Сальери». К сожалению, Врубель здесь не поднялся до высоты тех насыщенных глубокою мыслью произведений, целиком выражающих основную идею автора, как это удалось ему сделать при создании иллюстраций к лермонтовскому «Демону».

Врубелевские Моцарт и Сальери спорны, их пластический образ не вполне убедительно раскрывает величие пушкинского замысла, но все же эти иллюстрации — значительный вклад в общую сокровищницу произведений, посвященных Пушкину.

В иллюстрациях к «Медному всаднику» А. Бенуа и подавно не удалось приблизиться к раскрытию смысла гениального творения великого поэта.

Классическая выпуклость метафор, гениальная обрисовка времени и места действия, не имеющая себе равных изобразительная сила слова, передающая как характер действующих лиц, так и величавость исторического пейзажа, на фоне которого развиваются события,— все это подменено у Бенуа хилым любопытством к внешней, бутафорской стороне дела, к мундирам, лаковым сапогам, развевающимся плюмажам да полосатым уличным фонарям.

Эстетствующий интеллигент не понял ясной великолепной, подобной античному барельефу четкости и бронзовой мощи пушкинского стиха.

Никогда еще с такой любовью не работали художники над пушкинской темой, как в советское время.

И молодежь и мастера более зрелого поколения — все отдали дань этой своей великой любви. А. Лактионов, Ю. Непринцев, Н. Павлов, Б. Щербаков, П. Соколов-Скаля, В. Бялыницкий-Бируля, Н. Ульянов, К. Рудаков, автор этих строк да и многие другие — каждый по-своему решает поставленную себе задачу.

Не только живописцы и графики посвятили свой труд увековечению памяти Пушкина. Многие скульпторы как и при его жизни, так и в дальнейшем часто работали над темой, которую обобщенно можно назвать «пушкинианой».

Начиная с трагической маски, снятой С. Гальбергом с мертвого поэта, ряд первоклассных мастеров создавал в разных материалах его характерный облик. И сам С. Гальберг, и И. Витали, и А. Теребенев, П. Трубецкой, А. Опекушин серьезно работали над созданием пушкинского памятника. Тот памятник, который в 1875 году изваян А. Опекушиным, навеки вошел в сознание русских людей.

Но творческая мысль, разбуженная таким великим событием, каким было явление в мир Пушкина, не успокаивалась.

В Детском Селе в 1899 году был сооружен прекрасный памятник Пушкину-лицеисту, работы скульптора Р. Баха.

В наше время над этой темой работали В. Домогацкий, Н. Данько и многие другие.

Сейчас над образом поэта вдохновенно трудится Н. Томский. Его Пушкин, данный в романтически приподнятом плане, сделан с присущим этому скульптору мастерством.

Отметим также работы С. Меркурова, М. Манизера, М. Лысенко и Л. Муравина.

В этом интересе к образу Пушкина сказывается подлинный рост политического самосознания, национальной гордости, культуры советского народа.

Показательна картина Н. Шестопалова «Комсомольцы у памятника Пушкину в Остафьеве». Вот оно, это племя «младое, незнакомое», увидеть расцвет и рост которого мечтал великий поэт. Простые русские люди, наша замечательная молодежь принесли ему свой скромный дар — букеты, венки из полевых цветов. И столько тепла, столько любви живет в народе к своему поэту, что невольно хочется ответить другому поэту-великану, также трагически погибшему,— Лермонтову:

Нет, не «замолкли звуки чудных песен», эти песни живут в признательной, благодарной памяти советского человека, а живопись и скульптура бережно хранят в веках пушкинский образ, в холсте, и в бронзе, и в мраморе закрепив дорогие черты.

Н. Томский. «Пушкин».

В театрах СССР

Русское оперное и балетное искусство своей мировой славой во многом обязано творчеству А. С. Пушкина. Словно неиссякаемый чудесный источник рождало оно к жизни все новые и новые жемчужины музыкального театра. Крупнейшие по своему значению русские классические оперы написаны на сюжеты Пушкина: «Руслан и Людмила», «Русалка» «Каменный гость», «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», оперы-сказки Римского-Корсакова, «Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама», «Алеко». В работе над постановкой этих опер росло и формировалось русское реалистическое оперное искусство, крепло и совершенствовалось несравненное мастерство русских певцов, художников, дирижеров, обогащалась палитра оркестровых и хоровых ансамблей.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла подлинный расцвет музыкального театра. Русские классические оперы, став всенародным достоянием, получили в советском театре новое, совершенное воплощение, о котором могли только мечтать их великие творцы.

В работе над созданием пушкинских балетов, начавшейся в нашем театре, первое слово принадлежит советским композиторам и прежде всего Б. Асафьеву: его «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» положили начало блестящему развитию советского балета. В одном ряду с ними находится «Медный всадник» старейшего советского композитора Р. Глиэра, с успехом поставленный в дни юбилея в ряде крупнейших музыкальных театров страны.

Оперы и балеты на пушкинские сюжеты завоевали огромную популярность в театрах братских народов нашей страны. Характерно, что с постановок «Евгения Онегина» началась жизнь многих молодых оперных театров советских республик. Бессмертные образы этой оперы живут и на сцене Большого театра Союза ССР и в столичных театрах братских республик — на узбекской и таджикской, на украинской, татарской и башкирской оперных сценах, в областных театрах,— глубоко волнуя зрителей необычайным проникновением в мир живых человеческих чувств, правдивостью и искренностью переживаний, совершенством музыкальной формы.

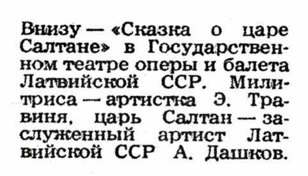
Как молодые побеги берут начало от могучего корня, так целые поколения художников и исполнителей последующих эпох питает животворящий гений Пушкина.

«Бахчисарайский фонтан» в Государственном русском театре оперы и балета Узбекской ССР. Сцена в гареме Гирея. Зарема — артистка Н. Довгели, хан Гирей — В. Нежданов.

На фото слева (сверху вниз):

1. Сцена из оперы «Руслан и Людмила» в Государственном академическом Большом театре Союза ССР. 2. «Борис Годунов» в Киевском академическом драматическом театре имени Ивана Франко. 3. «Пиковая дама» в Государственном Белорусском театре оперы и балета. Сцена из 2-го действия. 4. «Пиковая дама» в Государственном Узбекском театре оперы и балета имени Алишера Навои. Герман — артист М. Мулоджанов. Лиза — заслуженная артистка Узбекской ССР С. Самандарова. (Постановка на узбекском языке.)

Внизу — «Сказка о царе Салтане» в Государственном театре оперы и балета Латвийской ССР. Милитриса — артистка Э. Травиня, царь Салтан — заслуженный артист Латвийской ССР А. Дашков.

Заслуженный артист Таджикской ССР З. Муллокандов в роли Германа в опере «Пиковая дама»,— постановка Государственного Таджикского театра оперы и балета.

Салима Ходжаева в роли Татьяны в опере «Евгений Онегин» — постановка Государственного Узбекского театра оперы и балета имени Алишера Навои.

На снимках справа (сверху вниз):

«Евгений Онегин» в Государственном Таджикском театре оперы и балета. Татьяна — народная артистка Таджикской ССР Т. Фазылова, Гремин — заслуженный артист Таджикской ССР Х. Тахиров.

«Бахчисарайский фонтан» в Государственном театре оперы и балета «Эстония».

«Евгений Онегин» в Государственном Узбекском академическом театре оперы и балета. В роли Онегина — Насим Хашимов.

«Русалка» в Государственном Музыкально-драматическом Бурят-Монгольском театре. Князь — заслуженный артист Бурят-Монгольской АССР А. Арсаланов, мельник — артист А. Тыричев.

Из произведений всех поэтов и писателей мира больше всего переложено на музыку сочинений А. С. Пушкина. Существует около 1500 музыкальных произведений, написанных на стихи или сюжеты великого поэта. Все, без исключения, поэмы, драматические произведения, повести, сказки Пушкина нашли отражение в музыке. Из общего числа 550 его стихотворений, не считая набросков и неоконченных, около 350 также положено на музыку.

Пророческие слова поэта: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык...» — сбылись и в отношении музыки. Творения Пушкина, переведенные на языки народов СССР, вдохновили на создание романсов, хоров, кантат азербайджанских, украинских, литовских, грузинских, татарских, узбекских и многих других композиторов.

Первое музыкально-сценическое произведение на сюжет Пушкина появилось в 1821 году. Это был волшебно-героический балет в 5 действиях — «Руслан и Людмила, или низвержение Черномора».

За 128 лет, прошедших после постановки этого балета, на сюжеты Пушкина написано 80 опер, 18 балетов, 4 оперетты.

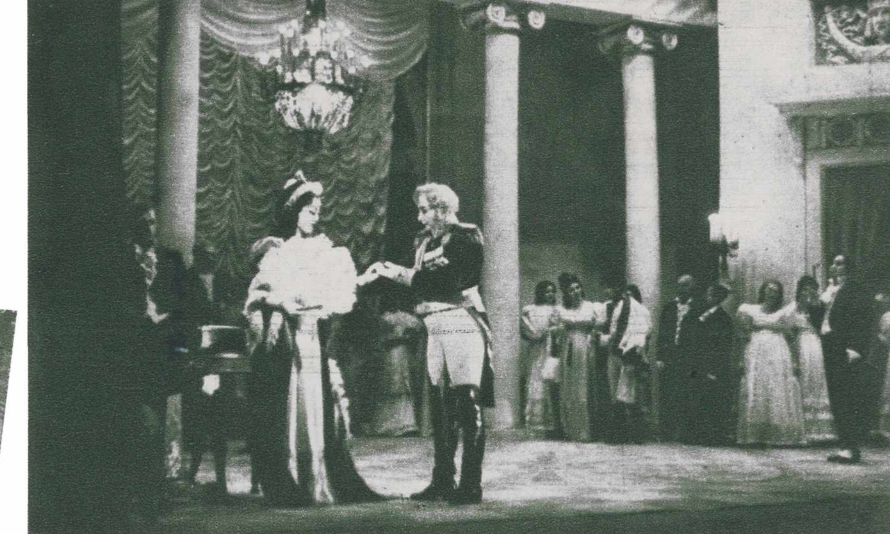
Интерес к пушкинским операм неизмеримо вырос в советское время, когда театр впервые стал широко доступен народным массам. Оперы, написанные на сюжеты Пушкина, стали самыми любимыми; об этом говорит исполнение этих опер в городах всей страны, на различных языках народов СССР, в самодеятельных коллективах.

Об этом же свидетельствует и резкое увеличение постановок «пушкинских» опер на сцене Московского Большого театра. Если в дореволюционные годы «Русалка», например, давалась в среднем по 5 раз в год, то сейчас — 17 спектаклей, опера «Евгений Онегин» раньше — 6, теперь — 30, «Пиковая дама» прежде — 8, теперь — 18...

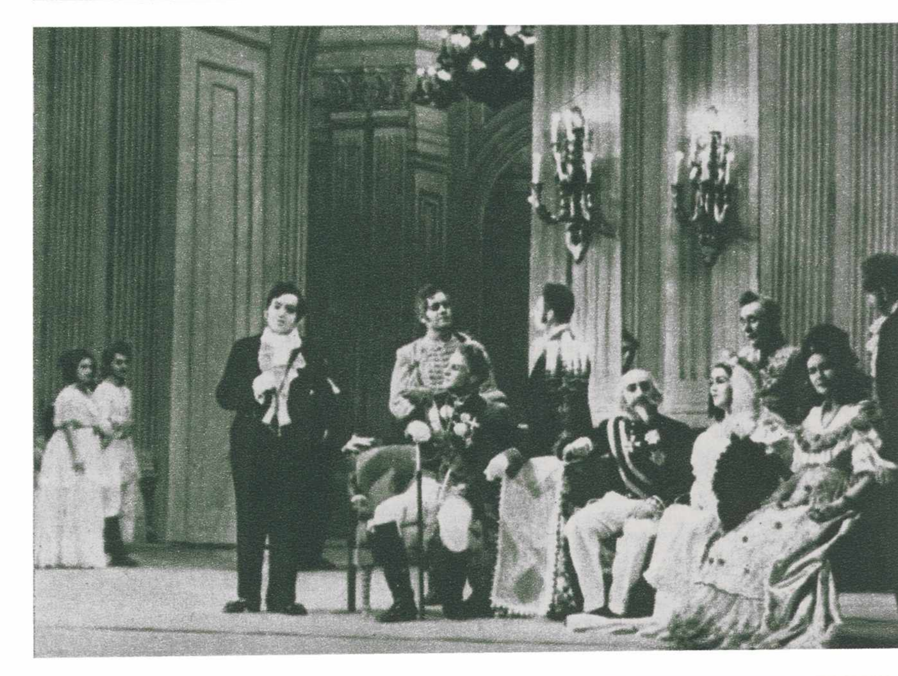
Из пушкинских сочинений наибольшее количество музыкально-сценических воплощений получила поэма «Цыганы» — 12 опер и 2 балета. По 8 музыкальных произведений создано композиторами на сюжет поэмы «Бахчисарайский фонтан», повести «Барышня-крестьянка» и «Пир во время чумы».

Самая популярная «пушкинская» опера — «Евгений Онегин». Только в Москве в Большом театре она прошла свыше 1000 раз, она идет сейчас во всех 30 оперных театрах Советского Союза.

Последнее музыкально-сценическое произведение на сюжет Пушкина, воплощенное на сцене,— балет «Медный всадник».

Мелочи пушкинианы

ВОСПОМИНАНИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Поэт и критик П. А. Вяземский (1792—1878), оставил записи, в которых запечатлены мелкие штрихи из биографии Пушкина. Вот две такие записи.

* * *

Пушкина рассердил и огорчил я стихом, в котором говорю, что язык наш рифмами беден. «Как хватило в тебе духа, — сказал он мне, — сделать такое признание?» Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное.

* * *

Пушкин забавно рассказывал следующий анекдот. Где-то шла речь об одном событии... (Вяземский, по цензурным условиям, не мог написать, что речь шла об убийстве Павла I.) Каждый вносил свое сведение.

— Да чего лучше, — сказал один из присутствующих — академик (который также был здесь) — современник той эпохи. — Спросим его, как это все происходило.

И вот академик начинает свой рассказ: «Я уже лег в постель, и вскоре пополуночи будит меня сторож и говорит: извольте надевать мундир и итти к президенту, который прислал за вами. Я думаю себе: что за притча такая, но оделся и пошел к президенту, а там уже пунш».

Пушкин говорил:

— Рассказчик далее не шел: так и видно было, что он тут же сел за стол и начал пить пунш. Это значит иметь свой взгляд на историю.

ЦЕЛЬНЫЕ ОКНА

Бал, куда едет Онегин (глава 1, строфа XXVII), происходит в доме, о котором, отмечая его великолепие, Пушкин мельком роняет: «По цельным окнам тени ходят, мелькают профили голов...»

В начале XIX века вéрхом модной роскоши считались цельные зеркальные стекла в окнах, появившиеся во многих богатых петербургских домах и магазинах.

Один из иностранных путешественников, рассказывая о Петербурге, писал:

«Нигде не видал я столько цельных оконных стекол в пять— шесть футов, а может быть, и шире. Все стремятся обзавестись этими стеклами-гигантами: министры, негоцианты, модные магазины, часовщики, сапожники, белошвейки, все хотят сквозь цельные стекла на других глядеть и себя показывать. Днем глаз, привыкший к частой решетке переплета обыкновенных окон, не очень пленяется печальной пустотой, которую представляют эти огромные стекла. Зато по вечерам, при свете многочисленных ламп с рефлекторами, цельные стекла предлагают очаровательное зрелище».

ЗАБВЕНИЕ ИЛИ СОЖАЛЕНИЕ?

В повести «Пиковая дама» (глава IV) Томский, танцуя с Лизаветой Ивановной «бесконечную мазурку», разговаривает с ней о Германе. Подошедшие к ним три дамы прерывают их разговор вопросом: «Oubli ou regret?» («Забвение или сожаление?»).

«Можем себе представить,— писала по этому поводу в 1841 году газета «Северная пчела»,— как будут ломать голову комментаторы Пушкина в 20-м, 21-м и следующих столетиях для объяснения этих трех простых слов в «Пиковой даме»: — oubli ou regret? — значение и весьма загадочный смысл которых теперь растолкует всякий танцующий. Это просто любимая фигура в мазурке».

Фигура эта состоит в том, что две дамы избирают себе какие-нибудь условные обозначения; третья дама подводит их к кавалеру и предлагает ему выбрать: забвение или сожаление, роза или лилия, ласточка или соловей и тому подобное. Кавалер должен танцовать очередной тур с той дамой, условное обозначение которой он назвал.

ФЛОРА В СТИХАХ ПУШКИНА

В стихах Пушкина упоминаются: Алое—Анчар—Апельсиновое дерево — Береза — Василек — Виноград — Вишня — Дуб — Ель — Жасмин — Заря — Ива — Киннамон — Клен — Кипарис — Крапива — Лавр — Ландыш — Липа — Лилея — Мак — Мирт — Нард — Олива — Орех — Осина — Повилика — Плющ — Роза — Сосна — Тюльпан — Тополь — Тростник — Фиалка — Черемуха — Яблоня.

Из всех цветов наиболее часто упоминается роза.

КРОССВОРД

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПУШКИНА?»

Составил читатель «Огонька» Н. МАГДЕНКО (Симферополь)

По приведенным ниже отрывкам из произведений А. С. Пушкина определите название этих произведений и заполните клетки кроссворда.

По горизонтали:

2. «Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала...»

4. «Я выстрелил, — продолжал граф, — и, слава богу, дал промах; тогда Сильвио (в эту минуту он был, право, ужасен), Сильвио стал в меня прицеливаться».

6. «Потворствовать греху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я».

7. «Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке, у фонтана,
В белом платье, видят, панна...»

9. «Все здесь напоминает мне былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть».

10. «Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!»

11. «Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом...»

12. «Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...»

16. «В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты».

17. «Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел...»

18. «Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...»

20. «И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул...»

22. «Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне».

25. «Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари».

28. «Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;...»

29. «Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы...»

30. «Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной».

31. «Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала...»

34. «Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь, как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

35. «Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора...»

37. «Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!»

38. «В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны».

По вертикали:

1. «Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...»

3. «Была та смутная пора,...»

4. «Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет...»

5. «Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!»

8. «Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего».

13. «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду».

14. «Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела...»

15. По приведенному отрывку назовите персонаж из произведения Пушкина: «В его чудесной бороде
Таится сила роковая,...»

19. «В деревне все к томленью клонит сна.
О сладкий сон, ничем невозмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть...»

21. «Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она».

23. «...Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?»

24. Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!..»

26. «Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...»

27. «...я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль...»

32. «Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал...»

33. «С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор».

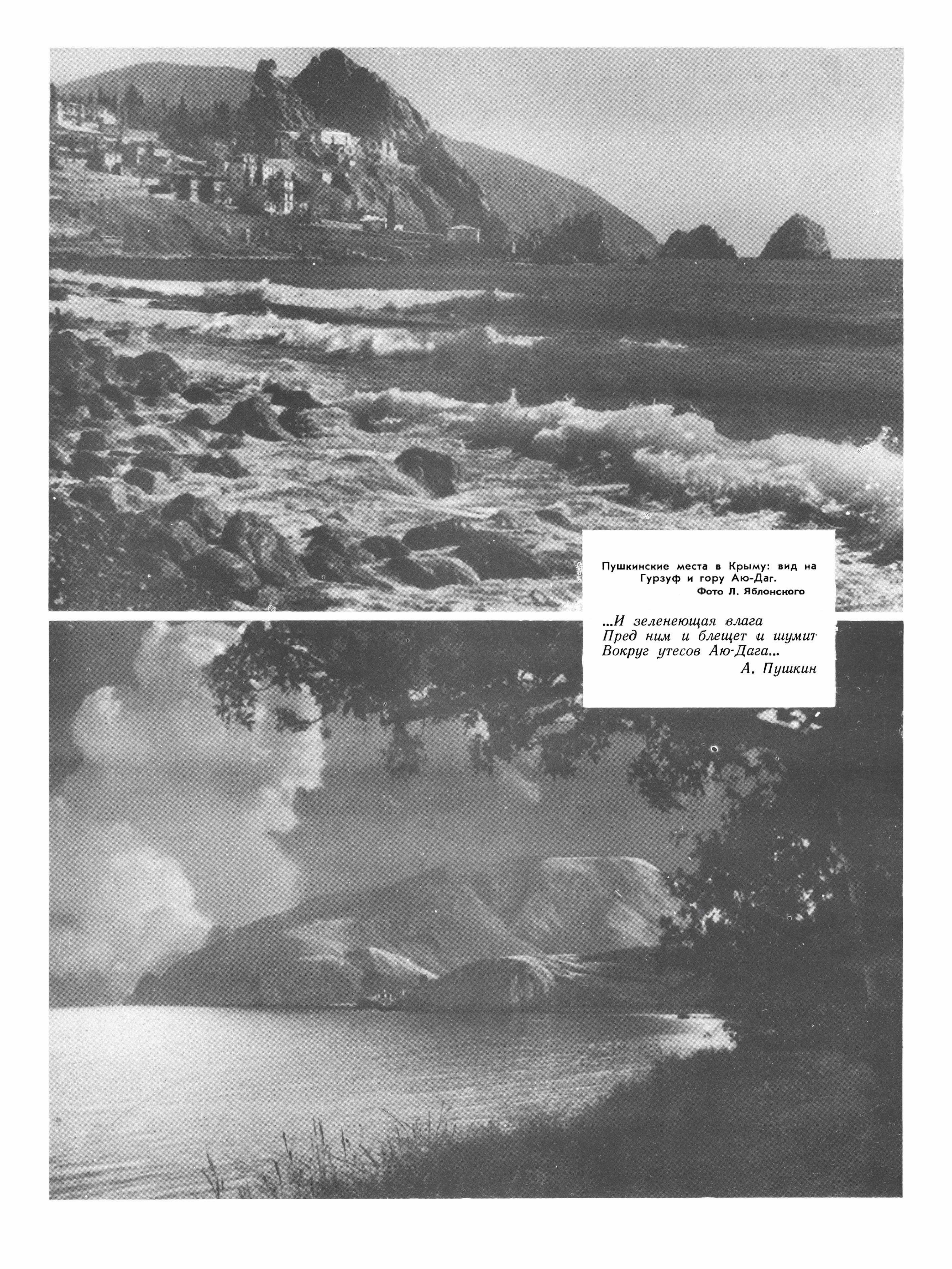
36. «Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!»

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 05246. Подписано к печати 31/V—49 г. Изд. № 381. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1056. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Пушкинские места в Крыму: вид на Гурзуф и гору Аю-Даг.
Фото Л. Яблонского

...И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...
А. Пушкин

Цена
3 руб.